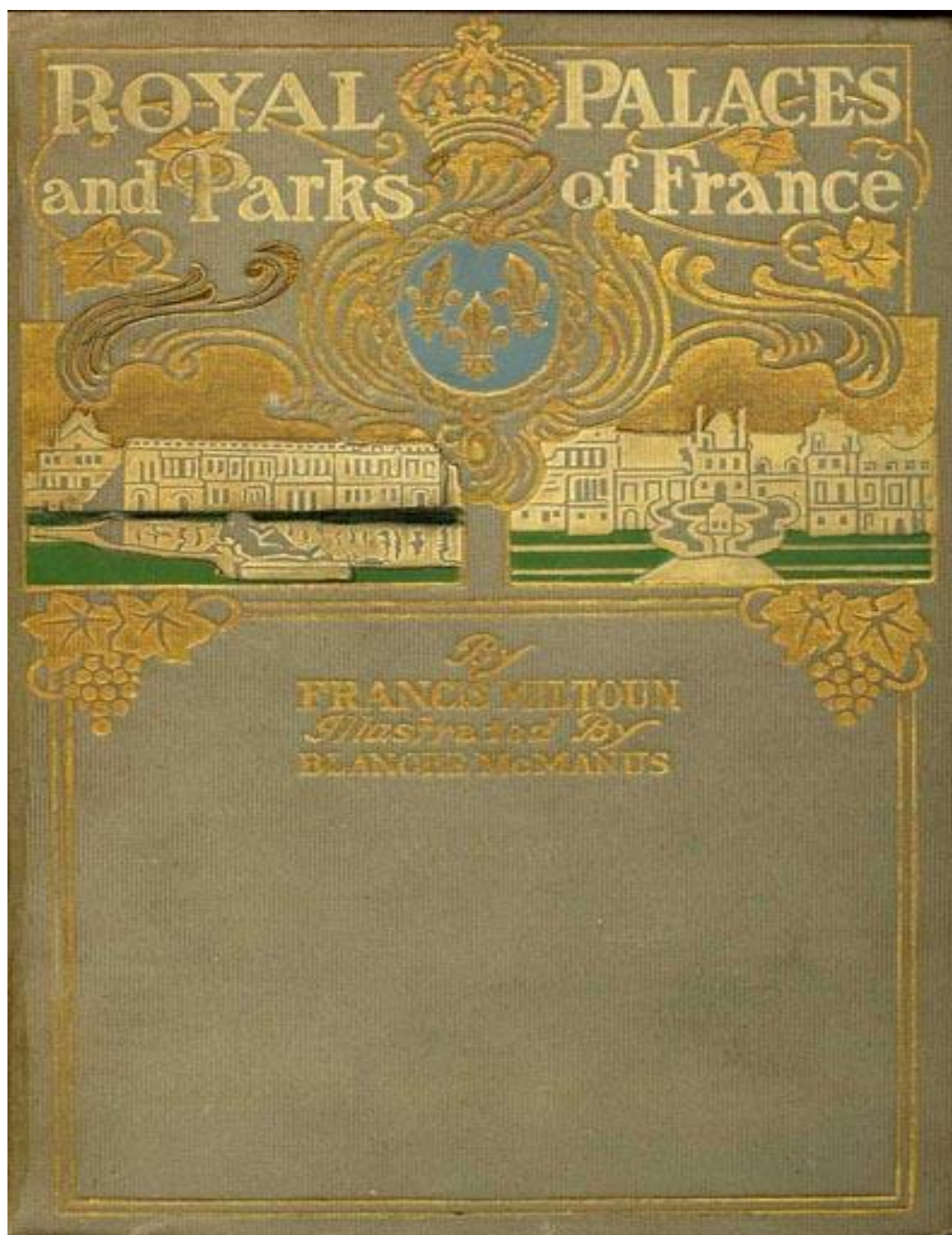

Королевские дворцы и парки Франции

М. Ф. Мэнсфилд

Содержание

[Королевские дворцы и парки Франции](#)

[Автор книг «Замки и шато старой Турени», «Замки и шато старой Бургундии», «Путешествия по Нормандии», «Итальянские шоссе и проселочные дороги с автомобиля» и др.](#)

[С многочисленными иллюстрациями, воспроизведенными с картин, написанных на месте.](#)

[ТРУДЫ ФРАНСИСА МИЛТУНА](#)

[Предисловие](#)

[Королевские дворцы и парки Франции](#)

[ГЛАВА I](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[ГЛАВА II](#)

[ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ САДОВ](#)

[ГЛАВА III](#)

[КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА ВО ФРАНЦИИ](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ПАЛАС ДЕ ЛА СИТЕ И ТУРНЕЛЛЫ](#)

[ГЛАВА V](#)

[СТАРЫЙ ЛУВР И ЕГО ИСТОРИЯ](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ЛУВР ФРАНЦИСКА I И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ТУИЛЬРИ И ЕГО САДЫ](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ПАЛАЦ КАРДИНАЛА И КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ](#)

[ГЛАВА IX](#)

[ЛЮКСЕМБУРГ, ЭЛИЗЕЕВСКИЙ ДВОРЕЦ И ДВОРЕЦ БУРБОНОВ](#)

[ГЛАВА X](#)

[ВИНСЕНН И КОНФЛАН](#)

[ГЛАВА XI](#)

[ФОНТЭНБЛО И ЕГО ЛЕС](#)

[ГЛАВА XII](#)

ГЛАВА XIII

МАЛМЕЗУАН И МАРЛИ

ГЛАВА XIV

СЕН-КЛУ И ЕГО ПАРК

ГЛАВА XV

ВЕРСАЛЬ: СЛАВА ФРАНЦИИ

ГЛАВА XVI

САДЫ ВЕРСАЛЯ И ТРИАНОНОВ

ГЛАВА XVII

СЕН-ЖЕРМЕН-ЭН-ЛЕЙ

ГЛАВА XVIII

МЕНТЕНОН

ГЛАВА XIX

РАМБУЙЕ И ЕГО ЛЕС

ГЛАВА XX

ШАНТИЛЬИ

ГЛАВА XXI

КОМПЬЕЖ И ЕГО ЛЕС

КОНЕЦ

УКАЗАТЕЛЬ

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » Королевские дворцы и парки Франции

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Королевские дворцы и парки Франции

Автор: М. Ф. Мэнсфилд

Иллюстратор: Бланш Макманус

Дата выпуска: 19 июня 2008 г. [электронная книга № 25842]

Язык: английский

Благодарности: Электронный текст подготовлен Джульеттой Сазерленд, Джанет Бленкиншип и командой Project Gutenberg Online Distributed Proofreading Team

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «КОРОЛЕВСКИЕ ДВОРЦЫ И ПАРКИ ФРАНЦИИ» ***

Электронный текст подготовлен Джульеттой Сазерленд, Джанет Бленкиншип и командой Project Gutenberg Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>)

Терраса Генриха IV, Сен-Жермен (см. стр. [286](#))

Королевские дворцы и парки Франции

АВТОР: ФРЭНСИС МИЛТУН

**Автор книг «Замки и дворцы Старой Турени», «Замки и дворцы Старой Бургундии»,
«Путешествия по Нормандии», «Итальянские шоссе и проселочные дороги с
автомобиля» и др.**

***С многочисленными иллюстрациями, воспроизведенными с картин,
написанных на месте***

БЛАНШ МАКМАНУС

БОСТОН
L. C. PAGE & COMPANY
1910

Авторское право, 1910.
АВТОРСКИЕ ПРАВА ПРИНАДЛЕЖАТ L. C. PAGE & COMPANY.
(INCORPORATED)

Все права защищены
Первое издание, ноябрь 1910 г.
Напечатано
THE COLONIAL PRESS
C. H. Simonds & Co., Бостон, США

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФРАНСИСА МИЛТУНА

Прогулки по Ривьере

2,50

<i>Прогулки по Нормандии</i>	2,50
<i>Прогулки по Бретани</i>	2,5
<i>Соборы и церкви Рейна</i>	2,50
<i>Соборы Северной Франции</i>	2,50
<i>Соборы южной Франции</i>	2,50
<i>В стране мечетей и минаретов</i>	3,00
<i>Королевские дворцы и парки Франции</i>	3,00
<i>Замки и шато Старой Турени и страны Луары</i>	3,00
<i>Замки и дворцы Старой Наварры и баскских провинций</i>	3,00
<i>Замки и дворцы Старой Бургундии и приграничных провинций</i>	3,00
<i>Итальянские шоссе и проселочные дороги с автомобиля</i>	3,00
<i>Автомобилист за границей</i>	нетто 3,00

(почтовые расходы
оплачиваются отдельно)

L. C. Page and Company 53 Beacon Street, Бостон, Массачусетс.

Предисловие

«Тысячу лет назад, у крошечного родника, монах, посвятивший себя культу святого Сатурнина, в монашеской одежде, с капюшоном и в сандалиях, преклонил колени, чтобы помолиться своему любимому святому покровителю. Он пришел снова, на этот раз в сопровождении других монахов, и деревянный крест был установлен рядом с «Fontaine Belle

Еау», который к тому времени стал местом паломничества верующих. За монахом пришел король, чтобы поохотиться в соседнем лесу».

Именно этот старинный рассказ о фактах или легенде привел автора и иллюстратора этой книги к полному осознанию богатства исторических и романтических событий, связанных с французскими королевскими парками и дворцами, событий, которые составители путеводителей обошли стороной в пользу, по-видимому, более важных, хорошо подтвержденных фактов истории, которые часто представляют собой сухие перечисления политических взлетов и падений и скучные хронологии строительства и разрушения.

Большая часть истории Франции была создана в великих национальных лесах и королевских загородных домах королевства, но обычно в обзорах рассматривались только события столицы. В значительной степени эта история была доблестной, смелой, часто написанной кровью, где меч заменял перо.

Иногда царила веселье, а иногда — печаль, но всегда это было впечатляющее зрелище.

Дни торжеств прошли, дни, когда лорды и леди прогуливались по величественным залам, когда королевские экипажи охотились на оленей или кабанов в королевских заповедниках, когда веселые кавалькады торжественных кортежей заполняли великие французские шоссе до самых дальних границ и часто за их пределами. Те дни прошли, но для того, кто знает настоящую Францию, всегда под рукой есть готовая обстановка, если он немного отклонится от проторенных путей, изношенных железнодорожными и автомобильными туристами, которые следуют только по линиям традиционных путешествий.

Франция, даже сегодня, как город, так и сельская местность, является раем для европейских монархов, проводящих здесь отпуск. Одного можно встретить в Биаррице на берегу Гасконского залива, другой может принимать ванны в Эксе или Виши, стрелять голубей в тени Тет-де-Шен или охотиться в Рамбуйе. Это современная Франция, самое космополитичное место встречи и отдыха королевских особ в мире.

Французские королевские парки и дворцы, как средневековые, так и более поздние, сильно отличаются от парков и дворцов других стран. Возможно, это связано не столько с их великолепием и роскошью, сколько с чувствами, которые с ними связаны. Во Франции всегда царил дух веселья и спонтанности, неизвестный в других странах. Именно это вдохновило на строительство и содержание таких великолепных королевских резиденций, как дворцы Сен-Жермен-ан-Ле, Фонтенбло, Версаль, Компьень, Рамбуйе и т. д., что совершенно отличается от мотивов, которые привели к возведению Лувра, Тюильри или Пале-Кардиналь в Париже.

Нигде больше не существует ничего, что могло бы сравниться с этими вдохновенными королевскими загородными домами Франции, а если говорить об окружающих их парках и садах, о королевских охотничьих угодьях в окрестностях Иль-де-Франс или о тех, что находятся еще дальше, в Рамбуйе или в стране Луары, то их превосходство над подобными владениями за пределами границ становится еще более заметным.

По своему замыслу эта книга представляет собой серию маршрутов, по крайней мере, главы в ней в значительной степени расположены в топографическом порядке; и если ее охват не так широк, как вся Франция, то это потому, что паркам и дворцам Турени и других старинных французских провинций уже уделено достаточно внимания в других работах, над которыми совместно работали художник и автор книги « ». Именно по этой причине так мало внимания уделено Шамбору, Амбуазу или Шенонсо, которые были столь же

королевскими, как и любой из великолепных дворцов пригорода Парижа, начиная с Конфлана и заканчивая Марли и Версалем.

Еще дальше, в Пиренеях, находится замок, королевский со всех точек зрения, в котором родился галантный Генрих Французский и Наваррский, но рассмотрение этого замка также уже включено в другой том.

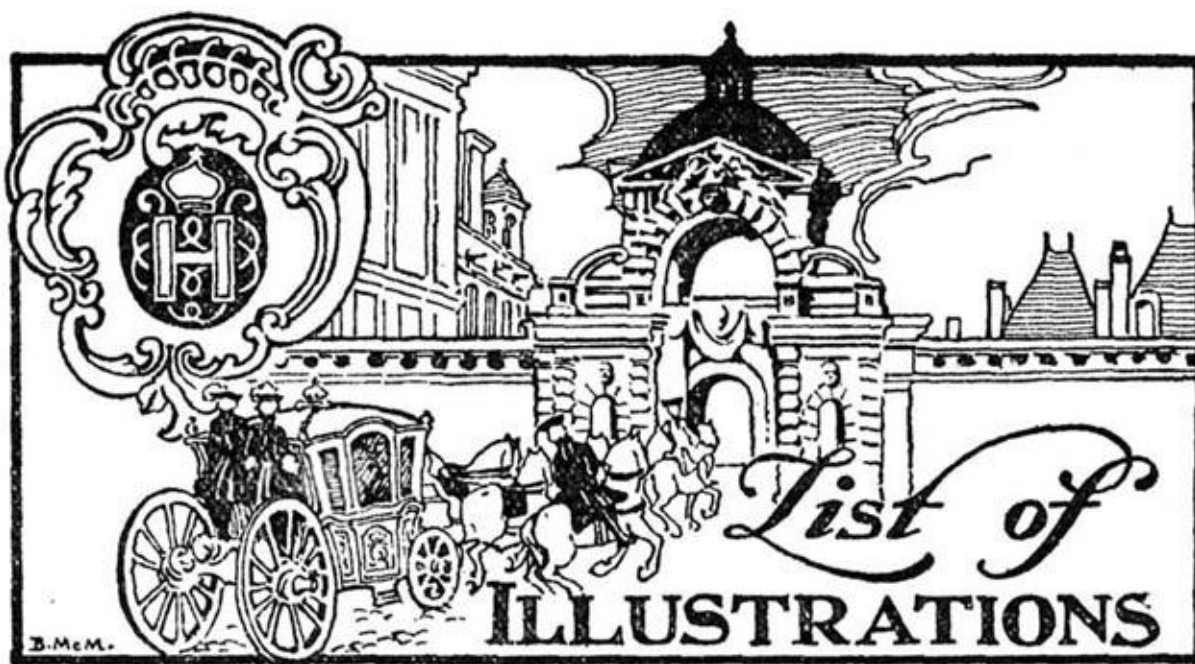
Настоящее исследование включает королевские резиденции столицы, пригородов и отдаленных районов, достаточно удаленных от города, чтобы считаться загородными, а также другие, такие отдаленные, как Рамбуйе, Шантильи и Компьень. Однако все они были тесно связаны с жизнью столицы в средневековье и эпоху Возрождения и вместе образуют класс, отличный от всех других монументальных сооружений, которые существуют или когда-либо существовали во Франции.

Простые исторические факты были по возможности подчинены изложению таких живописных эпизодов из жизни современности, которые дошли до нас от старых писателей, и попытка полного хронологического обзора не предпринималась.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ	<u>13</u>
II. ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ САДОВ	<u>14</u>

III. КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА ВО ФРАНЦИИ	<u>43</u>
IV. ДВОРЕЦ СИТЕ И ТУРНЕЛЬ	<u>61</u>
V. СТАРЫЙ ЛУВР И ЕГО ИСТОРИЯ	<u>75</u>
VI. ЛУВР ФРАНЦИСКА I И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ	<u>85</u>
VII. ТЮИЛЬРИ И ЕГО САДЫ	<u>106</u>
VIII. КАРДИНАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ И КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ	<u>131</u>
IX. ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ, ЕЛИСЕЙСКИЙ ДВОРЕЦ И БУРБОНСКИЙ ДВОРЕЦ	<u>151</u>
X. ВЕНСЕН И КОНФЛАН	<u>168</u>
XI. ФОНТЕНБЛО И ЕГО ЛЕС	<u>180</u>
XII. НА БЕРЕГАХ СЕНЫ	<u>203</u>
XIII. МАЛЬМЕЗОН И МАРЛИ	<u>215</u>
XIV. СЕН-КЛУ И ЕГО ПАРК	<u>229</u>
XV. ВЕРСАЛЬ: СЛАВА ФРАНЦИИ	<u>244</u>
XVI. САДЫ ВЕРСАЛЯ И ТРИАНОНОВ	<u>260</u>
XVII. СЕН-ЖЕРМЕН-АН-ЛЕ	<u>279</u>
XVIII. МЕНТЕНОН	<u>296</u>
XIX. РАМБУЙЕ И ЕГО ЛЕС	<u>309</u>
XX. ШАНТИЛЬИ	<u>324</u>
XXI. КОМПЬЕН И ЕГО ЛЕС	<u>342</u>
УКАЗАТЕЛЬ	<u>363</u>

ТЕРРАСА ГЕНРИХА IV, СЕН-ЖЕРМЕН	<i>Фронтиспис</i>
ЛУВР, ТЮИЛЬРИ И КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЕГОДНЯ	<u>12</u>
«ФРАНЦУЗСКИЙ САД — АНГЛИЙСКИЙ САД»	<u>15</u>
ГЕНРИХ IV В СТАРИННОМ ФРАНЦУЗСКОМ САДУ	<u>20</u>
ПАРТЕР ДИАНЫ, ШЕНОНСО	<u>27</u>
ПЛАН ЗАГЛУБЛЕННОГО САДА (JARDIN CREUX)	<u>30</u>
ПАРТЕР	<u>32</u>
БАССЕЙН ДЕ ЛА КУРОН, ВО-ЛЕ-ВИКОНТ	<u>42</u>
«ОХОТА С ФАКЕЛАМИ»	<u>46</u>
ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА В ФОНТЕНБЛО	<u>52</u>
ОХОТНИЧЬЕ СВИДАНИЕ, РАМБУЙЕ	<u>56</u>
ВИД НА СТАРЫЙ ПАРИЖ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА	<u>74</u>

(карта)	
ЛУВР XIV ВЕКА	<u>82</u>
ЛУВР	<u>90</u>
ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПЛАН ТЮИЛЬРИ (схема)	<u>106</u>
ЗАЛ МАРШАЛОВ, ТЮИЛЬРИ	<u>116</u>
ГАЛЕРЕИ ПАЛЕ-РОЯЛЬ	<u>146</u>
БУРБОН-ОРЛЕАН ПОТОМКИ ЛУИ-ФИЛИППА (схема)	<u>146</u>
ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ	<u>154</u>
ДВЕРЬ В ТРОННОМ ЗАЛЕ, ЛЮКСЕМБУРГ	<u>156</u>
МАЛЫЙ ЛЮКСЕМБУРГ	<u>156</u>
ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД	<u>158</u>
ТРОН ДВОРЦА БУРБОН	<u>161</u>
ВЕНСЕН ПОД ПРАВЛЕНИЕМ КАРЛА V	<u>168</u>
ЗАМОК ВЕНСЕН	<u>172</u>
ОХОТА ПОД СТЕНАМИ ВЕНСЕНСА	<u>174</u>
КОНФЛАН	<u>176</u>
ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПЛАН ФОНТЕНБЛО	<u>180</u>
ИЗ ПАРИЖА В ФОНТЕНБЛО (карта)	<u>180</u>
ДВОРЕЦ ФОНТЕНБЛО	<u>186</u>
ТРОННЫЙ ЗАЛ, ФОНТЕНБЛО	<u>190</u>
ФРАГМЕНТЫ ИЗ ФОНТЕНБЛО	<u>192</u>
КАМИН КОРОЛЕВЫ, ФОНТЕНБЛО	<u>194</u>

ПАМЯТНИК РУССО И МИЛЛЕ В БАРБИЗОНЕ	<u>200</u>
ЗАМОК БАГАТЕЛЬ	<u>204</u>
ЗАМОК МАЛЬМЕЗОН	<u>218</u>
САДЫ СЕН-КЛУ	<u>236</u>
КАСКАДЫ В СЕН-КЛУ	<u>240</u>
МРАМОРНЫЙ ДВОР, ВЕРСАЛЬ	<u>264</u>
ПОТАЖЕР ДЮ РУА, ВЕРСАЛЬ	<u>270</u>
БАССЕЙН ЛАТОНЫ, ВЕРСАЛЬ	<u>272</u>
ФОНТАН НЕПТУНА, ВЕРСАЛЬ	<u>274</u>
МАЛЫЙ ТРИАНОН	<u>276</u>
МОЛОЧНАЯ ФЕРМА КОРОЛЕВЫ, МАЛЫЙ ТРИАНОН	<u>277</u>
СЕН-ЖЕРМЕН (схема)	<u>280</u>
ДОЛИНА СЕНЫ, ВИД С ТЕРРАСЫ В СЕН-ЖЕРМЕН	<u>288</u>
КРЕСЛО МАДАМ ДЕ МЕНТЕНОН	<u>297</u>
ЗАМОК МЕНТЕНОН	<u>300</u>
АКВЕДУК ЛЮДОВИКА XIV В МЕНТЕНОНЕ	<u>306</u>
ЗАМОК РАМБУЙЕ (схема)	<u>309</u>
МОЛОЧНАЯ ФЕРМА КОРОЛЕВЫ, РАМБУЙЕ	<u>312</u>
ЗАМОК РАМБУЙЕ	<u>316</u>
ШАНТИЛЬИ (схема)	<u>325</u>
СТАТУА ЛЕ НОТРА, ШАНТИЛЬИ	<u>326</u>
ЗАМОК ШАНТИЛЬИ	<u>336</u>

КОМПЬЕН (схема)	<u>343</u>
СПАЛЬНЯ НАПОЛЕОНА, КОМПЬЕНЬ	<u>35</u>
КУРС ДЕ КОМПЬЕНЬ	<u>356</u>

Королевские дворцы и парки Франции

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Современный путешественник видит нечто большее, чем просто факты. Исторический материал, связанный с жизнью какого-либо великого архитектурного сооружения, — это нечто большее, чем простое повторение хронологии; побочные факты и связанные с ними события, хотя многие из них могут быть лишь слухами, не менее интересны и необходимы для правильной оценки знаменитого дворца или замка, чем длинные списки дат или развитое генеалогическое древо, которое пытается объяснить то, что лучше оставить необъясненным. Очарование истории значительно померкло бы, если бы все было объяснено, и очень некрасивый кусок мрамора может быть высечен в очень приемлемую статую, если мастер знает, как избежать сомнительных частей.

Маршрут, который следует не только по гребням, но и время от времени погружается в впадины и поворачивает вверх или вниз на такие перекрестки, которые случайно показались привлекательными, возможно, более интересен, чем маршрут, проложенный по традиционным линиям. Нечто туманное, которое для лучшего названия можно назвать чувством, если дать ему полную свободу, поощряет такие отклонения от маршрута, и поскольку они, как правило, оказываются плодотворными и часто не слишком утомительными, такой подход следует всячески поощрять.

Не все интересные королевские дворцы и замки Франции имеют самые известные названия. Не все они выходят фасадом на улицы и набережные Парижа, так же как лучшие виды древней или современной Франции нельзя увидеть с сидений автомобиля для экскурсионных поездок.

Версаль и даже Фонтенбло слишком часто рассматриваются как конечная точка полудневного паломничества для туриста. Лучше было бы подходить к ним более медленно, постепенно, и покидать их менее поспешно. Что касается тех архитектурных памятников королей, которые были созданы в минорном ключе, то их в любом случае нужно искать на месте, а энтузиаст должен заранее вооружиться такими обрывками исторических фактов, которые он сможет собрать, иначе он не увидит ничего в Конфлане, Марли или Бург-ла-Рен (Bourg-la-Reine), что могло бы навести на мысль о том, что королевская семья когда-либо имела к ним какое-либо отношение.

Если говорить сначала о Париже, то очевидно, что именно там паломник к французским святыням должен выразить свое глубочайшее почтение. Это относится как к дворцам, так и к церквям. Во всех случаях нужно вернуться в прошлое, чтобы начать, и старый Париж, то, что от него осталось, все еще остается старым Парижем, хотя для этого нужно покинуть величественные бульвары.

Кольбер и Османы сегодня не живут, а если и живут, то стали настолько «практичными», что дренажный канал или надземная или подземная железная дорога являются большим благом для города, чем создание общественного парка, такого как сады Тюильри, или строительство и украшение общественного здания — по крайней мере, с должным уважением к лучшим традициям. Когда монархи древности привлекали людей с вкусом и культурой вместо «деловых людей», они строили самым приятным образом. Мы не улучшили ситуацию с нашими «системами» и нашими комитетами *«hommes d'affaires»*.

Сегодня модно порицать кавалеров и носителей «любовных замков», но у этих старых парней в плащах и с мечами был прекрасный вкус в искусстве и глаз на художественное окружение; гораздо более прекрасный вкус, чем у их потомков, сторонников парового отопления и водопровода сегодняшнего дня. Гостинные и столовые в стиле Людовика XV и ампира повсеместно рекламируются как достопримечательности великих дворцовых отелей, и некоторые из них являются очень хорошими копиями своих предшественников, хотя нельзя не почувствовать, что клиентура в целом больше настаивает на наличии телефонов в спальнях и такси-такси, чем на чувство хорошего вкуса и хорошего настроения, которое должно вызывать даже поспешная трапеза в зале, воспроизводящем исторически известный Salle des Gardes или Chambre of the Œil de Bœuf Лувра, если, конечно, большинство голодных людей знают, что должно представлять собой их окружение.

Любая хроника, которая пытается зафиксировать приходы и уходы французских монархов, спасается от того, чтобы стать просто скучной хронологией дат и резюме фактов, благодаря обязательным упоминаниям архитекторов и строителей, которые создали великолепные декорации, в которых эти живописные правители проживали свою жизнь.

Строители замков Франции, дизайнеры садов, архитекторы, декораторы и ремесленники всех рангов создали не смесь, а целостное, сплоченное целое, которое выделяется и значительно опережает большинство современных работ такого рода в других странах. Замки и крепости были одного типа в Англии и Шотландии, другого — вдоль Рейна, и если дворцы и замки эпохи Возрождения впервые появились в Италии, то можно с уверенностью сказать, что они никогда не достигли там такого расцвета, как во Франции.

Таким образом, Франция вновь утверждает себя в качестве лидера новых движений. Так было в древности с искусством архитекторов, ландшафтных дизайнеров и художников; так обстоит дело и сегодня в отношении таких прозаических, менее сентиментальных вещей, как автомобили и самолеты.

Еще одна глава в давно начатой истории — это повторение или обзор жизни французских монархов и их последователей на природе. Французы эпохи готики и Возрождения не только любили путешествовать в далекие страны, занимаясь искусством мира или войны в соответствии со своей совестью или обстоятельствами, но и любили открытую местность и открытые дороги у себя дома; они также любили *охоту*, турниры, *сельские праздники* и всевозможные зрелища на открытом воздухе. Добавьте к этим декорациям великолепные костюмы и яркие архитектурные аксессуары эпохи Возрождения во Франции, и мы получим то, чего, безусловно, нет в других странах, — впечатляющее и величественное зрелище средневековой и ренессансной жизни и нравов, которое является превосходным со всех точек зрения.

Иногда это, возможно, трудно совместить с современным отношением французов к жизни на природе, когда *la chasse* означает охоту на ручных лис (вид спорта, заимствованный из-за Ла-Манша), «спорт» означает боксерский матч, а садовая вечеринка или *fête-champêtre* — простое собрание для сплетен за чашкой плохо заваренного чая. В старой Франции все было по-другому — и лучше.

Не вся французская история создавалась или записывалась в стенах дворцов; большая ее часть происходила на открытом воздухе, как две знаменитые встречи у Бидассоа, первое свидание Наполеона с Марией Луизой на дороге, ведущей из Сенлиса, или его пленение Папы Римского в Круа-де-Сен-Эрам, в лесу Фонтенбло.

Именно эта смена обстановки делает французскую историю столь привлекательной для тех, кто в противном случае оставил бы ее в закрытых и пыльных книгах на полках библиотек.

Старинные французские монархи были действительно большими путешественниками, и именно благодаря тому, что государственные дела часто объявлялись и осуществлялись *во время путешествий*, многие замки и загородные дома, которые сегодня вряд ли можно было бы считать королевскими, приобрели королевский статус.

По всей Франции, особенно в окрестностях Парижа, есть определенные замки — дворцы только по названию — аристократии, где члены королевской семьи часто чувствовали себя так же комфортно, как и под своими королевскими знаменами. Невозможно ограничить границы, в которых находятся эти замки, поскольку они фактически покрывают всю Францию.

Путешествия в те романтические времена, по крайней мере для монархов, были, вероятно, столь же комфортными, как и сегодня. Не хватало только скорости, но ночевали они под крышами, столь же гостеприимными, как бело-золотые караван-сарай (и некоторые более скромные), которые сегодня вынужденно становятся временными местами пребывания членов королевских семей, *путешествующих по стране*. Автор видел, как вдовствующая королева Италии обедала за соседним столом в придорожной *траттории* в Пьемонте, которая ничем не отличалась от обычной пригородной закусочной по ту сторону Атлантики. В Биаррице также известно, что монарх-автомобилист Альфонс XIII пил «чай» на террасе большого отеля, заполненного туристами, в компании простых обывателей в очках. *Le temps va!* Интересно, были ли монархи в старину такими же демократичными?

Дворцовые хроники всех веков и всех рангов, оказались золотой жилой для авторов книг всех видов и направлений. Не только дворцовые летописцы, но и памфлетисты, даже трубадуры и актеры внесли большой вклад в записи о жизни средневековой Франции. Не вся история была создана политическими интригами или самонадеянностью; значительная ее часть родилась из более мягких страстей, и автор дешевых книжечек часто печатал многие рассказы, которые летописец, записывавший только факты, не осмеливался использовать. История часто бывает довольно скучной, когда речь заходит о человеческих интересах, и ее слишком часто приходится редактировать.

Придворные и модный мир Франции, начиная со времен Франциска и Маргариты, сочинявших стихи и песню, и даже до этого, делали литературу — по крайней мере, письменные и устные хроники — развлечением и достижением. Королевская или официальная поддержка, оказываемая этим средневековым рассказчикам, не всегда приводила к появлению самых правдивых историй. Тогда, как и сейчас, писатели были склонны к преувеличениям, но большинство их работ было интересно читать.

Эти придворные с зудящим пером не часто писали за деньги. Королевская милость или милость какой-нибудь прекрасной дамы или дам была их главной наградой в гораздо большем числе случаев, чем те, за которые они получали вознаграждение в виде простой мелочи. Именно в работах таких летописцев, как эти, можно найти кладезь неповторимых исторических знаний.

Драматурги появлялись на сцене с готовыми сюжетами (и появляются до сих пор, если вспомнить большое количество французских костюмированных спектаклей последних лет), и независимо от того, вносили ли они фактические ошибки или нет, в их работах обычно было столько правды, что сами историки не раз были вынуждены обращаться к произведениям своих коллег. Ранние дни драматургов во Франции, как и в Англии, были их золотыми днями. Простой литератор или летописец часто подвергался жестокой критике, но драматург, даже если он без прикрас описывал слабости короля, был чествован и ценился так же, как сегодня ценится пианист-виртуоз.

Много слышно о писаках, умирающих на смертном одре, в Англии XVI и XVII веков, но во Франции такого рода вещей было не так много. Здесь никто не писал язвительных насмешек и сладострастных стихов только для того, чтобы избежать тюрьмы, как это делали Нэш и Марлоу в Англии. Одним словом, следует отдать должное придворным летописцам и балладникам Франции, которые были чем-то большим, чем просто воруемыми и шантажирующими халтурщиками.

Весь французский двор и его последователи в XVI веке () выкрикивали эпиграммы и притворялись более великими поэтами, чем были на самом деле. Это было хорошим знаком, который оставил свой след () во французской литературе. Следуя по стопам Франциска I и двух Маргарит, дворяне соперничали друг с другом в своих усилиях создать какое-нибудь эпохальное произведение поэзии или прозы, и хотя они не часто публиковались с целью получения прибыли, они были достаточно рады видеть себя в печати. Кроме того, были еще профессиональные литераторы, отличавшиеся от придворных с литературными амбициями, церковников и придворных атташе всех рангов, в чьих шляпах гудели литературные пчелы. Они тоже оставили после себя впечатляющие произведения, которые были очень полезны для тех, кто пришел после них и стремился придать бренду естественный местный колорит.

Именно с помощью таких ориентиров, как те, что предлагаются в вышеприведенном резюме, можно найти подсказки для воссоздания обстоятельств, при которых были построены французские королевские дворцы, а также для правдивого воспроизведения церемоний и функций того времени, поскольку придворная жизнь в старину, будь то в городском дворце или загородном замке, сильно отличалась от придворной жизни при современном республиканском режиме.

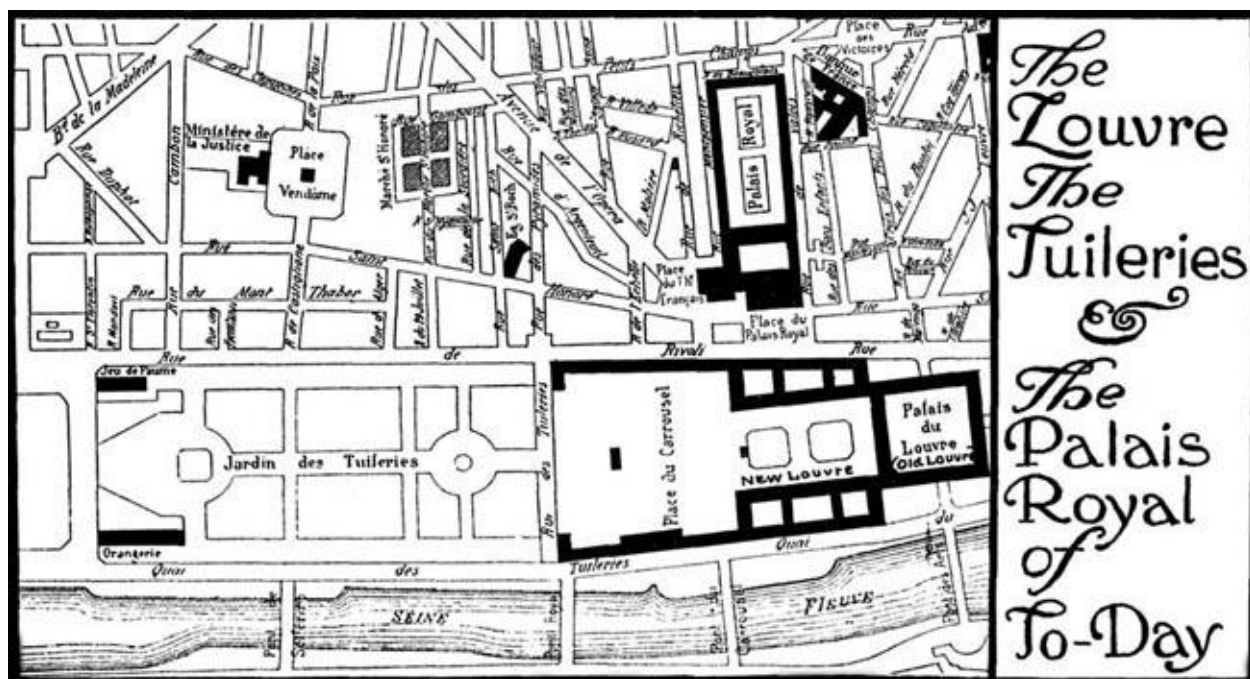
Не только королевские резиденции в Париже с самых ранних времен () отличались роскошным дизайном и исполнением, но и частные отели, дворцы, можно сказать, аристократии были того же высочайшего уровня, и короли и королевы не гнушались останавливаться в них в удобное для них время. Это сравнение напрашивается само собой из-за тесных связей, которые связывали королевскую семью и высшую аристократию.

Достаточно вспомнить, среди прочих представителей этого класса, знаменитый отель де Бове, который иллюстрирует это сравнение. Этот великолепный городской дом не только имел дворцовые размеры, но и вызывал зависть самих монархов из-за своей утонченной элегантности конструкции. Это здание частично сохранилось до наших дней по адресу Rue François Miron, 68, и посетитель может сам судить о его бывшей элегантности.

Лоре в своей «Газетте» в стихах рассказывает о посещении Отеля де Бове в 1663 году Марией Терезией, королевой Людовика XIV.

Mercredi,	notre	auguste	Reine,
Cette	charmante		souveraine,
Fut	chez	Madame	Beauvais
Pour	de	son	palais
Удивительные		amiable	чудеса
И	удивительные		редкости.

Времена изменились, к лучшему или к худшему. Сиденье и карета уступили место автомобилю и двигателю, а дровами топящийся камин — затхлому калориферу или, возможно, газовому камину.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Сравнения *вызывают* отвращение, в этом нет сомнений, но именно контраст делает тему более интересной.

От старого Дворца терм (ныне часть Музея Клюни) римских императоров через Дворец Сите (где проживали короли первой и второй династий) до современных помещений Лувра прошло двенадцать веков. Эта история отнюдь не является непрерывной, но существуют записи, охватывающие по крайней мере дюжину парижских резиденций королевской семьи, где они действительно жили в соответствии с различными стандартами комфорта и роскоши.

Не все последующие французские монархи обладали способностями или склонностями, которые позволяли им поддерживать традиции Франсиска I, любителя искусства, но почти все из них сделали что-то достойное в области строительства или декора, или поручили это сделать.

Людовик XIV, хотя и задержал преобразование Европы на два столетия, был первым настоящим украсителем Парижа со времен Филиппа Августа. В частной жизни его вкус в искусстве и архитектуре был довольно смешным, но публично он и его архитекторы достигли больших успехов в общей схеме.

Наполеон I, в свою очередь, догнал события в политическом смысле, по правде говоря, он опередил их, но он ни в коем случае не пренебрегал украшением столицы, добавил новое крыло к Лувру и наполнил музеи украденной добычей, которую угрызения совести или народный гнев заставили его впоследствии в основном вернуть.

За десятилетие Наполеон вошел в историю и многое сделал для королевских дворцов Франции. После него наступил перерыв до прихода Наполеона III, который, несмотря на свою слабость, проявил дальновидность, дав барону Осману возможность сыграть свою роль в создании современного Парижа, и если бы Тюильри и Сен-Клу не исчезли в результате его неосторожности, период Второй империи не был бы совсем дискредитирован, что касается впечатления, которое он оставил на Париже.

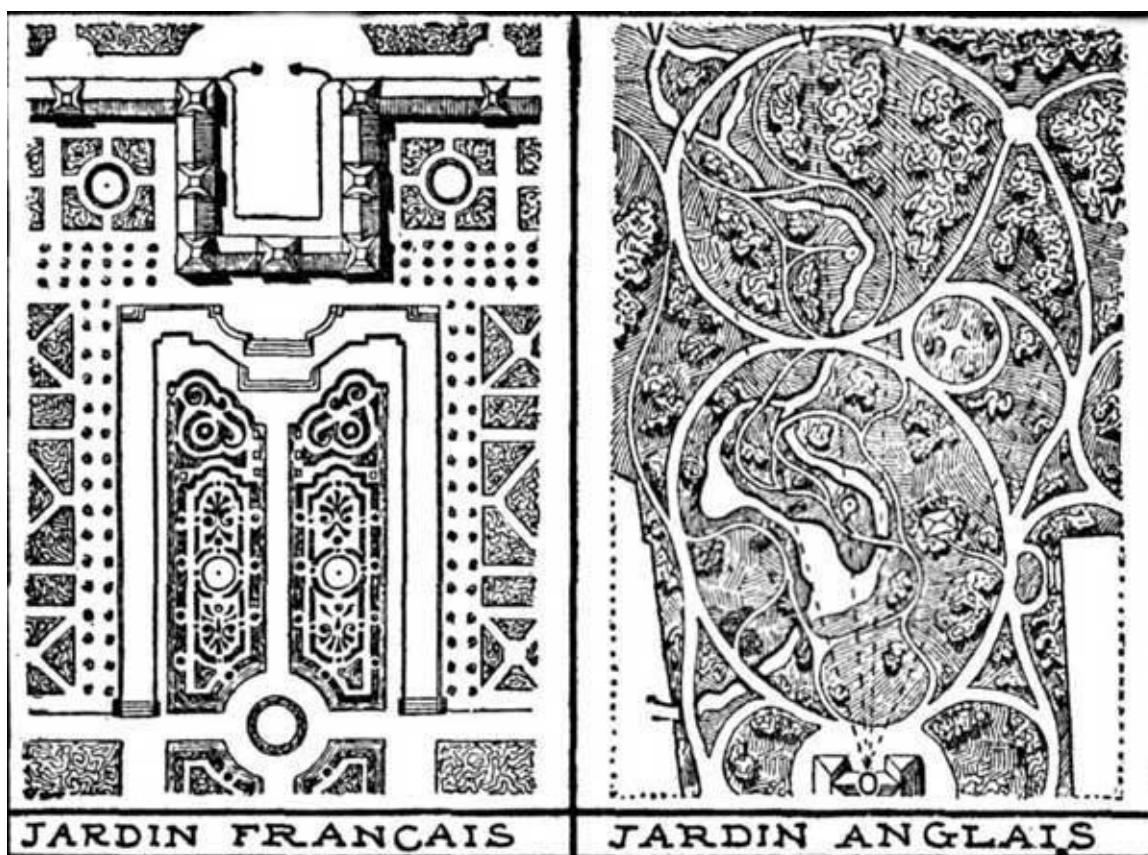
ГЛАВА II

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ САДОВ

Французский сад был творением всех эпох с XV по XVII века, и в большинстве своем современные сады и сады поздних десятилетий XIX века являются адаптациями и восстановлениями классических признанных форм.

От скромных *садов* средневековья до обширных садов и *партеров* эпохи Возрождения был пройден долгий путь. В своем высшем проявлении эти ранние французские сады с их *вышивками* и *каре* можно сравнить как произведения искусства с современными сооружениями из камня или дерева или тканями в тканых гобеленах, которым они очень напоминали.

При Людовике XIV и Людовике XV изысканность французского сада стала еще более ярким воплощением вкусов того времени. Ближе к концу XVIII века стало заметно заметное ухудшение, и различие во вкусах, которые определяли оформление современных жилищ и их садов, было очень очевидным. При Империи также использовался античный стиль мебели и декора, но в отношении садоводства не было современного выражения.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Во второй половине XIX века, во времена Второй империи, снова появились симметричные линии старинных *партеров*, к которым были добавлены композиционные элементы или мотивы, которые больше напоминали детали традиционного английского сада, чем что-либо явно французское.

Английский сад был, по большей части, чистой аффектацией во Франции или, в лучшем случае, рассматривался как откровенная экзотика. Даже сегодня, в современной Франции, где все еще существуют старинные жилища эпохи Генриха IV, Франциска I, Людовика XIII, Людовика XIV или Людовика XV с их садами, последние чаще всего выполнены в классическом чистом французском стиле, в то время как сады современных коттеджей, вилл или замков часто представляют собой бедные, пестрые, фантастические до безумия сооружения.

Листая страницы истории, можно обнаружить, что каждый народ, каждый век имел свой собственный вид сада, который в достаточной степени соответствовал вкусам и потребностям людей, их привычкам и стремлениям.

Садоводство, как и архитектура, сильно различалось в последующие века, и именно по этой причине сады средневековья, эпохи крестовых походов, например, не имели ни малейшего сходства с более просторными *партерами* эпохи Возрождения. Цивилизация делала огромные успехи, и сады должны были соответствовать менее сдержанному, более роскошному образу жизни.

Если сады эпохи Возрождения ознакомили прогресс по сравнению с *прео* (*preaux*) и *жардине* (*jardinets*) средневековья, то сады Ле Нотра были расцветом семени Возрождения. К сожалению, этого нельзя сказать о садовых участках XVIII века (), и только в середине XIX

века общие очертания снова приобрели настоящий шарм и привлекательность, и это было достигнуто только благодаря возвращению к первоначальным принципам.

Первыми садами были *vergers* и *preaux*, небольшие квадраты в виде шахматной доски, которые по сравнению с более поздними стандартами отличались болезненной примитивностью. Эти квадраты, или *carreaux*, часто были засажены листвой и цветущими растениями, которые по возможности напоминали ковровое покрытие или мрамор. Когда эти миниатюрные ограды стали окружать решетками и стенами, можно считать, что эпоха Возрождения в садоводстве достигла своего расцвета.

При Людовике XIV в садовых участках стало заметно некоторое богатство, а при Людовике XV еще более заметной стала симметрия в расположении общих очертаний. К этому времени сад во Франции стал скорее обрамлением, подчеркивающим архитектурные прелести жилища, чем просто аксессуаром, но только с заменой замка-крепости на более уютный замок действительно просторный сад стал неотъемлемым атрибутом великого дома.

Первые сады, окружавшие французские замки, были разработками или адаптациями итальянских садов, таких как те, что были спроектированы через Альпы Меркольяно в феодальный период.

Позже, во время крестовых походов, вопрос о садах практически не входил в жизнь французов. Садам, как и всем другим роскошным вещам, уделялось мало внимания, когда нужно было решать более серьезные вопросы мира и безопасности, и по этой причине о французских садах до XII века практически ничего не известно.

Важным видом садов средневековья были сады, примыкавшие к большим монастырским учреждениям, *прео*, которые обычно были окружены колоннадой монастыря. Одним из самых важных из них, о котором упоминается в истории, был сад аббатства Сен-Галль, капитулом которого был Карл Великий. Именно он выбирал растения и овощи, которые должны были выращивать жители аббатства.

О XII и XIII веках имеется множество литературных источников и, в некотором смысле, также изобразительных. Из них можно сделать очень хорошее заключение о том, каким был сад в те времена: все еще сдержанным, но уже не столь примитивным. С этого момента французские сады делились на *potager* и *verger*.

Потажер был фактически огородом внутри стен, окружавших поместье сеньора, и по необходимости имел очень ограниченную площадь, в основном разбитый на крошечные *carreaux*, или грядки, окаймленные плиткой или кирпичами, во многом напоминающие современные небольшие городские сады. Здесь выращивались самые распространенные овощи, несколько цветов и широкий ассортимент трав, таких как рута, мята, петрушка, шалфей, лаванда и т. д.

Verger, или *viridarium*, был практически фруктовым садом, как и сегодня, с, возможно, обильным количеством цветов и ароматических растений. *Verger* всегда находился за стенами, но недалеко от входа или подъемного моста, пересекающего ров и ведущего к замку.

Как ни странно, именно в *верджер*, или фруктовый сад, в мирное время сеньор и его семья уходили после обеда, чтобы развлечься или отдохнуть.

«D illocques vieng en cest vergier
Eascuns jour pour s'esbanoier».

Так гласил куплет из «Романа о Фивах»; и из более чем ста рыцарских сказаний в стихах, которые признаны классическими, почти все упоминают о *верже*.

Именно сюда молодые люди и девушки приходили весной на праздник цветов, когда они плели венки и гирлянды, поскольку в средневековье сохранился древний обычай украшать голову цветами, то есть шляпами из натуральных цветов, как мы могли бы назвать их сегодня, за исключением того, что современные шляпы, по-видимому, требуют для своего украшения большинства продуктов с фермы и из сада, а также полевых цветов.

Генрих IV в старинном французском саду

Роза была королевой среди всех этих цветов, за ней следовали лилия и гвоздика, в основном в их простом, диком состоянии, а не в виде высококультурных продуктов современности. Из баллад и любовных песен можно понять, что были также фиалки, шиповник, маргаритки, анютины глазки, а маргаритка, или *консоуд*, была одной из самых любимых.

Гвоздику, или *œillet*, называли *armerie*; анютины глазки были особенно популярны у дам, которые вышивали их на своих платочках и поясах. Еще другие цветы нашли место в этом раннем садоводческом каталоге: календула, гладиолус, гвоздика, ландыш и лютики.

Часто *вергер* был окружен защитной стеной, более или менее архитектурной, с башнями и аксессуарами, соответствующими стилю того периода, а также декоративными и утилитарными фонтанами, скамейками и сиденьями, которые также были распространенными аксессуарами.

Старые гравюры, на которых были воспроизведены эти ранние французские сады, очень интересны для изучения, даже забавны, но их перспектива часто была искажена. В XIII и XIV веках перспектива почти полностью игнорировалась в изобразительных источниках. Часто не было ни масштаба, ни глубины; все было непропорционально по отношению ко всему остальному, и по этой причине трудно судить о точных пропорциях многих из этих ранних французских садов.

История создания садов во Франции, в общепринятом смысле этого термина, началась в конце XIII и начале XIV веков; эта традиция оставалась явно французской до середины XV века, поскольку итальянское влияние начало сказываться только после итальянских войн и путешествий Карла VIII, Людовика XI и Франциска I.

Самые ранние следы творчества первых двух из этих монархов можно увидеть в Блуа, и с этого момента можно предположить, что все королевские сады во Франции в значительной степени были созданы под влиянием итальянских мотивов. Так же как в XIV и XV веках во Франции были первопроходцы в искусстве живописи, так и в садоводстве были французские садовники. Один из них, кто бы он ни был, был дизайнером *прео* и *трейлей* Лувра Карла V, о которых существуют изобразительные свидетельства, и он, или они, выполняли работу подобного рода для могущественного дома Бургундии и для Рене д'Анжу, который, как мы знаем, был большим любителем садоводства.

В архивах этих княжеских домов часто подробно описываются расходы, и некоторые из них настолько многочисленны, что нетрудно представить себе, о чем именно в них идет речь.

Дебанес, садовник замка Анже, в одном случае отчитался за «X соль» за ремонт газонов и создание *petit preau*. И еще: «XI соль» за работу шести садовников, которые подстригали виноградные лозы и убирали аллеи *grand* и *petit jardin*.

Роскошь во всех сферах жизни охватила всю Францию в большей степени, чем когда-либо ранее в XIV и XV веках, и почти все без исключения княжеские дома начали соперничать друг с другом в великолепии своего окружения. Теперь появился декоративный сад, отличный от *огорода*, а *прео* стал зеленым аксессуаром, одновременно практичным и декоративным, предшественником *лужайки* и *партера* Ле Нотра.

Прео (по-старофранцузски *prael*) представлял собой симметричный квадратный или прямоугольный участок, засаженный травой (). От латинского *pratum* или *pratellum* слова *preau*, *pré* и *prairie* развились достаточно естественно и таким образом рано стали применяться во Франции к той части сада удовольствий, которая была засажена травой. Это слово очень древнее и дошло до нас через монашеский словарный запас монастыря.

В одном из своих знаменитых стихотворений Кристина де Пизан, автор «Жизни Карла V», так описывает монастырь в Пуасси.

«Du	cloistre	grand	large	et	especieux		
Que	est	carré,	et,	afin	qu'il	soit	mieulx
A	un	prael,	ou	milieu,	gracieux		
Vert		sans			grappin		

Ou a planté en my un très hault pin».

Именно в этот период, в эпоху Святого Людовика и апофеоза готической архитектуры, Франция стояла во главе европейской цивилизации, поэтому ее превосходство в садоводстве не подвергается никакому сомнению.

Сады готической эпохи редко превосходили *огороженные участки* с протекающим через них ручьем, родником, сосной, дающей желанную тень, несколькими простыми цветами и фруктовым садом.

Соседи Франции часто воевали между собой, но Великий Сеньор здесь занимался благоустройством своих окрестностей и обрамлением своих замков, поместий и загородных резиденций в достоинстве и наиболее привлекательных картинах. На приусадебных участках появились газоны, цветы выются по стенам замков, а кустарники и деревья стали играть подлинно эстетическую роль в жизни того времени.

Известный чужеземец, изгнанный из Италии, некто Брунетто Латини, учитель Данте, который искал убежища во Франции, изложил свои взгляды на этот вопрос, которые по сути были такими же, как выше.

Примерно в это же время появились предки *глиорет*, которые стали так популярны в XVIII веке. Практически *глиорет*, слово, широко используемое в северной Франции и Фландрии, означало «*logette de plaisance*» (беседка для удовольствия). Испанцы в своем слове «*glorietta*», обозначающем павильон в саду, использовали практически то же самое значение.

В XIV веке во французском саду *gloriette* представляла собой своего рода беседку или летний домик, похожий на решетку, украшенный виноградными лозами и часто расположенный на естественном или искусственном возвышении. Другими быстро развивающимися деталями французского сада были аллеи, окаймленные деревьями, и посадка более или менее регулярно расположенных клумб с цветущими растениями.

Шпалеры из виноградных лоз, павильоны и рощи, покрытые виноградными лозами, были быстрым развитием этих деталей, и « » сыграли значительную роль в садоводстве во времена французского Возрождения.

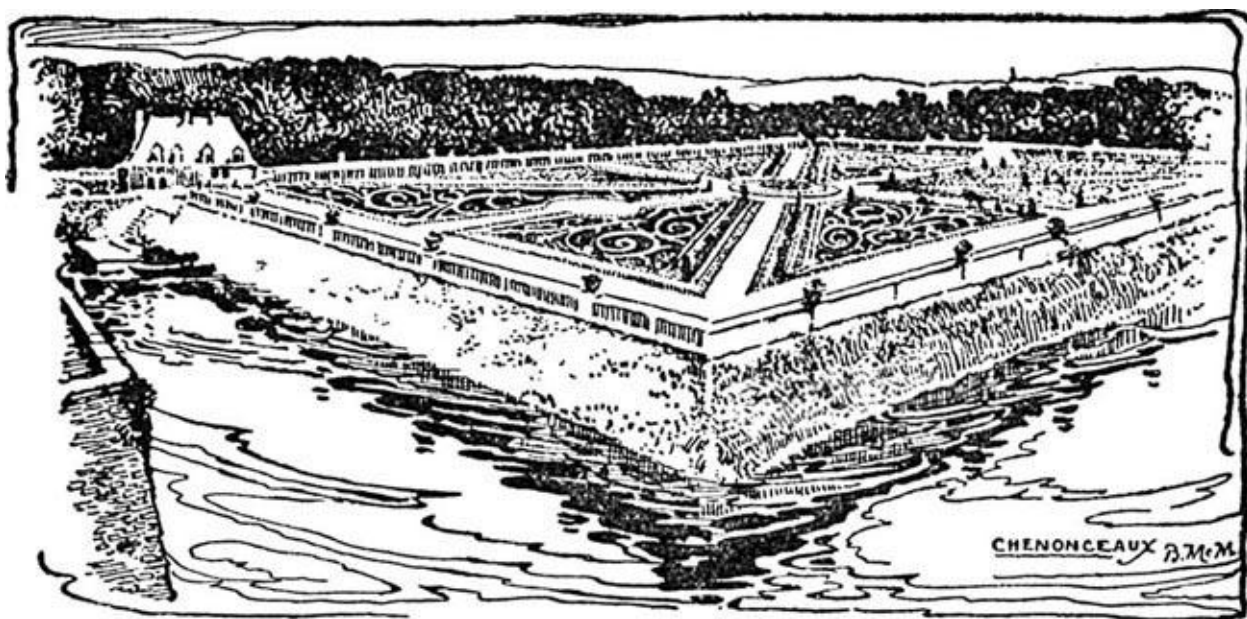
В этой же связи в описании садов Лувра при Карле V есть очень точная запись о вкладе одного человека, Жана Барилля, создателя Арлорса, в эту форму искусства ландшафтного архитектора.

«Декоративные птицы — павлины, фазаны и лебеди — теперь стали дополнением французских садов на суше и на воде». Так высказался один писатель XV века. Из «*Mémoires de Paris*», произведения конца XIV века, мы узнаем, что за жилищем принца или дворянина того времени обычно находился «*красивый сад, засаженный фруктовыми деревьями, овощами, розами, украшенный вольерами и покрытый газоном, по которому прогуливаются павлины*».

Французские сады разных эпох легко различить по ширине их аллей. В средние века дорожки, разделявшие садовые участки, были очень узкими; в период раннего Возрождения они стали несколько шире, достигнув максимальной ширины в садах Ле Нотра.

Обрезанные деревья вошли в общую схему во Франции в конце XV века. При Генрихе IV и Людовике XII деревья часто обрезали в неуклюжих, фантастических формах, но с приходом Ле Нотра хороший вкус, который он так широко пропагандировал, быстро отверг эти гротескные формы, которые, по сути, были заимствованы из Фландрии, как и *глиореты*. Ни в коем случае подстриженный тис в форме павлина или жирафа не мог быть назван французским. Ле Нотр устранил зверинцы и вольеры, но сохранил определенные геометрические формы, особенно в отношении живых изгородей, где часто вырезались ниши для размещения статуй, колонн, увенчанных золотыми шарами, и т. д.

Наиболее известными из садов в стиле ренессанса, созданных в результате миграции французских монархов в Италию, были сады, окружавшие такие дворцы и замки, как Фонтенбло, Амбуаз и Блуа. Часто эти явно французские сады, хотя и вдохновленные в первую очередь итальянским стилем, на самом деле были созданы итальянскими мастерами. Пучелло Марсельяно за четыреста *ливров* и Эдме Марсельяно за двести *ливров* были на службе у Генриха II. Именно первый из них создал великолепный *Партер Дианы* в Шенонсо, где позже Екатерина Медичи, восхищенная мастерством флорентийцев, дала дальнейшее поручение о создании *Jardin Vert*, который должен был дополнить этот *партер*, Анри ле Калабрезе и Жану Колло.

«Партер Дианы», Шенонсо

Поздние сады эпохи Возрождения делились на различные классы: «*jardins de plaisir*», «*jardins de plaisance*», «*jardins de propreté*» и т. д. Партеры теперь делились на два вида: «*parterres à compartiments*» и «*parterres de broderies*», названия которых достаточно понятны и не требуют дополнительных комментариев.

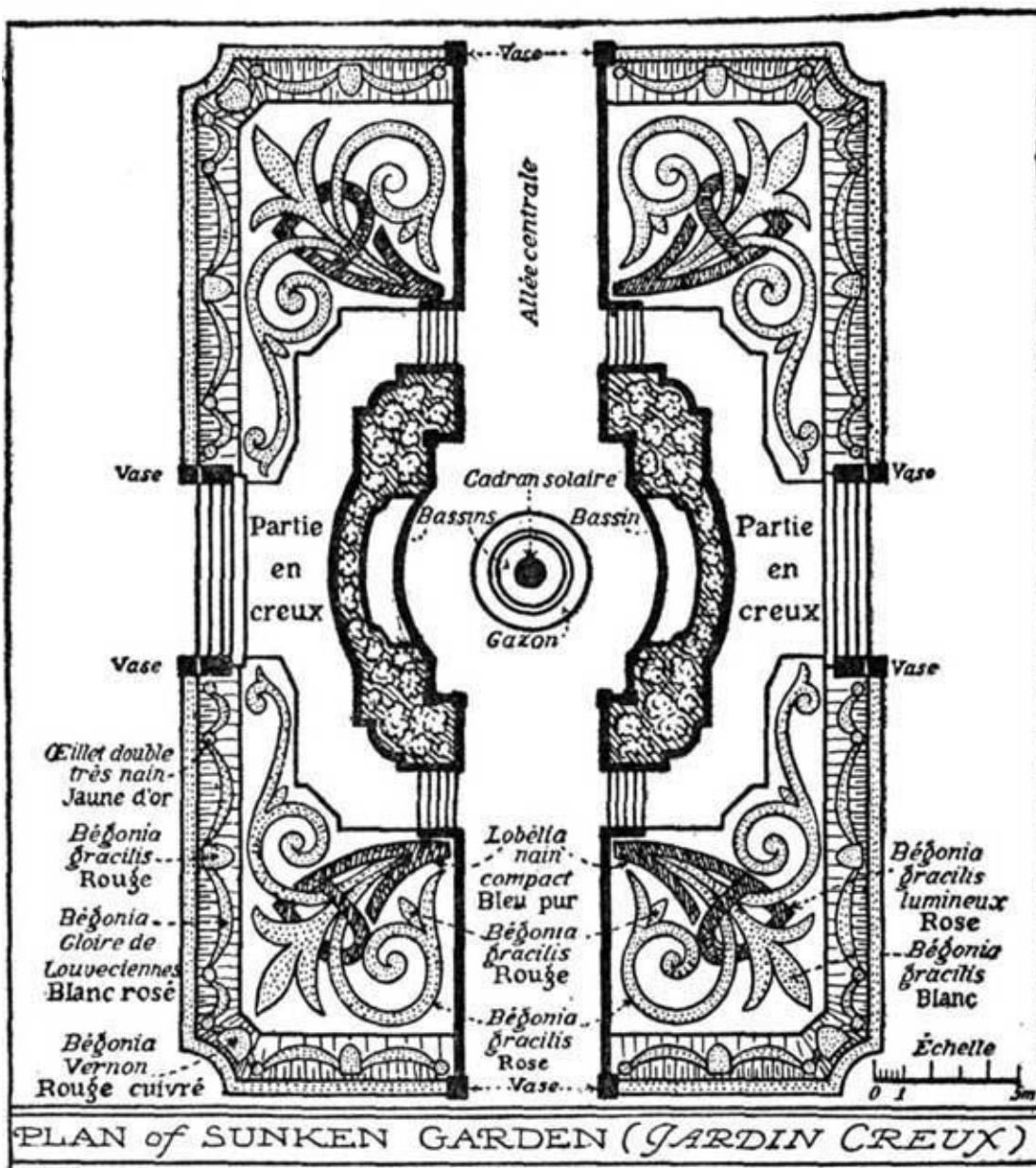
Трудно определить, как именно появились садовые *вышивки*. Возможно, они были косвенно связаны с любовью женщин к вышиванию и садам. Создание этих садовых *вышивок* было высокоразвитым искусством. Пьер Валле, вышивальщик Генриха IV, создал много выдающихся и известных работ и приобрел обширную клиентуру благодаря своим цветам и моделям. Часто эти сады с их *партерами* « » и «*broderies*» были просто дополнением к уже существующей архитектурной схеме, но в случае с садами Люксембурга и Сен-Жермен-ан-Ле они появились вместе с самими зданиями или, по крайней мере, с теми частями, которые

они должны были украшать. Тогда впервые была достигнута гармония между работами садовода-ландшафтного дизайнера и архитектора-строителя из камня и дерева. Это было прелюдией к тем величественным ансамблям, композитором которых стал Ле Нотр.

Из знаменитых французских дворцовых и замковых садов, которые не сосредоточены вокруг самих зданий, с которыми они более или менее тесно связаны, но являются отдельными и обособленными от садов, которые в большинстве случаев фактически окружают жилище, можно упомянуть сады Монтаржи, Сен-Жермен, Амбуаз, Виллер-Коттере и Фонтенбло. Это скорее парки, подобные так называемым «домашним паркам» в Англии, которые, хотя и являются пристройками к жилищам, являются самодостаточными и обладают отдельной идентичностью или смыслом существования. В основном эти и, по сути, большинство французских садов той же эпохи сильно отличаются от современных произведений в Италии тем, что последние часто строились и террасировались вверх и вниз по склонам холмов, тогда как французский сад в большинстве случаев разбивался на ровной поверхности, хотя в каждом из них использовались вставные архитектурные аксессуары, такие как балюстрады, скульптуры, фонтаны и т. д.

Молле был одним из самых известных садовников времен Людовика XIV. Он был садовником герцога д'Омаля, который построил сады замка Ане, когда он был занят Дианой де Пуатье, и в то время они считались самыми знаменитыми во Франции благодаря своему уходу, обилию и разнообразию цветов. Это было высшее развитие французского сада до этого времени.

Возможно, что именно Клод Молле был создателем *партеров* и *бродерий*, которые так широко использовались в его время и после него. Формула Молле была основана главным образом на формах цветов и растений, напоминающих по дизайну восточные вышивки. Он в равной степени использовал лабиринты и заглубленные сады. Его идея заключалась в том, чтобы превратить простой *паркет* в сложный *партер*. Он начал свою карьеру при Генрихе III и в конечном итоге стал садовником Генриха IV. Его сложная работа «Theatre des Plans et Jardinage» была написана примерно в 1610-1612 годах, но была опубликована только полвека спустя. Только в шестнадцатом веке сады в Париже были спланированы и разработаны в масштабе, который был равен многим, которые ранее были спроектированы в провинциях.

[Посмотреть](#)

[увеличенное изображение](#)

До появления Ле Нотра главными фигурами французского садоводства были два брата Молле, братья Буасо, де ла Бародери и Жак де Менур, и все они последовательно занимали должность суперинтенданта королевского сада.

В этих королевских садах всегда была одна ярко выраженная особенность — *гранд-рояль* (), то есть главные аллеи или дорожки, которые здесь были более масштабными, чем в любых частных садах знати. Центральная аллея всегда имела самые щедрые пропорции, а ее название происходило от королевского — *гранд-рояль* (*grand roial*) было эквивалентом *Allée Royale*, то есть Авеню Рояль.

К концу XVI века сад Тюильри, который позже был полностью преобразован Ле Нотром, представлял собой интересный образец *паркета* в его лучшем проявлении. В книге «*Paris à Travers les Ages*» можно прочесть, что из окон дворца сад напоминал большую шахматную доску, содержащую более ста одинаковых *carreaux*. Шесть широких продольных аллей или проспектов пересекались восемью или десятью более мелкими аллеями, что создавало эффект прямоугольника. На некоторых квадратах росли одиночные или группы деревьев, на других — традиционные *квинконсы*, на третьих — просто растянулись лужайки, а на

четвертых — « » — были высажены цветы в симметричных узорах. На одном из этих квадратов был изображен герб Франции и герб Медичи. Эти сады Тюильри были впервые изменены по проекту Бернара Палисси, мастера по изготовлению фарфора. Он дал волю своей фантазии, и пересекающиеся аллеи и аллеи были украшены на их пересечениях лепными орнаментами, эмалированными миниатюрами, черепашками из фаянса и лягушками из фарфора. Возможно, именно это дало толчок французам к их сегодняшней любви к подобным эффектам, но Бернар Палисси, несомненно, никогда не заходил так далеко, как гипсовые кошки на коньке крыши, которые сегодня можно увидеть на многих красивых виллах на севере Франции. Это, безусловно, придавало живописности саду Лувра эпохи Возрождения, созданному в том же духе, который вдохновлял этого художника при его сотрудничестве в Шенонсо. Именно эта формула привела к появлению *jardin d'édification*, преувеличения вкуса эпохи, но все же критичного по отношению к своему времени.

Партер

[Увеличить изображение](#)

Сады эпохи Возрождения легко делились на два класса: *партеры с отсеками* (*parterres à compartiments*) и *партеры с вышивками* (*parterres de broderies*). Первые, при Франциске I и Генрихе II, были разделены на геометрические отсеки в полном соответствии со вкусом эпохи Возрождения, но часто окаймлены изображениями узоров, взятых из венецианского кружева и различных других современных материалов. Были и другие *партеры*, где отсеки планировались с более утилитарной целью; другими словами, это были *огороды*, которые, по словам Оливье де Серра, придавали саду «выгодную красоту» (). Некоторые отсеки были полностью посвящены травам и лекарственным растениям, а другие — исключительно цветам. Как правило, отсеки обновлялись два раза в год, в мае и августе.

Большой партер в Фонтенбло, называвшийся в прежние времена *Партером Тибра*, представлял собой замечательный образец террасного сада, который можно было найти во Франции: террасы поднимались на метр или более над фактическим участком сада и образовывали своего рода садоводческую арену.

В XVI веке в садах стали использоваться архитектурные мотивы в виде квадратных, круглых или восьмиугольных павильонов, а также были добавлены значительные площади мощеных тротуаров, которые лучше всего проявились в садах Шато-де-Гайон и Ланже.

Особой и отличительной чертой французского сада эпохи Возрождения был лабиринт, который имел три известные формы. Первый состоял из низких бордюров, второй — из живых изгородей высотой до плеч или даже выше, а третий был практически рощей с крышей. Последнее изобретение, как говорят, принадлежит сдержанному Людовику XIV. В саду Тюильри во времена Екатерины Медичи был лабиринт, который был очень популярен среди парижской знати, которая «находила в нем большое удовольствие».

В этом саду лабиринт иногда называли «Дорогой Иерусалима» и, по-видимому, он был восточного происхождения.

В XVII веке в садах стали появляться гроты, хотя, по-видимому, это была гораздо более древняя итальянская традиция. Среди известных гротов того времени были грот в саду *Jardin des Pins* в Фонтенбло и грот в замке Медон, построенный Филибером Делормом, красоту которого воспел в своих стихах Ронсар. Это искусство не ограничивалось садами королевских особ и знати, поскольку *буржуазия* быстро увлеклась этой детской затеей (которая, кстати, считается пришедшей из Голландии) и построила себе гроты из ракушек, гипса и валунов. Именно тогда появились *фаянсовые собачки*, которые так любят сегодня самодовольные жители пригородов Парижа.

К XVII веку выровненные *carreaux* ранних геометрически расположенных садов часто заменялись прямоугольниками, кругами и, несколько робко введенными, более причудливыми формами, с целью придать разнообразие ансамблю. Больше не было такого страха перед художественным эффектом больших открытых пространств, как раньше, и аллеи и дорожки были значительно расширены, а такие архитектурные и скульптурные аксессуары, как фонтаны, балюстрады и перила, были спроектированы в более широком масштабе. Бассейны, каналы и другие сдержанные водные поверхности начали появляться в более крупных масштабах, и больше внимания уделялось их пропорциям с учетом той декоративной роли, которую они должны были играть в ансамбле.

Это был подготовительный период к появлению произведений Ле Нотра и Мансара.

Великий век придал королевским и дворянским резиденциям глубокое величие, и его влияние не менее заметно, чем характер их садов. Движущей силой, которая определила все это, была воля *Короля-Солнца*.

Партеры и *бродерии* были спроектированы в еще более грандиозных масштабах, чем раньше. Они часто группировались в четыре равные части с круглым бассейном в центре, а со всех сторон возникали зеркальные водоемы.

Рядом с королевской резиденцией находился парадный двор, который часто украшали цветами и газонами, а также плиткой и флагами. От него расходились длинные аллеи и проспекты, простиравшиеся почти до бесконечности. В это время газоны были ухожены до высокого уровня, и на каждом повороте были рощи, беседки (), домики для отдыха (), беседки () и *театры* (*theatres de verdure*). Теннисные корты стали обычным дополнением, а

бассейны и «зеркала» воды часто дополнялись каскадами, а некоторые каналы были настолько большими, что по ним плавали государственные баржи. Над некоторыми каналами были построены мосты, столь же фантастичные по своему дизайну, как японские, а другие — столь же монументальные, как Пон-Нёф.

Своей величественной регулярностью французские сады XVII века обладали восхитительной торжественностью, хотя их масштабность и величие вызвали оправданную критику. Именно эта критика определяет ценность таких садов, как Версальский и Во, но нужно признать, что масштаб, в котором они были запланированы, имеет к этому большое отношение, и, безусловно, если бы они были примыкают к менее величественным зданиям, критика была бы еще более оправданной. В данном случае критика должна быть оправданной.

К этому времени облик сада претерпел значительные изменения. Помимо таких величественных ансамблей, как Версаль, теперь стало модным предпочитать что-то меньшее по размеру, но часто перегруженное аксессуарами того же характера, которые так хорошо смотрелись на фоне обширности Версаля, но, с другой стороны, выглядели совершенно неуместно в миниатюре.

Вскоре «стиль помпадюр» начал проявляться в дизайне садов — преувеличение неоспоримой грации за счет напыщенного маньеризма. Все детали рококо, которые применялись в архитектуре, теперь начали находить свое отражение в садовых альпинариях — странных фантазиях, построенных из гипса и даже морских ракушек.

В конце XVIII века на сцену вышел дизайнер садов Де Нёффорж. Его работы стали прелюдией к классицизму стиля Людовика XVI, который должен был появиться впоследствии. В это время также наблюдалась склонность к английскому саду, но лишь в незначительной степени, хотя к 1780 году традиционный французский сад был практически заброшен. Таким образом, революция в искусстве садоводства на несколько лет опередила революцию в мире политики.

Существует три или четыре работы, в которых подробно рассматриваются эти вопросы. Это «*De la Distribution des Maisons de Plaisance*» Блонделя (1773), его «*Cours d'Architecture*» того же года и книга Пансерона «*Recueil de Jardinage*», опубликованная в 1783 году.

Следующее краткое резюме показывает различные этапы, через которые прошел французский формальный сад. В средневековье сад был чем-то совершенно отдельным от жилища и представлял собой лишь небольшой сад у входа в дом. Сад эпохи Возрождения усилил регулярные линии, существовавшие в средневековье, но часто был так же мало согласован с окружающим его жилищем, как и его предшественник.

Объединение сада, жилища и его пристроек было явно выражено при Людовике XIV, в то время как сады Людовика XV несколько изменили величественные линии и великолепие садов его предшественника. Сады Людовика XV были более фантастическими и в меньшей степени следовали традиционным канонам хорошего вкуса. Формы и очертания были сложными и действительно необъяснимо смешанными в меланж, в котором трудно было распознать что-либо конкретное, и уж тем более примеры каких-либо благородных стилей, которые сохранились до наших дней. Прямые линии исчезли, уступив место самым разнузданным и иррациональным изгибам, а сдержанное величие садов Людовика XIV превратилось в клубок противоречивых элементов, красивых по частям и не лишенных интереса, даже эффективных в отдельных местах, но в целом вызывающих раздражение.

Наконец, наступила реакция в пользу чего-то более простого и более гармоничного с рациональным вкусом.

Лучшим сохранившимся примером сада Людовика XV является тот, который окружает *Павильон музыки* (*Musique*) Малого Трианона, дополнение к саду, который Людовик XIV подарил Большому Трианону. По сравнению с большим садом Ле Нотра, эта последняя концепция похожа на будуар по отношению к приемной.

Сад Людовика XVI был смешанным, с элементами из-за Рейна, из Голландии и Бельгии и даже из Англии; однако эти элементы не прижились, но на время придали ему вид, менее французский, чем все, что было до этого.

С начала XIX века формальный сад был практически заброшен во Франции. Это был период настоящего упадка формального сада. Это произошло не по одной причине, а по многим. К прямым линиям и плавным изгибам французских садов предыдущих поколений добавились извилистые линии, столь же разнообразные и сложные, как в долине Кашмир, а также крошечные звездочки, полумесяцы и прочее, благодаря чему земля больше напоминала декоративный потолок, чем сад. Сентиментализм эпохи сыграл свою роль и усилил стремление реализовывать личные вкусы, а не следовать традиционно принятым канонам. Во Франции быстро росла популярность английских садов, и многие аристократические плантации были переоборудованы в соответствии с этими канонами, а и были полностью уничтожены. Непосредственно примыкая к жилищу, сад все еще сохранял некоторое сходство с прежними очертаниями, но по мере удаления от него он превращался в парк, дикий лес или заповедник.

Изабе Пэр, миниатюрист, под влиянием Наполеона, в начале XIX века спроектировал ряд французских садов, более или менее следуя традиционным линиям лучших работ XVII века, и в небольшом масштабе преуспел в возрождении утраченного вкуса. Садам Изабе, возможно, не хватало многого из того, что было замечательного в лучших работах Ле Нотра, но они были значительно лучше всего, что было создано в том же духе, поскольку свидетельствовали о похвальном стремлении вернуться к лучшим идеалам.

Во время Второй империи в Париже был дан большой импульс проектированию и созданию садов. Именно тогда парки и скверы стали действительно входить в художественную концепцию того, каким должен быть красивый город.

Не говоря уже о садах Тюильри и Люксембург, сегодняшние парки Монсо и Бют-Шомон, потомки этих первых парижских садов, ясно показывают, насколько хороши они были в плане дизайна и исполнения.

Большинство известных профессиональных садовников Франции добились своих первых успехов в садах Парижа, воспроизводя лучшие работы XVI, XVII и XVIII веков, которые сохранились, не утратив своей красоты, несмотря на конкуренцию более поздних лет, хотя, возможно, современные *партеры* имеют более теплые цвета, даже более грубые, чем в прежние времена.

Однако *jardin fleuriste* и *parterre horticole* XIX века привлекали не меньше, чем их предшественники со времен Людовика XVI, благодаря общему расположению, модификации деталей и радужным цветам. Согласно определению экспертов, *jardin fleuriste* был «садом, предназначенным исключительно для выращивания и декоративного расположения растений с богатыми листьями и красивыми цветами». Приведенное выше описание является вполне уместным.

Французский сад XVII века составлял великолепную рамку для оживленных праздников и собраний, в которых принимали участие такие блестящие представители двора, как лорды и леди, которых, возможно, приглашали, чтобы они могли насладиться изысканными блюдами праздника в такой роскошной обстановке.

Модная и придворная жизнь того времени, по крайней мере в том, что касалось мероприятий на открытом воздухе, сосредоточивалась вокруг этих садов и парков великолепных особняков королевской семьи и знати (). Наряд людей того времени, с плащами, мечами, шелковыми и бархатными одеждами, позолоченными каретами и *каретами-портёрами*, имел мало общего с современной жизнью на открытом воздухе, где гости прибывают на автомобилях, в куртках и очках, и несколько утомленные пыльной поездкой. Именно по этой причине Версаль и Во-ле-Виконт, несмотря на то, что они по-прежнему выглядят роскошно, с любой точки зрения более или менее не соответствуют жизни нашего времени.

Бассейн де ла Курон, Во-ле-Виконт

Современный сад, будь то сад с регулярной планировкой, декоративный сад, чисто цветочный сад или сад в смешанном стиле, обычно является лишь дополнением к современному замку, вилле или коттеджу. Он более уютен, чем обширные, более театрально оформленные сады старины, и благодаря своим сдержанным пропорциям в большей степени отражает личные вкусы владельца.

ГЛАВА III

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА ВО ФРАНЦИИ

Насколько большую роль играла королевская охота в жизни французского двора на открытом воздухе, хорошо знают все, кто знаком с французской историей и великими лесами Франции.

Отголоски французской загородной архитектуры, проявленные в «*maisons de plaisance*» и «*rendezvous de chasse*», разбросанных по всей Франции в эпоху монархии, живут до сих пор, едва ли менее ярко, чем когда-то. Часто эти сооружения были чем-то большим, чем просто охотничьими домиками или стрелковыми бунгало, и, как правило, стремились к пропорциям, которые можно было бы легко принять за загородный дом. Они создали особый тип архитектуры, который во многих случаях впоследствии превратился в замки или дворцы с явно роскошным убранством.

На большой охотничьей выставке, недавно прошедшей в Вене, *главной* достопримечательностью экспозиции был французский королевский охотничий домик в стиле Людовика XVI, « », украшенный подлинными гобеленами, предоставленными французским правительством и изображающими «Охоту во Франции». Критики называли его уникальной картиной в красивой раме.

Во времена Франциска I и его сыновей королевская охота получила большой импульс благодаря Екатерине Медичи, жене Генриха II.

Франциск в сопровождении своих сыновей отправился в Марсель, чтобы встретить невесту Медичи, которая направлялась в свой новый дом в Лувре в Париже, и когда он обнаружил, что она обладает такими живыми манерами и таким большим интеллектом, он был настолько очарован ею, что, как говорят, танцевал с ней весь первый вечер. Еще больше монарха, и, возможно, не меньше его сыновей, порадовало то, что она стреляла из аркебузы как снайпер и могла ездить на охоте с собаками как прирожденная амазонка. Как впоследствии оказалось, она была более чем соперницей той великой охотницы, Дианы де Пуатье.

История подробно описывает последнюю королевскую охоту Франциска I в Рамбуйе, когда он, находясь на смертном одре, был гостем своего старого друга д'Анженна.

Старинное поместье, наполовину охотничий домик, наполовину крепость, почти королевское во всех своих атрибутах, оказалось достаточно удобным местом для отдыха, и на следующий день после его прибытия, в марте 1547 года, монарх- , приказал начать подготовку к королевской охоте, которая должна была начаться на рассвете в соседнем лесу.

Экипаж отправился с полным церемониалом на поиски оленя и кабана. Зазвучали рожки, и в грудь короля вновь вошло подобие воодушевления, рожденное волнением вокруг него, лаем собак и топотом и ржанием нетерпеливых лошадей. Он заставил себя встать с постели, сел на лошадь и отправился вместе с остальными, не вняв лучшим советам своих слуг.

Его сила оказалась рожденной ложным энтузиазмом, и, быстро потеряв интерес, он был доставлен обратно в усадьбу, где находились его апартаменты, и положен безмолвный и полумертвый в постель, фактически умерев на следующий день от этой последней перенапряженности, прожив едва полвека.

Анри де Наварр также был истинным любителем открытого пространства. Родившийся в горном городке в Пиренеях, он предпочитал ночевать на постели из сосновых иголок в лесу, чем лежать на пуховом одеяле. Он предпочитал свой любимый байоннский окорок, приправленный чесноком, роскошному ужину в *Jarnet house*, знаменитой парижской таверне того времени, и предпочитал утолять жажду глотком вина *Jurançon*, чем лучшим вином из парижских погребов.

«Curée aux Flambeaux»

Он ненавидел придворные парады, был грязным, неопрятным и небрежным, настоящим сыном земли, безразличным к судьбе и отличным охотником.

До XVII века дамы французского двора проявляли больший интерес к соколиной охоте, чем к охоте на лошадях и с собаками.

Героини Фронды и последующее поколение, казалось, утратили интерес к этому виду спорта и отдали предпочтение стаям гончих, с одинаковым интересом следя за охотой на оленей, волков, кабанов, лис и зайцев, которых выслеживали в лесах и на засушливых пустошах.

Старинный охотничий рог, романтический рог с извилистым звуком, до сих пор используется на охотах во Франции, являясь реликвией времен Людовика XIV. Он сигнализирует об обычных приходах и уходах охотников в той же классической фразеологии, что и в старину — «*lancer*», «*bien allée*», «*vue*», «*changement de forêt*», «*accompagné*», «*bat l'eau*», «*hallali par terre*» и «*curée*».

«*Curée aux Flambeaux*» была одной из самых живописных церемоний, связанных с королевской охотой во Франции. Она началась в галантные времена и просуществовала даже до времен Второй империи.

Кюре, то есть отдача собакам останков убитого в погоне животного, не всегда происходит ночью, но когда это происходит, факелы играют роль впечатляющих и живописных аксессуаров. Когда *кюре* происходит на месте, где животное было убито, французский спортивный термин для этой церемонии — «*forcé et abattu*». Однако этому обычно предшествует другой ритуал, называемый «*le pied*», который заключается в отрезании одной из лап убитого животного и поднесении ее лицу, в честь которого была устроена охота.

Когда *кюре* проходит при свете факелов, тело животного несут под окна замка, «*пикеуры*», или главные охотники, и все, кто участвовал в погоне, образуют круг, и под звуки трубы, одолженной охотниками, один из *валетов де вены* разделяет оленя. Затем *слуги* приводят *меуты*, то есть собак, которых выпускают последними и которые завершают погоню, и которым слуги с большим трудом удается удержать от побега. Когда внутренности были вырезаны, слуга садится верхом на животное, поднимая *наппе*, или голову и шею, и трясет им перед уже разъяренными собаками. В это время слуга должен спрятать куски мяса, которые еще находятся под телом. Затем собак отпускают, но они остаются в пределах, благодаря кнутам *пикеров* и *слуги-собаководы*. Когда собаки достаточно разъярены, им разрешают броситься на останки своей жертвы, но только для того, чтобы снова отгонять их кнутами. Когда их послушность таким образом доказана, дается окончательный сигнал «*lachez tout*», и собаки бросаются на оленя.

Затем *кюре* представляет собой дикое зрелище: воздух наполняется рычанием, лаем и визгом, а земля покрывается сражающимися собаками, из пастей которых течет кровь.

Женский костюм для охоты во времена Людовика XIII был из сукна или бархата, с большой шляпой, украшенной перьями. Только изредка после 1650 года дамы на лошадях осмеливались одалживать дублеты и куртки и садиться верхом.

Дамы следовали за охотой Людовика XIV верхом на лошадях, редко, если вообще когда-либо, сидя по старинке за своим кавалером на одной лошади. Со времен Екатерины Медичи итальянская боковая седловина стала модной для женщин.

При Людовике XV дамы стали искать немного большего комфорта и следовали за экипажем, сидя в небольшой корзине, похожей на корзину для белья, подвешенной к широкой спине крепкого четвероногого животного. Платья стали более причудливыми, как по материалам, так и по цветам. Отсюда был всего один шаг до еще более сложных туалетов, которые требовали какого-то вида транспорта на колесах, но самые смелые все еще придерживались традиционных классических методов. Мария-Антуанетта имела свою *охотничью экипаж*, а мадам Дюрфор постоянно бывала в лесах Монморанси и Буасси, руководя работой восьми или десяти профессиональных охотников. Среди ее гостей часто были послы Пруссии, России и Австрии.

Во времена Людовика XIV графиня де Люд посвятила себя охоте с неистовым энтузиазмом. Во главе стаи гончих она не знала преград, и однажды проникла верхом на лошади, сопровождаемая своими собаками, в молельню монахинь монастыря Эстиваль.

К концу XVII века охота во Франции перестала быть развлечением для дам. Охота по-прежнему оставалась благородным видом спорта, но больше подходила мужчинам, чем женщинам. При дворе охотились не только в королевской компании, но и принимали приглашения от любого сеньора, который владел обширным охотничьим угодьем и мог обеспечить хороший улов; магистраты, финансисты и епископы, да и все классы общества, стали поклонниками охоты.

Монгайар рассказывает об охоте, в которой он участвовал в день святого Бернарда, вместе с монахами монастыря Бернардин в Лангедоке. В епископском владении Саверн шестьсот загонщиков были наняты для того, чтобы обеспечить развлечение собравшейся компании лордов и дам. Это были времена, когда епископы были по-настоящему *великими сеньорами*.

Женщины при дворе, участвуя в игре, ни в чем не уступали мужчинам в храбрости. Их не пугали ни дождь, ни град, ни снег. 28 июня 1713 года Людовик XIV охотился на оленей в Рамбуйе, когда на экипаж обрушилась страшная циклонная буря, но ни один мужчина или женщина из свиты монарха не сдался. Герцогиня де Берри была «мокрая до нитки», но ее энтузиазм по охоте ничуть не поубавился.

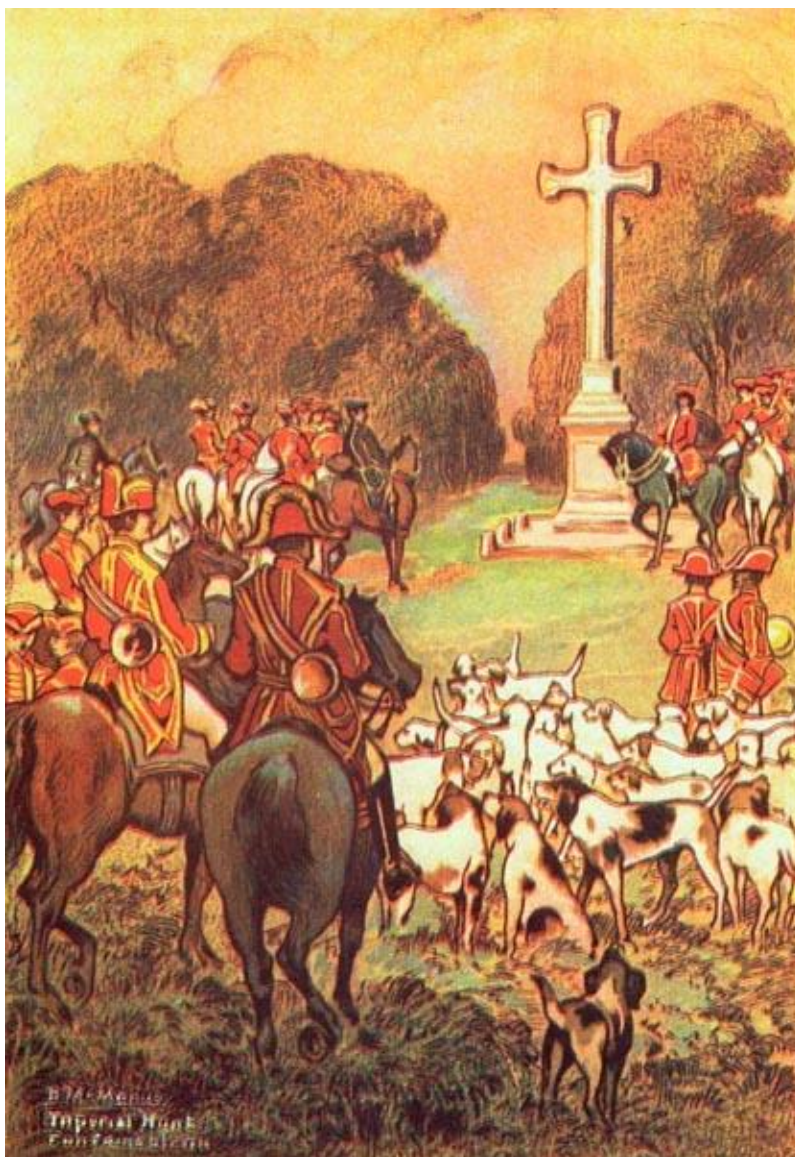
Сегодня в Фонтенбло или Рамбуйе эхо звучит из охотничьего рога Лабоди, сахарного короля, который каждый год устраивает по крайней мере две «охоты» со своей впечатляющей свитой, и это тоже зрелище; французская охотничья компания всегда была живописной, и если сегодня она не так практична, как охота более кровожадных англичан, то, по крайней мере, традиционно сентиментальна, даже искусственна до такой степени, что кажется театральной, вплоть до включения автомобилей, которые привозят и увозят участников охоты. «Другие времена, другие нравы» никогда не применялись так строго, как к *la chasse a courre* во Франции.

Здесь приводятся два рассказа о двух сравнительно современных фигурах французской охоты, которые показывают, какое большое значение придается этому виду спорта во Франции.

В анналах замка Гросбуа, принадлежащего сегодня принцу Ваграму, есть рассказы об охоте в начале XIX века, которые показывают, что дичь стоила дорого. «Гранд Венер» времен правления Наполеона был настоящим мастером спорта, и сегодня в галерее замка хранятся ружья мастера, его охотничья хлыст и седло, его «цвета» и охотничий рог.

Из реестров замка под датой 10 декабря 1809 года дословно извлечено следующее, касающееся охоты, устроенной замкомским хозяином.

Записка метрдотеля о закусках для гостей	8 226 франков
Иллюминация	1080 франков
Вознаграждение загонщикам	1000 франков
Одеколон для дам	30 франков
Оружейники	148 франков
Помощники (150)	600 франков
Помощники (200)	315 франков

Императорская охота в Фонтенбло

Еще одна охота была устроена в 1811 году в честь Наполеона, когда такие расходы, как три тысячи франков на оркестр, такая же сумма на букеты для дам, тысяча или две на конфеты и веера, двенадцать тысяч на аренду мебели и т. д., не говоря уже о расходах на саму охоту, сделали ее довольно дорогостоящей. Мастеру охоты не всегда было легко добиться справедливости, когда дело доходило до оплаты его расходов, и в тех же записях упоминание о дюжине кожаных бриджей по сто сорок франков за штуку было зачеркнуто, а на полях добавлена пометка «Нет» рукой самого маршала Бертье, принца Ваграма.

Главной фигурой в современном французском мире охоты является еще один потомок из портретной галереи Наполеона, принц Мюрат. В возрасте двенадцати лет молодой принц Иоахим уже участвовал в охоте с гончими в Фонтенбло и Компьене. В своем двойном качестве родственника и спутника императорского принца он был одним из главных ответственных за снаряжение императорской охоты. Сегодня, хотя он уже давно перешел за пределы жизни, он по-прежнему активно и упорно участвует в этом изнурительном виде спорта, как и многие молодые люди, а его знание великого искусства *охоты* и его стремление всегда быть впереди с гончими отмечают все, кто случайно видит его во время прогулки по Фор-де-Компье, где он продолжает следовать традициям своего достойного предка, «первого кавалера» Первого империи, короля Неаполя.

Он завоевал свои первые лавры на охоте в Компьене в 1868 году, на охоте, устроенной в честь принца Гогенцоллерна и принцессы, сестры короля Португалии. Это было очень волнующее событие, настолько, что едва не обернулось трагедией, поскольку одна из дам двора сломала ногу, а министр Фульд получил почти смертельные ранения. «Дикс корс», олень с рогами из десяти ветвей, был загнан в Ронд-Рояль, где он укрылся в ближайшем лесочке, и после часовой напряженной погони был наконец загнан в угол во дворе фермерских построек Хамо-д'Орилле. В этот момент во двор входила стада коров, и началась самая запутанная схватка. Инспектор лесов спас ситуацию и коров фермера, а олень пал от ружья принца де ла Москова, а молодой принц Мурэт был на своем пони в самом первом ряду.

Таким образом, рано приобщившись к рыцарскому спорту охоты, молодой человек в течение многих лет участвовал во всех охотах, больших и малых, которые проводились в окрестностях Парижа, и к тому времени, когда он получил погоны офицера кирасиров, он был известен всем охотникам от Арденн до Анжу.

В последнее поколение он был отстранен от военной службы республиканским декретом и с тех пор живет в своем поместье в пригороде Парижа, посвящая себя разведению охотничьих собак. Здесь он живет почти на границе того обширного леса, который занимает северную часть Иль-де-Франс, и время от времени организует охоту, которая приобретает не мало благородного вида былых времен, когда принц всегда следовал за звуками охотничьего рога и лаем собак, если не всегда видел добычу.

Именно здесь, в своей вилле Норманд, недалеко от которой Сен-Уэн дал Дагоберту тот знаменитый совет, который вошел в историю, принц и принцесса Мюра проживают два-три месяца в году со своими детьми, родственниками и «большими шишками» старого режима, которые по-прежнему собираются вокруг мастера охоты, как придворные собираются вокруг своего короля.

В Шамбле под руководством принца и его свиты проводились великолепные охоты с ружьями. В его питомнике содержатся сорок восемь лучших гончих во Франции, за которыми ухаживают три смотрителя, гончий () Карл, чья слава достигла всех охотничьих дворов Европы, и пара *слуг* (*valets des chiens*). Цвета принца распределены следующим образом: синяя куртка гузара с воротником, плакетками и жилетом из гренадина и брюки более темного синего цвета.

Раньше принц Мюрат охотился на косуль в долине Уазы, но в последние годы это стало чрезвычайно затруднительным из-за множества ограждений частной собственности, и сегодня он вынужден уезжать дальше. Весной экипаж отправляется в Росни, недалеко от Манта, и, возможно, в том же сезоне иногда в Рамбуйе.

Охота в Шамбле — это совершенство в этом искусстве. Редко когда не удастся добыть дичь. Припев «Оды Святому Губерту» восхваляет доблесть этого великого «Maitre d'Equirage».

«Святой	Хуберт,	мой	покровитель		
C'est	quelque	due	de	haut	renom
*		*			*
Sonnez:	écuyers	et	piqueux		
Un	Murat	vien	en	ces	lieux».

К счастью, Шамблей не является густонаселенным городом и не находится вблизи крупного города, поэтому здесь нет толп любопытных зрителей, которые мешают и пугают дичь,

собак и их хозяев. Охота в Шамбле () — это увлечение *истинных охотников*: принц Мюрат и его сын, принц Иоахим (сегодня учащийся военной школы в Сен-Сире), принц Евгений Мюрат, граф де Валлон, барон де Нёфлиз и несколько известных *охотников* в ярких униформах приезжают издалека, чтобы придать блеск охоте своего господина. А также дамы: следующие имена принадлежат тем, кто предан доблести принца Мурата — мадам принцесса, принцесса Маргерит Мурат, мадемуазель д'Эльхинген, герцогиня и маркиза д'Альбуфера, герцогиня де Каместра и мадам Крафт.

Рандеву де Шасс, Рамбуйе

Из этого можно видеть, что романтика — это не только пылкие чувства. Если нужны другие доказательства, то их можно найти в самом полном и интересном описании охоты во Франции в современную эпоху, «*Les Chasses de Rambouillet*» (*Ouvrage offert par Monsieur Felix Faure*). Это произведение не было предназначено для широкой публики. Охота всегда была спортом королей во Франции, и хотя Франция стала республикой, ее *Chasse Nationale* в Рамбуйе во многом напоминает те придворные времена, когда было меньше современности и больше сентиментальности.

Было напечатано всего сто экземпляров этой работы для друзей покойного президента Республики Феликса Фора () — «Других монархов», как гласит посвящение, «принцев, великих герцогов, послов».

Рамбуйе был ареной самых великолепных охот XVI века и на протяжении веков всегда занимал видное место; он занимает его и сегодня. Людовик XVI в мучениях революции даже сожалел об утрате своей королевской привилегии на охоту, но у него не было выбора в этом вопросе. В его дневнике 1789 года можно прочитать: «олень бежит в одиночестве в в Parc en Bas» (Рамбуйе), а в 1790 году: «Заседание Национального собрания в полдень; аудиенция делегации во второй половине дня. Олени в изобилии в Гамбайсеуиле».

Революция погубила многие французские институты; низкие, великие, церковные и монархические памятники, деревья в лесу, а королевская дичь, благодаря системе браконьерства, значительно сократилась в количестве.

Девятнадцатый век, столь откровенно демократический в свои последние годы, был менее благоприятен для охоты, чем предыдущие монархические времена. Она занимала значительное место при Карле X, возможно, даже больше, чем при Наполеоне, который в детстве и в трудолюбивом подростковом возрасте имел мало возможностей заниматься ею, а в последние годы своей жизни был слишком занят.

Наполеон III не был по-настоящему «хорошим охотником», хотя он был неплохим стрелком и очень гордился своим мастерством в этом деле.

С наступлением демократической эпохи Жюль Гриви, по-видимому, был лишь *буржуазным* охотником, который занимался этим искусством только потому, что хотел запеченного зайца на ужин, или просто для того, чтобы убить время.

Сади-Карно был еще менее охотником романтической школы, но часто участвовал в церемониальных охотах, которые устраивались для посещающих монархов. Однажды он был занесен в протокол охоты в Рамбуйе как ответственный только за гибель восемнадцати голов, в то время как посетивший охоту великий герцог сбил сто пятьдесят.

Именно во время президентства Феликса Фора Рамбуйе снова обрел былую оживленность. Замок был вновь отреставрирован после долгого сна, и, к большому удовлетворению жителей города, здесь стало больше движения, чем за последние четверть века.

Летом и осенью президент сделал Рамбуйе своей любимой резиденцией и принимал там многих посещающих суверенов и знатных лиц всех рангов. За год было проведено двадцать официальных охот (), на которые были приглашены все члены дипломатического корпуса, а также два или три мероприятия «международного» характера в честь посещающих суверенов.

Все находилось под контролем Великого Охотника Третьей Республики, графа де Жирардена, и хотя, возможно, и не хватало поистине королевского колорита, общий вид был во многом таким же, как и в дни монархии. Капитаном охоты при Феликсе Форе был инспектор лесов Леддет, а главным охотником — комендант Лагаренн.

Сам президент был стрелком первого ранга, и ни разу не было такого подсчета *результатов*, чтобы он не оказался в верхней части списка. Он был настолько искусен в стрельбе из винтовки, что не раз был вынужден практически уступать место какому-нибудь монарху, посетившему страну, как, по слухам, он сделал в случае с королем Португалии в 1895 году и великими князьями Владимиром и Николаем в 1896 году.

Охотники, не являвшиеся королевскими по титулу или союзу, республиканский президент бил до полной остановки. Он не испытывал ни жалости, ни благосклонности к простому послу, будь то из Англии или Германии, ни к членам Института, сенаторам или депутатам. С принцем Альбертом из Монако он считал себя равным, и за каждую птицу, сбитую в полете главой дома Гримальди, «докер» из Гавра сбивал еще одну.

La chasse à courre по закону во Франции сегодня может практиковаться только при строго установленных условиях. Охотник должен по закону контролировать своих собак и держаться достаточно близко к ним, чтобы иметь возможность добыть добычу сразу после того, как она будет окружена собаками.

Как и стрельба, с момента принятия Декрета 1844 года охота с собаками может осуществляться только с разрешения *permis de chasse*, в открытый сезон, в дневное время и с согласия владельцев земель, на которых будет проводиться охота.

Церемония охоты во Франции в настоящее время следует традициям классической охоты монархии. *Венеур* решает, где будет место встречи, будь то олень или косуля, лиса или заяц. *Пикер* следует за собаками, направляет их на добычу или отзывает, а также отзывает их, если они уходят по ложному следу.

ГЛАВА IV

ПАЛАС ДЕ ЛА СИТЕ И ТУРНЕЛЛ

Не все предполагают, что парижский Дворец правосудия когда-то был резиденцией королей и королев. Однако он не всегда был ареной для юристов и преступников, хотя, без сомнения, если вдуматься, именно в этой роли он сыграл свои самые захватывающие эпизоды.

Сент-Шапель, Консьержери и большие часы на башне Тур-де-л'Ороль делают Дворец правосудия одним из главных «достопримечательностей» Парижа в представлении большинства людей, но он впервые прославился как королевская резиденция.

Этот дворец, не нынешний конгломерат полусветских, полурелигиозных построек, а здание, имевшее значительное значение, существовал с самых ранних дней франкского вторжения, и когда его занимала Клотильда, жена Хлодвиг, он был известен как Дворец Сите.

При последнем из королей Первой династии этот дворец приобрел действительно великолепные размеры. Когда на престол вступил Юг Капет, он покинул королевскую резиденцию, ранее занимаемую франкскими правителями, Palais des Thermes, и разместил свои вещи и имущество в этом Palais de la Cité, который его сын Роберт перестроил под руководством Энгеранда де Мариньи.

Вплоть до времени Франциска I он оставался излюбленной резиденцией французских монархов, несмотря на появление более величественного и роскошного Лувра.

Филипп Август, по противоположному капризу, не вел королевские дела нигде, кроме этого дворца, и именно в его стенах он женился на дочери Дании. Его преемники, Святой Людовик, Филипп Смелый и Филипп Красивый, внесли свой вклад в расширение и украшение здания, а Святой Людовик заложил фундамент этой бесподобной готической жемчужины — Сент-Шапель.

Из окон Дворца Сите другой Карл присутствовал при официальной резне, мало отличавшейся от резни Святого Варфоломея, которая была проведена из Лувра.

На первом этаже сегодняшнего Дворца правосудия находится апартамент, выложенный мозаикой из черного и белого мрамора, с расписным и позолоченным деревянным сводом, где Карл V принимал императора Карла IV и «Roi des Ro mains». Три монарха в сопровождении своих семей ужинали здесь вместе за большим круглым мраморным столом, и этот тайный ужин стал источником *сердечного согласия*, которое, вероятно, было предвестником недавних церемоний подобного рода во Франции.

Известный как Salle de Marbre, этот большой зал позже стал трибуналом, где заседали суды. Только после смерти Карла VI, в начале XV века, Дворец Сите был полностью передан ученикам Святого Ива, судьям, адвокатам и нотариусам. Он также стал постоянной резиденцией парламента и получил название Palais de Justice, хотя по-прежнему периодически в нем проживали французские монархи. Одним из таких заметных событий было то, что здесь женился Генрих V Английский на Екатерине Французской, а Генрих VI Английский временно проживал здесь как король Франции.

В XIV веке территория Palais de la Cité — вероятно, имеется в виду открытый двор — была заполнена лавками мелких торговцев, некоторые из которых фактически укоренились в

дереве и камне и стали настолько неотъемлемой частью дворика, что он стал известен как Galerie des Merciers.

Величественная мраморная зала, ставшая местом заседаний Трибунала, играла то торжественную, то банальную роль. Известен случай, когда клерки и мелкие судебные чиновники танцевали на знаменитом мраморном столе и «играли фарсы», используя судебную скамью в качестве сцены. Говорили, что из-за аморальности этих представлений власти были вынуждены запретить их законом, как они сделали в последние годы с вопиющей свободой «Quat'z Arts».

До времен Франциска I в Дворце Сите произошло лишь несколько важных событий, но в 1618 году разразился сильный пожар, в результате которого уцелели только круглые башни Консьержери, башня и церковь, а также та часть главного здания, в которой находился большой Мраморный зал. По этому поводу один из веселых рифмоплетчиков того времени сочинил следующий четверостишие:

«Certes	ce	fut	un	triste	jeu
Когда	в	Париже	госпожа	Справедливость	
За	то,	что	съела	слишком	много
Поставила		дворец	весь	в	огонь».

Жак Дебросс был поручен восстановлением здания после пожара и первым отремонтировал Большой зал, сегодня известный как Salle des Pas Perdus, где толпится снующая туда-сюда толпа мужчин и женщин, которых их дела, или отсутствие дел, приводят в этот центральный пункт распространения юридических сплетен. Это великолепное помещение, которое не сильно отличается от того, каким оно было до пожара.

Этот зал состоит из двух параллельных нефов, разделенных рядом аркад и освещенных двумя большими круглыми проёмами с четырьмя круглыми окнами на каждом конце. Его атрибуты практически такие же, как и в 1622 году. Строение в целом можно считать построенным только в XVII веке, но несомненно, что в него включен старый Дворец Сите, каждый его камень, и если его история была скучной, то это было скорее следствием обстоятельств, чем каких-либо внутренних недостатков.

Консьержери, эта неэлегантная, непоследовательная архитектурная смесь древнего и современного, рассматриваемая отдельно, хотя обычно ее справедливо рассматривают вместе с Дворцом правосудия, ранее была жилищем или сторожкой консьержа Дворца Сите. Его должность заключалась не только в том, чтобы охранять ворота; он был важной персоной при дворе и был столь же авторитарным, как и его более простонародные современники сегодняшнего дня, поскольку парижский консьерж, как хорошо знают те из нас, кто годами жил под их деспотизмом (), является весьма грозной личностью.

Помимо того, что он был управляющим королевского жилища, этот консьерж был стражем королевских заключенных. В 1348 году он был дополнительно наделен официальным титулом байи, и эту должность порой занимали самые высокопоставленные и знатные люди в стране, в том числе Филипп Савойский, друг Карла VI, и Ювенал де Урсен, историк этого принца. Первым, кто объединил две функции, байи и консьержа, был Жак Коитье, врач Людовика XI.

Как виртуальная тюрьма Консьержери преобразилась только после того, как Карл V покинул резиденцию в Пале-де-ла-Сите, и Консьержери как таковая фигурирует в реестрах Турнель только под датой 1391 года.

Пожар в конце XVIII века уничтожил большую часть здания, но осталось достаточно, чтобы соорудить самую функциональную из революционных тюрем, поскольку в одно время в ней содержалось не менее 1200 несчастных душ, из которых 288 были убиты одним махом.

Но только одна женщина из всех них действительно умерла в стенах тюрьмы. Это была Ла Бель Букетьер из Пале-Рояль, которая, в приступе ревности, ужасно изуродовала королевского гвардейца и за это была подвергнута самой жестокой казни, будучи пригвожденной к столбу и подвергнутой испытанию «*le fer et le feu*». Как именно было применено наказание, каждый может представить себе сам.

Революционная роль Консьержери не имеет отношения к теме этой книги, поэтому о ней больше не будет упоминаться.

Возвращаясь ко временам Франциска I, среди известных государственных заключенных были Луи де Беркен, граф Монгомер, цареубийцы Равайяк и Дамьен, маршал д'Анкр, Картуш, Мандрен и другие. Сегодня Консьержери по-прежнему выполняет свои функции тюрьмы, держа под стражей тех, кто ожидает суда, и тех, кто приговорен к смертной казни, прежде чем отправиться в долгое путешествие.

Три большие башни, окружающие Консьержери, являются ее главной архитектурной особенностью сегодня. Левая, самая большая, — это Тур д'Аржан, средняя — Тур Бонше, а третья — Тур де Сезар или Тур де л'Ороль. Последняя — единственная, которая сохранила свои средневековые зубчатые башенки наверху. Большие часы обычно считались самыми большими часами такого типа из существующих, но сейчас это сомнительно, поскольку железные дороги и страховые компании соревнуются друг с другом, чтобы отображать время так, чтобы его мог прочесть даже бегущий человек.

Перейдя через Пон-о-Шанж, от Пале-де-ла-Сите, мимо Лувра и выйдя на Фобур-Сен-Антуан, вы попадаете на Пляс-де-Вож, старую Пляс-Рояль, которая занимает почти ту же площадь, что и внутренний двор Пале-де-Турнель, названный так из-за множества башен.

Вокруг Palais des Tournelles располагалась серия великолепных *частных отелей* для знати. В одном из них, Hotel de Saint Pol, король однажды разместил двадцать двух приезжих принцев ранга дофина (старшего сына правящего монарха), их свиты и слуг.

Карл V в свое время объединил со своим королевским дворцом три из этих великолепных частных резиденций: Отель дю Пти Муск, Отель де л'Аббе де Сен-Мор и Отель дю Конт д'Этамп.

Сам дворец фактически выходил на то, что сейчас является улицей Сен-Антуан, напротив отеля Сен-Поль. Он хранил множество исторических и романтических воспоминаний о временах рыцарства, но здание было снесено по приказу Екатерины Медичи.

В этом дворце по приказу жестокой Изабеллы Баварской был заключен Карл VI в период его безумия. Герцог Бедфорд, когда был регентом несовершеннолетнего Генриха VI, проживал здесь, а после изгнания англичан дворец стал резиденцией Карла VII. В нем проживали Людовик XI и Людовик XII, и последний умер в его стенах.

Дворец Турнель войдет в историю главным образом благодаря знаменитому турниру, который был проведен в его дворе в день свадьбы двух принцесс, Елизаветы и Маргариты.

Генрих II и его старшие сыновья, принцы, должны были выехать на турнир и, по возможности, сломать копья всем соперникам. Придворные, в том числе Екатерина Медичи и принцесса Елизавета, жена Филиппа II, покойного мужа Марии Тюдор, две Маргариты и другие высокопоставленные лица, сидели на подиуме, обитом дамасским шелком и украшенном разноцветными лентами.

Было утро июля. По сигналу Екатерины зазвучала музыка, и начались поединки.

Король выехал во главе своих рыцарей, одетый в золотые доспехи, с рукоятью меча, украшенной драгоценными камнями, и, несмотря на присутствие своей жены, с копьем, украшенным черно-белыми лентами, цветами Дианы де Пуатье, которая недавно перенесла свою любовь с отца на сына.

Геральд объявил о начале боя, и до наступления ночи король сломал копья герцогов Феррары, Гиз и Немура и как раз собирался разоружить их, когда из Фобур-Сен-Антуан подошел рыцарь в маске и вызвал короля на бой. Несмотря на мольбы королевы, король снова вышел на арену и в конце концов был смертельно ранен рыцарем в черном.

Генрих II скончался в ту же ночь в спальне дворца Турнель, куда его доставили, в возрасте сорока одного года, став жертвой случая или коварства сеньора де Монтгомери, предка нынешнего графа Эглинтон в Англии. Капитан шотландской гвардии Монтгомери не был немедленно преследован (к тому времени он уже бежал из двора), но Екатерина Медичи питала к нему самую горькую злобу. Его дело имело как сторонников, так и противников, но маршал Матиньон наконец настиг его в Нормандии, и он был подвергнут пыткам и приговорен к смерти за преступление *против величества* — победу над королем в его же игре.

Овдовевшая королева в гневе изгнала Диану д'О де Poitiers из двора и приказала снести дворец Palais des Tournelles. Это был единственный способ продемонстрировать свое презрение к женщине, которая сыграла с королевским супругом в его смерть, как древние римляне играли с гладиаторами; и Tournelles, как дворцовый памятник своего времени, затмил все остальное, когда исчез из виду.

Лес шпилей возвышался над фронтонами и крышами Дворца Турнель. В то время не было более впечатляющего зрелища, чем этот силуэт парижского дворца на фоне неба; ни в Шамбор, ни в Шенонсо не было зрелища более прекрасного. Он был похож на сказочный замок, хотя и находился в центре большого города.

Справа от Дворца Турнель, за воротами Сен-Антуан, возвышалась черная как смоль, угрюмая башня Бастилии, суровость которой резко контрастировала с более роскошными дворцами принцев, окружавшими ее неподалеку.

Очаровательная площадь Вогезов, которая сегодня занимает место Турнель, — еще одно место в Париже, где можно передохнуть. Ее вполне можно назвать королевским садом — парком в миниатюре, — поскольку изначально она была известна как Королевская площадь при Генрихе IV.

С приходом гасконца Анри де Беарна этот восхитительный маленький нетронутый уголок старого Парижа приобрел тот вид, который имеет сейчас. Внутри этого ограждения находились обычные атрибуты сада или парка, более или менее искусственно расположенные, но создававшие идеальную открытую площадку для игр при дворе, закрытую от внешнего окружения очертаниями старых дворцовых стен и не слишком удаленную от королевского дворца Лувра.

Первым и величайшим историческим памятником этого сада был карусель, подаренный в 1612 году Марией Медичи, через два года после трагической смерти Генриха IV, в честь союза между Францией и Испанией. При Ришелье площадь стала известна как Площадь Вогезов и, несмотря на вступивший к тому времени в силу закон, запрещающий дуэли, стала знаменитым местом встречи дуэлянтов, таких как Иври, «Гранд Руэ» или «Вель Ивер» наших дней.

12 мая 1627 года граф де Шаппель убил на этом месте Бусси д'Амбуаза и оставил кровавый след, который был забыт историками только тогда, когда они рассказали о другой встрече, на этот раз между католиком герцогом де Гиз и протестантом Колиньи д'Андело.

«Месье, — сказал герцог, — теперь мы приступим к урегулированию небольшого счета между нашими прославленными домами», — и с этими словами он вытащил свой меч и убил Колиньи, как будто он просто выдавливал жизнь из гусеницы.

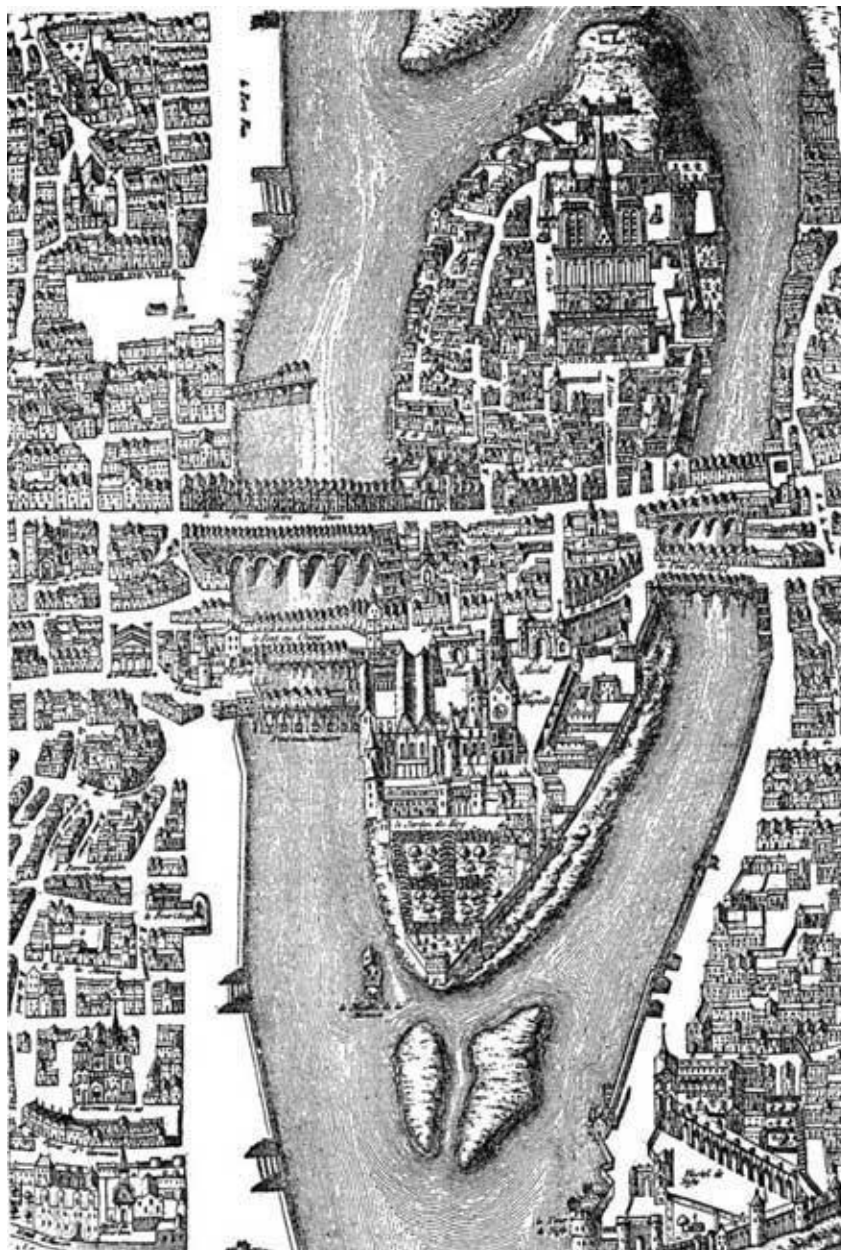
Теперь, оставив позади все эти кровавые воспоминания, площадь стала одним из самых элегантных жилых кварталов столицы, предпочитаемым прежде всего знатью, Роханами, Алеграми и Ротру.

В доме № 21, который прославился как место жительства несколько печально известной Марион Делорм, незадолго до государственного переворота жил Виктор Гюго.

Среди других прославленных имен, которые придали блеск этим переулкам и коридорам, следует упомянуть Корнеля, Конде, Сен-Венсана де Поля, Мольера, Тюренна, мадам де Лонгвиль, Де Ту, Сен-Марса, Ришелье, Д'Ормессона, принца де Тальмона, маркиза де Тессе и графа де Шабанна.

Вполне возможно, что эта очаровательная парижская площадь останется такой, какой она была всегда, поскольку недавняя попытка владельца одного из домов, граничащих с ней, изменить расположение фасада привела к судебному разбирательству, которое заставило его соблюдать порядок, установленный в 1605 году, когда она была провозглашена Королевской площадью.

Чтобы доказать свои права, городские власти обратились к оригинальным планам, которые до сих пор хранятся в Национальном архиве (). Это демонстрирует, насколько тщательно европейские страны сохраняют письменные свидетельства своего прошлого.

ВИД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА НА СТАРЫЙ ПАРИЖ

[Увеличить изображение](#)

Решение, наконец принятое судом — что Площадь Вогезов должна быть сохранена в первоначальном виде — порадовало всех истинных парижан и археологов.

ГЛАВА V

СТАРЫЙ ЛУВР И ЕГО ИСТОРИЯ

Прогулка по берегам Сены позволит вам ознакомиться с большей частью истории столицы, связанной с Нотр-Дамом, Лувром и Дворцом Сите (ныне Дворец правосудия), а это очень много, даже для средневековья и эпохи Возрождения.

Жизнь Лувра была жизнью Парижа, жизнь Парижа — жизнью нации, а жизнь нации — жизнью народа. Об этом вам скажут даже сегодняшние парижане. Конечно, это скудное признание провинций, но что поделать? Французская столица гораздо больше является столицей Франции, чем Лондон — Англии или Вашингтон — Америки, если не брать в расчет политику.

До завоевания франками Париж представлял собой практически только остров, окруженный Сенной, известный как Лютеция, а позднее как «La Cité», и небольшую прилегающую территорию, поднимающуюся по склонам горы Сент-Женевьев. От Шатле до Лувра простиралось влажное, мутное болото Сен-Жермен (), которое даже в средневековье называли Les Champeaux, что означает «маленькие поля», но болотистые, как можно понять, изучив эволюцию этого названия.

Быстрый ручей спускался с Менильмонта и впадал в Сену где-то недалеко от сада Тюильри.

Кловис и его франки атаковали город напротив острова и, после фактического завоевания, построили укрепленный лагерь по утвержденному римскому плану на месте, которое сейчас является двором старого Лувра, и заполнили ров водой из этого ручья. Согласно некоторым источникам, ансамбль был назван Лувром, или Нижним, что означало укрепленный лагерь. Это укрепление было необходимо, чтобы франки могли противостоять галло-римским оккупантам Лутеции, и со временем позволило им захватить всю окружающую область под свою власть. Это стало возможным благодаря Нижнему, или Лувру, и вполне заслуженно, что его название таким образом увековечено, хотя на самом деле происхождение этого названия является предметом споров, как будет видно из дальнейшего объяснения, которое следует ниже.

Постепенно этот полуварварский лагерь — в отличие от более прочных сооружений римлян — превратился в *крепость*, затем в замок (), затем в дворец и, наконец, как сказала молодая туристка, в художественный музей. В любом случае, это была достойная эволюция.

Два Лувра исчезли до того, как сформировался нынешний, довольно неровно ограненный драгоценный камень. Со времен Меровингов датируется Лувр де Шам, враждебный, воинственный Лувр с высокой башней из дерева и камня, знакомый только по старинным гравюрам. После этого появился средневековый Лувр, приписываемый Святому Людовику и Карлу V, с его величественной башней, толстыми каменными стенами и глубокими рвами. С Франциском I наступила более симпатичная, более тонкая эпоха архитектурного проявления, смягчения очертаний и вставки цветущих фронтонов. Так родился тот благородный памятник, известный как Новый Лувр, который сочетал в себе все искусства и изящество притязательной амбиции.

От старого Луврейского дворца (название которого было искажено), который Филипп Август в начале XIII века превратил из несколько более скромного сооружения,

построенного на месте франкского лагеря, в амбициозный четырехугольный замок, не осталось ничего, кроме белого мраморного контура, утопленного в мостовой дворца сегодняшнего дворца. Судьба распорядилась так, что этот дворец, расположенный в самом сердце Парижа, был призван доминировать над всем окружающим. С момента своего появления и до сих пор он не имеет себе равных среди дворцов Парижа и его пригородов. Само его расположение обязывало его играть важную роль, а быстро текущая мимо его стен Сена добавляла немалое очарование праздникам и церемониям как Лувра, так и Тюильри.

Никогда еще великая река не была так тесно связана с жизнью королевской столицы; никогда еще река не гармонировала так с другими городскими красотами, как Сена с Парижем. Когда Генрих II въехал в Париж после своего коронования, он задумал устроить на Сене водный праздник, который должен был простираться от стен Лувра до башен Нотр-Дама, праздник с такими тщательно продуманными украшениями, каких еще не видела французская столица.

После крещения короли Франции входили в Лувр через вход со стороны набережной, сопровождаемые кортежем из кавалеров в ярких доспехах и позолоченных карет с персонажами всех рангов в дублетах и мантиях, плащах и дублетах. Блеск золотых кружев и полированных пальто создавал сияние, которое соперничало с сиянием солнца.

Едва кавалькада вошла в ворота Лувра, как она снова вышла, чтобы принять участие в дневном и ночном празднике, сценой для которого послужило лоно Сены, а занавесом и крыльями — мосты и берега.

Приемы послов, крещения членов королевской семьи, королевские свадьбы и празднования побед или заключения договоров — все это отмечалось таким же образом.

Наполеон прославлял Амьенский мир в аналогичных условиях, и практически все летописцы того или иного правления рассказывают о роли, которую играла Сена в церемониях двора Нового и Старого Лувра.

Именно в такой обстановке, столь благоприятной для всего этого, Старый Лувр, перестроенный Франциском I, впервые обрел свою славу.

Происхождение названия «Лувр» имеет еще одно толкование, отличное от приведенного выше. Оно вызывает серьезные сомнения у ученых, но поскольку эта заметка интересна, мы приводим ее здесь. Название могло произойти от слова *œuvre*, от латинского *opus*; оно могло произойти от *lupara* или *louverie* (место волков), что кажется маловероятным. Оно могло произойти от любого из этих источников, а могло и нет.

Англосаксы могут гордиться тем, что некоторые французские ученые признали, что название самого знаменитого из всех парижских дворцов происходит от слова, принадлежащего их языку и означающего «жилище». Это, таким образом, еще одна версия, и каждый может выбрать ту, которая ему больше нравится, или вернуться к прежней и отдать предпочтение *более низкому* значению, означающему «укрепленное место».

Дворец — нечто более сложное, чем простое жилище — стоял на том же месте в XII веке, и в 1204 году, благодаря энергии Филиппа Августа, он начал приобретать еще более величественные пропорции, хотя, как можно заключить, они были ничтожно малы по сравнению с тем массивом, который сегодня весь Париж знает под общим названием «Лувр».

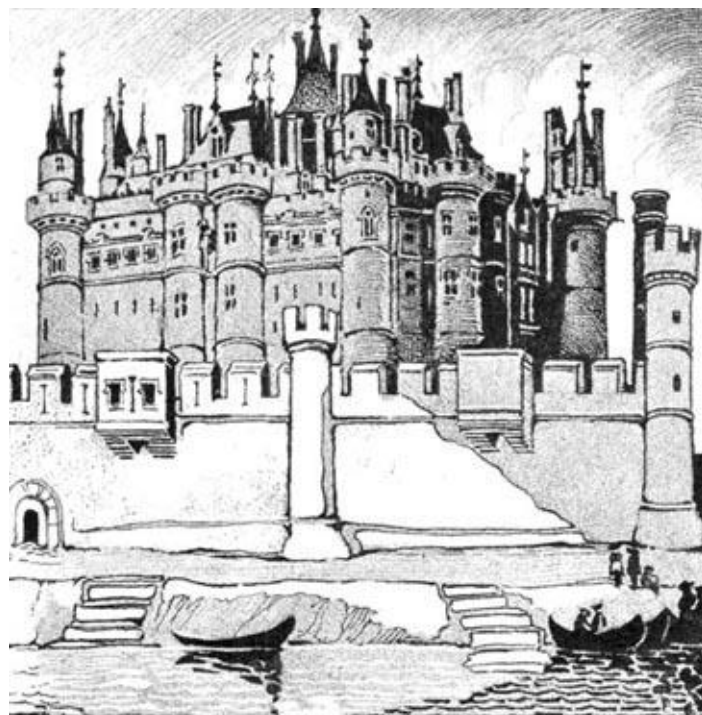
Париж Филиппа Августа был уже городом со ста двадцатью тысячами жителей, с скромными домами по всему периметру и без малейших признаков даже примитивного

комфорта или удобств. Этот дальновидный монарх сначала взялся за великую цитадельную башню укрепленной *нижней* части, добавил к ней боковые стены и построил окружающий вал вокруг самой столицы. Рассказывают, что грохочущие повозки, глубоко погружающиеся в грязь и прокладывающие путь через пыль высотой в фут под окнами дворца, так раздражали монарха, что он инициировал, по-видимому, первые в истории города работы по мощению улиц и приказал вымостить все главные магистрали Парижа, проходящие рядом с Лувром, булыжником. Это было настоящее благоустройство города. Он был Солоном среди своих сородичей, поскольку с того дня для хорошего содержания городских улиц стало *обязательным условием* их мощение, и, хотя с тех пор булыжная мостовая вышла из моды, именно этот монарх первым показал нам, как это делать.

Лувр Филиппа Августа был самым внушительным зданием Парижа того времени. В немалой степени этот внушительный облик был обусловлен его великой центральной башней, *maitresse*, которая была окружена двадцатью тремя *dames d'honneur*, не считая бесчисленных *tourelles*. Этот гигантский дворец с многочисленными башнями был настоящим стражем средневекового Парижа, так же как его преемник является настоящим центром современного Парижа.

Город представлял собой огромную массу низких домов с двускатными крышами, вершиной которых был горизонт Лувра, с не менее заметным на севере горизонтом Турнель и горизонтом Ла-Ситэ на острове, где сейчас стоят Дворец правосудия и Нотр-Дам.

До того, как Франциск взялся за Лувр, он был лишь изолированной крепостью — сочетанием замка, тюрьмы и дворца, мрачным, зловещим и окруженным почти непреодолимыми рвами и валами. Филипп Август хорошо построил его, а Жозеф-Филипп-Жозеф-Баррель де Ла-Фора () превратил его в замечательный и внушительный замок и место обороны, и обороной он и был, и не более того.

Для своего времени он был огромным и идеально расположен с стратегической точки зрения, гораздо лучше, чем изолированный Дворец Сите посреди Сены.

Из внутреннего двора Старого Лувра выходили четыре ворота: одни — к Сене, одни — на юг, к Сен-Жермен-л'Оксерруа, другие — к месту, где позже были построены Тюильри, и последние — примерно к месту, где сегодня улица Маренго пересекает улицу Риволи.

С одобрением Филиппа Августа Лувр стал официальной резиденцией королей из династии Капетингов, тогда как ранее они проживали в Париже лишь время от времени, в основном в Дворце Сите.

Монарх, как бы проверяя эффективность своей новой резиденции в качестве крепости, построил башню-темницу, свое величайшее архитектурное достижение до постройки замка Жисор, и заключил в ней графа Фландрского, которого он взял в плен в Бувине. Людовик IX (Святой Людовик), в свою очередь, построил просторную пристройку к Лувру Филиппа Августа, которой он дал свое имя.

Карл V полностью изменил облик дворца « » по сравнению с тем, чем он был раньше — наполовину крепостью, наполовину резиденцией — и сделал его настоящим дворцом как по сути, так и по названию, добавив к нему многочисленные пристройки.

В башне, построенной во время правления этого монарха и названной Tour de la Librairie, он собрал свои королевские безделушки и основал то, что впоследствии стало известно как Bibliothèque du Louvre, из которой вылупилось нынешнее великолепно оснащенное *Bibliothèque Nationale* на Rue Richelieu.

Сообщается, что в 1373 году камердинер Карла V составил каталог из девятист десяти томов, составлявших эту коллекцию, что было огромным количеством для того времени, когда известно, что его предшественник, Жан-ле-Бон, владел всего семью томами истории и четырьмя религиозными книгами в качестве всего своего литературного сокровища.

Это кажется интересной библиографической заметкой, которая до сих пор оставалась незамеченной. Карл V был, очевидно, человеком с хорошим вкусом, иначе он не построил бы столь великолепные здания, хотя все это лишь слухи, так как от его трудов, на которые он потратил свой талант и энергию, не осталось ни следа.

Со смерти Карла V в 1364 году до 1557 года Лувр по какой-то прихоти перестал быть постоянной королевской резиденцией. В последнюю эпоху амбициозный, любящий искусство Франциск I пришел к мысли, что здесь есть богатый материал, на который можно насадить некоторые из его ренессансных роскошеств, и путем «реставрации» (возможно, неудачное слово для него, поскольку оно означало снос прекрасной башни, построенной Карлом V), несколько добавил к его великолепию, хотя, как обычно, в минуту непостоянства позволил пройти двенадцатилетнему промежутку между набросками своего проекта и чрезвычайно серьезной работой, которая в конечном итоге привела к появлению великолепного сооружения, приписываемого ему, хотя на самом деле это означало снос первоначального здания.

Именно в этот период Карл V вступил в амбициозную роль, которую Франциск должен был отныне играть в Лувре, так что, возможно, это прерывание было простительным.

ГЛАВА VI

ЛУВР ФРАНЦИСКА I И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Смерть Старого Лувра можно приписать приезду Карла V в Париж в 1539 году. Эта королевская резиденция, поспешно приведенная в порядок для приема его августейшего величества, показалась его хозяину, Франциску I, настолько холодной, неудобной и негостеприимной, что монарх немедленно принял решение о ее полной реконструкции и расширении. В силу различных обстоятельств фактическая работа по реконструкции была отложена до 1546 года, поэтому Новый Лувр по праву принадлежит как правлению Генриха II, так и правлению его отца.

Франциск I, больше чем любой другой европейский монарх своего времени, да и до или после него, оставил свой след как архитектор с непревзойденным вкусом на каждом здании, с которым он лично соприкасался. Его манией было строительство — когда это не касалось дел сердечных — и он был настолько смел, что, когда не мог перестроить старое здание, он, как и Людовик XIV в Версале, бросал вызов всему и возводил дворец своей мечты посреди пустыни. Так он поступил в Шамборде в Солуни. В Париже его трудности были, пожалуй, не меньшими, но у него под рукой были материалы и рабочие.

Ремонт и украшение Старого Лувра, проведенные Франциском, были отнюдь не формальными, но он видел возможности, превосходящие его возможности с имеющимися средствами. Сначала он снес центральную башню, или *донжон*, и еще до отъезда своего королевского гостя уже мечтал заменить всю постройку другой, которая должна была носить то же название. Можно прочесть о мыслях монарха, когда он ждал прибытия в Париж своего старого врага с полуострова; о том, как он сожалел о том моменте, когда ему придется выйти ему навстречу и оставить свою новую подругу, герцогиню д'Этамп, несмотря на ее просьбы остаться с ней. Все это лишь исторический эпизод, который имеет мало общего с художественными инстинктами и амбициями Франциска. Вероятно, он сам так и думал, когда ответил настойчивой даме: «Герцогиня, я должен немедленно уйти; я еду встречать своего брата-монарха в Амбуазе на Луаре».

Именно Франциск I, страстный любитель искусства, собрал первые картины, которые легли в основу нынешних коллекций Национального музея Лувра (). Многие из них он купил за границей, а многие другие были привезены из Италии итальянскими художниками, которых он пригласил в столицу: Приматиччо привез с собой более ста античных статуй. Эти предметы искусства сначала были собраны в Фонтенбло и украшали апартаменты короля. Среди них были «Мозаика» Да Винчи и «Святое семейство и святой Михаил» Рафаэля.

Генрих II, Генрих IV и Людовик XIII мало что сделали для обогащения художественных коллекций дворца, но Людовик XIV поручил своему министру Кольберу совершить многочисленные покупки. В 1661 году он купил прекрасную коллекцию, оставленную кардиналом Мазарини, а десять лет спустя приобрел содержимое знаменитой галереи, принадлежавшей банкиру Якобу из Кельна. Государство потратило на эти приобретения почти шестьсот тысяч *ливров* и получило за эту сумму шестьсот картин и шесть тысяч рисунков.

Именно в этот период, незадолго до смерти Кольбера, королевские коллекции были перевезены в Париж и размещены в галереях Лувра, хотя национальный музей был создан

только сто лет спустя. Это произошло практически из-за того, что королевские коллекции были в значительной степени перевезены в Версаль (), только чтобы в 1750 году вернуться в Париж, снова быть перевезенными в Версаль и, в конечном итоге, вернуться в Париж под защитное крыло величественного старого Лувра.

Музей Лувр, Национальный и Центральный музей искусств, является результатом декрета Конвента от 27 июля 1793 года. Он был значительно расширен и обогащен при Наполеоне I, страстном любителе прекрасного, который, не слишком щепетильно, даже пытался «провести кампанию» с целью приобрести произведения искусства для музея своей столицы.

Многие из этих похищенных художественных сокровищ (например, лошади Святого Марка) впоследствии были возвращены их первоначальным владельцам, но ядро этого непревзойденного художественного музея было создано в основном благодаря консулу и императору.

Как только Карл V покинул Лувр, Франциск сразу же приступил к его сносу, и в 1541 году итальянец Серлио получил заказ на подготовку ряда планов для будущего великолепия эпохи Возрождения. Серлио, отказавшись или обсудив цену, был отвергнут в пользу француза Леско, чей план был принят.

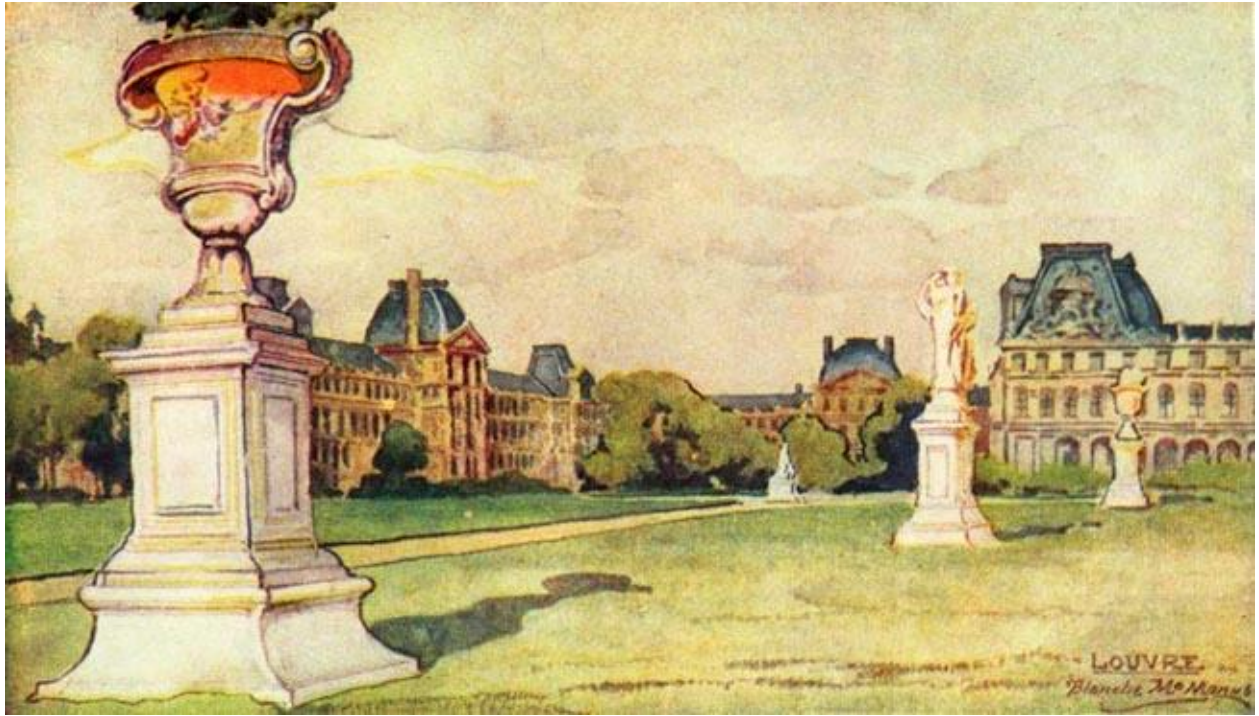
Нельзя сказать, что работа пострадала от смены планов, потому что, хотя Пьер-Леско был еще неизвестен в мире архитектуры, его таланты были достаточно велики, несмотря на то, что он был магистратом и парламентским советником, чтобы дать Парижу то, что всегда считалось его главной ренессансной славой.

Работа была начата сразу же и не прерывалась ни интригами при дворе, ни любовными перипетиями, ни войнами, ни смертью Франциска I и его преемника Генриха II.

Несмотря на то, что работы начались энергично, только в 1555 году западное крыло было готово для работы скульпторов, но с этого момента, судя по вставленным монограммам Карла IX и Генриха IV на южном крыле, работы шли менее спешно. Два других здания, которые должны были окружать четырехугольник с севера и востока, были построены в таких условиях, что никогда не возникало вопросов об их периоде.

Работы продолжались в течение пятнадцати лет, когда внезапно были прекращены, как и планы Леско. В результате было построено только одно крыло, примыкающее к Сене и под прямым углом к Павильону де л'Ороль.

Скульптуры южного фасада, а также некоторые элементы внутренней отделки были поручены Жану Гужону (1520-1572), который стал жертвой ужасной ночи Святого Варфоломея отew, спланированной в том же Лувре коварным Медичи.

Лувр

Генрих II часто размышлял над планами и замыслами Леско, и однажды, в присутствии поэта Ронсара, спросил архитектора о значении украшений, окружающих большое окно-глаз быка: две фигуры на коленях, одна из которых трубит в трубу, а другая протягивает пальмовую ветвь. «Победа и слава», — ответил Леско. И в честь архитектора и его чувства Ронсар сочинил свою «Франсиаду». Эта деталь была создана Гужоном, который разработал ее под руководством мастера-архитектора. Сегодня это *шедевр* можно увидеть прямо над порталом двора на западе.

После смерти Генриха II Екатерина Медичи переехала сюда жить одна и построила большое пристройку, которая стоит и по сей день и соединяет Старый Лувр с той частью, что находится на берегу Сены, с помощью двойной арки, через которую проезжают автобусы, идущие с Левого берега, с таким грохотом, что опасения за фундамент дворца всегда преобладают в умах тех, кто отвечает за его сохранение.

Именно в этой части Лувра, построенной Екатериной Медичи (1578), находится нынешняя Галерея антиквариата (), которая обычно переполнена, как в сезон, так и вне сезона, путешествующими по миру туристами, которые редко задумываются о ее конструктивной элегантности и связи с Медичи.

В первые годы правления Карла IX следует отметить заметную медлительность в процессе строительства Нового Лувра. Это было вызвано главным образом концепцией Тюильри и работами, которые фактически были начаты там. Вскоре из амбициозного ума Екатерины Медичи родилась грандиозная идея. В этой связи следует помнить, что Екатерина, которую так часто прозвали «итальянкой», не была полностью итальянкой: французская кровь текла в ее жилах по линии матери, Мадлен де ла Тур д'Овернь. Она впервые прибыла во Францию, высадившись в Марселе, куда прибыла из Ливорно, и сразу же отправилась в путь в Париж, , наконец прибыв в Лувр в качестве невесты принца Анри в образе простой, умной девушки, хотя на самом деле она была на двадцать лет старше.

Теперь она мечтала соединить свой замок Тюильри с замком короля длинной соединительной галереей. Она воплотила свою идею в жизнь и под руководством Пьера (II) Шамбижа, родственника Шамбижей из Фонтенбло и Сен-Жерmain, была начата и осуществлена между 1564 и 1571 годами строительство Малой галереи, которая была просто средством связи между двумя замками и не в последнюю очередь напоминавшую оборонительную конструкцию, и работы над ней велись с 1564 по 1571 год, хотя Тибо Метезо в 1595-1596 годах продолжил их под руководством Генриха IV.

Этот архитектор ввел в обиход знаменитый мезонин, который так интригует историков Лувра из-за неравных высот различных этажей, что было неизбежно, за исключением замены, вызывающей меньше возражений, чем существующий недостаток. Фактически соединение с Тюильри было осуществлено путем продления этой галереи братьями Дюсерсо в 1595 году. Сооружение, существующее сегодня, но только в реконструированном виде, такое же, как и то, которое было построено Наполеоном III (1863-1868).

Карл IX и Генрих III, хотя и сделали Лувр своей резиденцией, практически не принимали участия в его украшении. Первый из них полностью посвятил свою энергию и идеалы резни в день святого Варфоломея и стрелял в бедных несчастных, которые бежали под окнами его апартаментов на набережной Лувра. Это, если не главное событие, связанное с ним, то, по крайней мере, самое запомнившееся. Генрих III также вел скандальную жизнь в стенах Лувра и в один майский вечер 1588 года сбежал верхом на лошади, выбравшись, так сказать, через черный ход, чтобы больше никогда не вернуться, поскольку доминиканский монах Жак Клеман убил его ударом ножа, не дав ему уехать дальше Сен-Клу.

Принятая версия роли, которую сыграло знаменитое окно Лувра в драме ночи Святого Варфоломея, следующая: Когда сигнал прозвучал с колокольни Сен-Жермен-л'Оксерруа, на него ответил другой звон большого колокола Дворца правосудия, где в небольшой квартире над шлюзом Лувра королева и ее два сына сжимались вместе, не зная, что может случиться дальше. Толпа пронеслась по набережной перед дворцом, и, наконец, среди всего ужаса убийства Колиньи и выброса его тела из окна Лувра на улицу, Карл IX стоял у окна и смотрел на бегущих гугенотов, как на мелкую дичь, стреляя в них из аркебузы, когда они проходили мимо, и с нечестивой радостью даже хвастался, что за четверть часа убил двадцать еретиков.

Историки тех бурных времен, возможно, не были слишком верными летописцами, и «отличные выстрелы» Карла в его «королевской охоте», а также ужасные клятвы и угрозы, такие как: «Мы всех их поймем, даже женщин и детей», не являются столь достоверными деталями, как нам хотелось бы. Как и кровавые пятна Риццио, они не вызывают убеждения.

Амбициозный Анри де Наварр с белым пером, когда он стал Анри IV Французским, приступил к соединению щупальца, протянувшегося на юг от Старого Лувра, с Тюильри (продолжение проекта Екатерины Медичи) и к концу XVI века построил длинный фасад по совету братьев Дюсерсо. Эта работа была дополнена со стороны двора во время Второй империи, когда была предпринята реконструкция, скорее укрепление фундамента и стен из-за их близости к быстротечным водам Сены, работы Генриха IV.

К Тюильри и этой работе Дюсерсо примыкал знаменитый Павильон де Флор, построенный скорее в эпоху Генриха IV, чем Екатерины Медичи.

От павильона Флора до павильона Лесдигьера простиралась длинная галерея Дюсерсо, а многочисленные промежутки и незавершенные своды и арки, ведущие к Старому Лувру, были в эту эпоху завершены Метезо (Metezeau) и Жаком-Анри Дюпайром (Dupaira).

Главные апартаменты этого сооружения стали известны как *Галерея Генриха IV* и были завершены в 1608 году.

После смерти Генриха IV Ришелье, который иногда строил так хорошо, а иногда был подлым разрушителем памятников, снес ту часть, которая осталась от здания Карла V. Однако работа Пьера Лескота была сохранена, и для придания симметрии и дополнительного пространства был достроен прямоугольник, обращенный к Сен-Жермен-л'Оксерруа, таким образом, что в одном углу его просторного двора оказались фундаменты более ранней постройки, очертания которой ясно прослеживаются на мостовой, чтобы те, кто их видит, могли воссоздать — если смогут — старое сооружение Филиппа Августа. По своим размерам нынешний четырехугольник более чем в четыре раза превосходит Лувр времен Карла V.

Этот двор Лувра, пожалуй, является тем местом во всем Париже, где представлено наибольшее количество сокровищ искусства эпохи Возрождения. От земли до горизонта фасады украшены произведениями волшебной руки *Siècle Italien*. Сам Жан Гужон оставил свои блестящие воспоминания со всех сторон: кариатиды, гирлянды, барельефы, статуи и колоннады.

Энтузиазм и преданность не знали границ среди этих старых мастеров, но все хорошо упорядочено, регулярное и правильное. «Тот, кто упоминает Лувр французу, доставляет ему большее удовольствие, чем Мехмед-Али, когда хвалят пирамиды». В некотором смысле Лувр — самое великолепное здание во вселенной; «четыре дворца, сложенные друг на друга, *une ville entière*». И когда Лувр был соединен с Тюильри в реальности, какое великолепие это должно было быть для прежних поколений, которые могли им восхищаться! «*La plus belle et la plus grande chose sous le soleil*».

Работы по расширению четырехугольника были выполнены архитектором Лемерсье на основе проекта, принятого в 1642 году, и в значительной степени завершены до прибытия Анны Австрийской двадцатью годами позже.

Эта королевская особа имела свои собственные представления о том, каким должно быть ее жилище в Париже, и, помимо ее личных потребностей, на тот момент мало что было сделано для фактического соединения различных разрозненных частей, каждая из которых была более или менее завершенной сама по себе, которые теперь составляли парижский дворец французских монархов.

Ее сын, король по праву, но не по власти, вряд ли обладал инстинктами, которые поставили бы его в один ряд с традиционными строителями замков и дворцов его рода; во время его правления особенно процветали литература, музыка и живопись (), поэтому австрийка сначала довольствовалась тем, что привела бывшие апартаменты Екатерины Медичи в порядок для личного пользования и построила *Salle-de-Spectacle* (зал для представлений) и — счастливая мысль — *Salle-des-Bains* (ванную комнату).

Луи XIV, найдя время после войны Фронды, действительно задумался о том, чтобы в некотором смысле завершить дело своих предков, и поручил архитектору Лево достроить северное крыло, что и было сделано в 1660 году. Год спустя Галерея Генриха IV была практически уничтожена пожаром и перестроена Лево, который поручил ее внутреннюю отделку Лебруну.

Вскоре было завершено строительство южного крыла, оставив только промежуток для восточного фасада, который должен был стать главным входом в комплекс зданий, все еще носивших общее название «Лувр».

Для завершения этого фасада потребовалось снести некоторые жилые дома знати, которые были сгруппированы вокруг королевских построек, и отели «Пти Бурбон», «Вилькье», «Шомон», «Ла Форс», «Креки», «Лонгевиль» и «Шуази» пали под ударами кирок сносчиков. Лево сразу же приступил к работе над фасадом () и быстро продвигался вперед, пока в 1664 году не поступил внезапный приказ прекратить все работы. Политический заговор, коррупция, если хотите, были в действии, и Кольбер, не слишком благосклонный к Лево, предложил королю объявить конкурс на проектирование и выполнение фасада. Луи XIV, чьи мысли, несомненно, были заняты другими делами, с готовностью согласился, и всем французским архитекторам был разослан общий призыв принять участие в конкурсе. Воцарилась суматоха, и Лево уже собирались отозвать, когда Кольбер заметил в углу развернутый пергамент и с жадностью набросился на него, чтобы спасти Лево от сомнительных усилий бывшего руководителя.

Это был «непрофессиональный» план, представленный врачом по имени Шарль Перро. Ревнивые конкуренты высказывали всевозможные критические замечания и возражения, главным из которых было то, что если по какому-то случаю архитектурный проект «таблеточного» оказался приятным для глаз, то он обязательно будет невыполнимым с экономической или конструктивной точки зрения, или с обеих. Часто это бывает правдой, и в данном случае это подтвердилось, поскольку, несмотря на некоторые советы итальянского строительного эксперта, который приехал в Париж, чтобы помочь доброму доктору в его сложной задаче (поскольку он фактически получил заказ на эту работу и завершил ее в 1674 году), фасад не вписывался в остальную часть здания, с которой он должен был соединяться, и сегодня любопытные могут заметить, что он на несколько футов смещен по отношению к структуре, выходящей на улицу Риволи.

Людовик XIV практически не уделял внимания Лувру и его архитектурным традициям; его идея дворцового города-сада, воплощенная в Версале, показывает, каким новатором он был. Он позволил Лувру наполниться всевозможной шпаной, которой часто предоставляли жилье вместо денежного вознаграждения за оказанные услуги. Таким образом, Лувр стал своего рода благородным приютом для бедных, в то время как король и двор проводили время в более просторном загородном доме за холмами Мёдона.

К 1750 году Лувр превратился в огромные руины, униженные и оскверненные, настоящий сирота. Маркиз де Мариньи, суперинтендант королевских зданий, получил разрешение изгнать паразитов, очистить авгиевы конюшни и навести порядок в соответствии со своими эстетическими представлениями, но только в начале XIX века Лувр снова стал настоящим дворцом, достойным своих традиций.

С 1803 по 1813 год архитекторы Фонтен и Персье постоянно занимались ремонтными работами и достройками, а также построили (для Наполеона I) галерею, которая простирается от нынешней площади Жанны д'Арк до Павильона Рохана, вдоль улицы Риволи. Эта отдельно стоящая часть (связанная только с Тюильри) была окончательно соединена с постройкой XVII века Лемерсье при Луи Наполеоне в 1852 году. Эта галерея, работа «современников», также является неплохим примером дворцового строительства. Она была построена Висконти и Лефелем, и с принятием этого плана была окончательно завершена интерполяция ряда павильонов, которые придают архитектуре Лувра одну из ее главных отличительных черт. Названные в честь главных министров прежних администраций — Донона, Моллиена, Дару, Ришелье, Кольбера, Тюрго и т. д., эти павильоны разбивают то, что в противном случае было бы монотонными, удлинненными фасадами.

Торжественное открытие этой последней построенной части дворца состоялось 14 августа 1857 года, и по этому случаю Наполеон III устроил банкет для всех архитекторов,

художников и рабочих, которые участвовали в строительстве. Два года спустя в том же зале, который получил название Salle des États, император устроил *гала-ужин* для генералов, вернувшихся из итальянской кампании.

Дальнейшее изложение фактов, касающихся основной части Лувра, а также его отдельных компонентов, откроет бесконечные перспективы и зрелища. Невозможно в одной главе, одной книге или на пятифутовой полке описать все, что представляет хотя бы минимальный интерес. Известное, малоизвестное и сравнительно неизвестное смешиваются в разных пропорциях, в зависимости от индивидуального настроения или отношения. Для некоторых привлекательность будет заключаться в огромности сооружения, для других — в разнообразных персонажах, которые играли на его сцене, третьи будут впечатлены драматическими событиями, а многие другие сохраняют только современные воспоминания о том, что они сами видели. Лувр — это предмет изучения на всю жизнь.

Возвращаясь к не слишком полной хронологии, легко вспомнить следующие важные события, которые произошли в Лувре со времен Генриха III, периода, когда только зарождались самые первые планы нынешней структуры.

В 1591 году произошло ужасное событие, когда четыре члена Conseil des Seize были повешены в Salle des Caryatides по приказу герцога Майенского.

Подобно гороскопу, предсказавшему смерть Генриха III, в 1610 году было сделано другое королевское предсказание, которое напоминает о том, что, возможно, имело немалое отношение к убийству последнего из принцев Валуа.

Герцог Вандомский, сын Генриха IV от Габриэль д'Эстре, вручил королю документальный гороскоп, подписанный астрологом, называвшим себя Ла Бросс, в котором король предупреждался, что 14 мая он подвергнется большой опасности, если отправится за границу.

«Ла Бросс — осёл», — воскликнул король и смял бумагу под ногами.

В тот день король отправился навестить своего министра Сюлли в Арсенал. Именно тогда, поворачивая с улицы Сен-Оноре на улицу де ла Ферроньер, королевская карета, часто блокируемая толпой, предоставила возможность убийце Равайяку, который, вскочив на подножку, дважды ударил короля ножом в грудь.

После ранения король был доставлен в Лувр, где скончался. Его королевская карета остановилась под сводом, через который сегодня проходит весь Париж в поисках «короткого пути» от реки к Сен-Оноре. Это был короткий путь до королевских апартаментов в Павильоне де л'Орлож, но для галантного Анри де Наварра он, должно быть, был бесконечным мучением. Тело приняла Мария Медичи () в слезах, а герцоги де Гиз и д'Эпернон выскакали из двора на лошадях, чтобы распространить ложную новость о том, что король не пострадал. Опасаясь последствий слишком поспешного обнародования катастрофы, другого выхода не было.

Жутким воспоминанием является то, что швейцарская гвардия в Лувре тайно приобрела «квартар» расчлененного тела цареубийцы и сожгла его в костре, разведенном под балконом Марии Медичи, в знак своей верности и лояльности.

Первым, кто поднялся по лестнице, чтобы сообщить королеве о трагедии, был Сюлли, министр короля, всегда верный интересам своего королевского повелителя. Несмотря на

это, одним из первых действий Марии Медичи как регентши было изгнание барона де Росни и герцога де Сюлли. Такова награда за добродетель — иногда.

«Лежа на кровати, с открытым лицом, одетый в белый атлас и красную бархатную шапочку, вышитую золотом, — это все, что осталось от Генриха IV Французского и Наваррского. Вокруг кровати стояли монахини и монахи из всех монастырей Парижа, чтобы провести бдение за его душу».

Так заканчивается хроника, закрывающая главу об отношениях Генриха IV с его парижским дворцом.

В течение нескольких лет здесь не происходило ничего особенно трагического. Анриетта Французская, вдова Карла I Английского, укрывшаяся во Франции от беспорядков в своей стране, жила в Лувре в 1644 году. Сначала она была любезно принята Мазарини, но в конце концов ей было предоставлено только самое необходимое для жизни: жилье в Лувре, скромный бюджет и ограниченный круг общения.

В 1662 году, при Людовике XIV, Мольер и его труппа в театре, устроенном в Зале кариатид, дали первое в истории «командное» представление. Были поставлены пьесы «Никодим» и «Влюбленный доктор».

Интересной «художественной заметкой» является то, что Сильвен Бейли, первый куратор Луврского музея, родился в его стенах в 1736 году.

В мрачные дни июля 1830 года народ пытался разграбить и опустошить дворец, но после кровавой расправы отступил, оставив на поле сотни мертвых. *Партер* под знаменитой колоннадой стал их местом захоронения, хотя десять лет спустя тела были эксгумированы и вновь похоронены под Колонной июля на площади Бастилии.

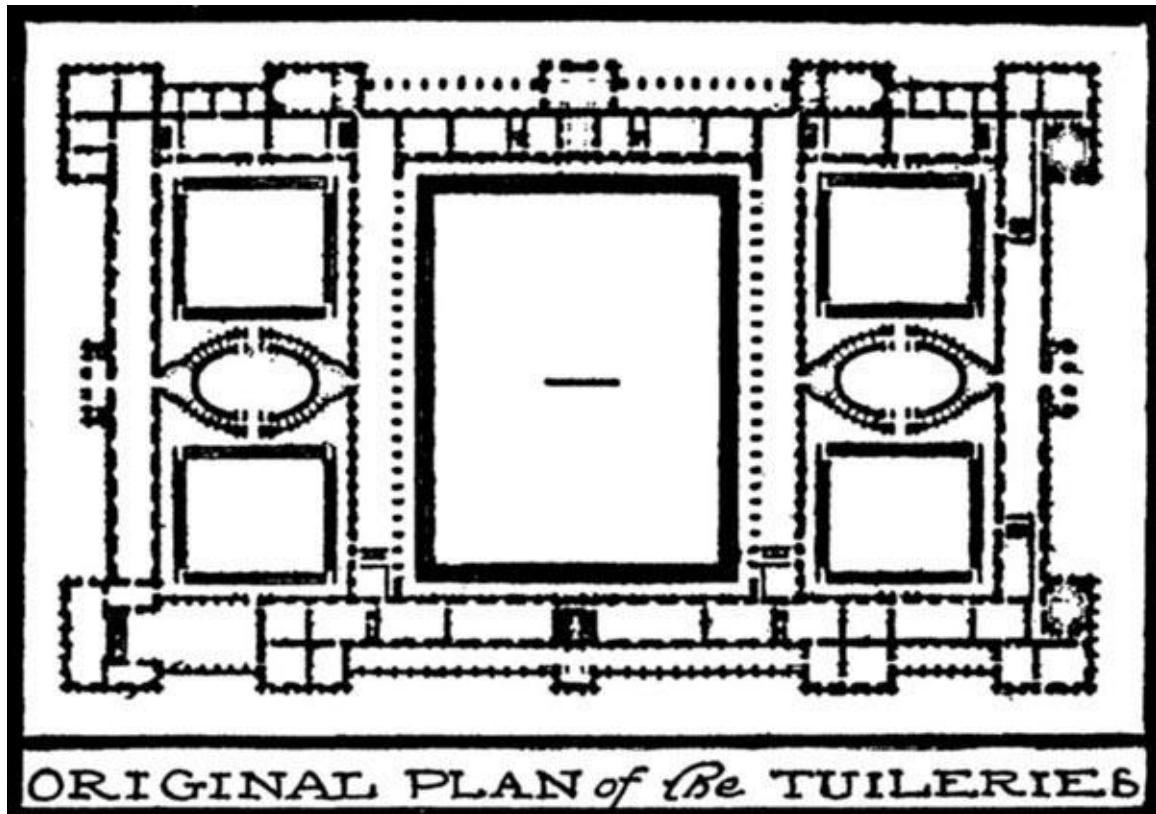
Ле Нотр, садовник королей, создал первые садовые украшения вокруг дворца при Людовике XIV, и с небольшими изменениями () его схема украшения просуществовала до времени Луи-Филиппа, который избавился от многого, что было самобытным и превосходным.

Наполеон III выступил с улучшенным декоративным проектом, но твердые плиты современных площадок, пыльный гравий и слишком скудные архитектурные украшения не делают сады Лувра чем-то примечательным, кроме как желанным местом отдыха для парижских нянь и их подопечных.

Железные ворота с северной, южной и восточной сторон были установлены только в 1855 году и во время Коммуны довольно хорошо выполняли свою функцию, сдерживая толпу, которая, к ее чести, уважала художественное наследие, заключенное в стенах Лувра. Ни одно произведение искусства в музеях не было украдено или уничтожено, хотя библиотека исчезла.

ГЛАВА VII

ТУИЛЬРИИ И ЕЕ САДЫ

Ни один французский королевский дворец не вызывал такого сентиментального интереса, как Тюильри с момента его основания Карлом IX в середине XVI века до его уничтожения Коммуной в 1871 году.

Дворец Тюильри больше не существует, Коммуна поступила с ним так же, как с Отель-де-Виль и многими другими благородными памятниками столицы, и все, что осталось, — это сады, расположенные, с несколькими мраморными колоннами и позолоченными шарами — самими по себе фрагментами бывших декоративных элементов дворца — чтобы напомнить о том, что когда-то было наследием, завещанным французам Медичи, королевой ночи Святого Варфоломея.

Это был дворец головокружительной веселости, который привлекал к себе поклонников, только чтобы уничтожить их. «Коронованные дураки, которые хотели, чтобы их называли королями, и другие». Даже его камни были высечены как бы с определенной злобой и фатализмом, потому что все они исчезли, и их история даже не была записана так же подробно, как история многих современных сооружений.

Из последних пяти королей, которым Тюильри давал приют — не считая второго императора — только один отправился прямо в могилу; один пошел на эшафот, а три других — в изгнание. Печальное приданое для наследника дворца, столь благородного и замечательного, несмотря на его несчастье.

То же самое произошло с придворными и дворянами в последние дни монархии: Тюильри были лишь временным убежищем. Многие оказались на эшафоте, а других поглотило изгнание и забвение.

В то время было обычным делом повторять предупреждение: «О, Тюильри! О, Тюильри! . Безумны те, кто вступают в твои стены, ибо, как Людовик XVI, Наполеон, Карл X и Луи-Филипп, вы выйдете через другие двери».

Происхождение названия Тюильри несколько позорно связано с фабрикой по производству черепицы, которая существовала здесь, в самом центре Парижа, на берегу Сены, в XVI веке. Усадьба, состоявшая из усадебного дома и черепичных полей, была известна под названием Ла-Саблоньер и перешла к маркизу Неввиль-де-Виллеруа, суперинтенданту финансов, который построил на этом месте своего рода укрепленный замок, который, если и не имел дворцовых размеров, то отличался дворцовой роскошью.

Луиза Савойская, мать Франциска I, приобрела эту собственность в 1518 году и девять лет спустя подарила ее Жану Тьерселину, маистру отеля дофина, который впоследствии стал Генрихом II.

К 1564 году домик, или усадьба, пришел в такое плачевное состояние, что Екатерина Медичи, вдова Генриха II, приступила к закладке фундамента нового королевского дворца.

Катерина так и не поселилась в своем задуманном дворце, и в 1566 году ее сын Карл IX поручил Филиберу Делорму построить дворец «рядом с Лувром, но не соединенный с ним, на месте Тюильри».

11 июля работы были начаты, и центральный павильон и два крайних были возведены в два этажа в течение года. Центральное сооружение представляло собой большое здание с круглым куполом, в котором находилась великолепная парадная лестница. Фасад, перед которым находились два террасовых портика, выходил на внутренний двор или сад между зданием и Лувром. Он был обращен к нынешней улице Тюильри.

Тюильри не стали королевской резиденцией в течение некоторого времени после их завершения, поскольку Карл IX упорно держался за свои хорошо охраняемые апартаменты в Лувре; центральное здание Тюильри из-за своей относительной невысокой высоты едва ли было такой крепостью, какой он хотел бы.

Современная записка, связанная с Карлом IX и Тюильри, находится в «*Épître à Charles IX*» Ронсара.

«J'ay	veu	trop	de	maçons
Bastir		les		Tuilleries,
Et	en	trop	de	façons
Faire		les		momeries».

Работы над зданием, столь удачно спроектированным Делормом, были практически прекращены во время правления Генриха III из-за нехватки средств.

Ренессанс Делорма, Буллена, Леско, Энрикеса-де-ла-Барбари (), каждый из которых принимал участие в строительстве Тюильри, отражал определенные характерные этапы развития архитектурного искусства во время правления Франциска I и Генриха II. Правление Карла IX было лишь очередным этапом долгого правления Екатерины Медичи, и архитектурные влияния продолжали следовать тем же итальянским традициям, особенно в

отношении таких зданий, как те, которые построила сама Медичи (). В посвящении к своей книге «*Traite d'Architecture*» Филибер Делорм так высказался о Тюильри:

«Мадам, с каждым днем я с растущим удовольствием наблюдаю за интересом, который Ваше Величество проявляет к архитектуре. Дворец, который Вы построили в Париже недалеко от Пон-Нёф и Лувра, по своему расположению превосходит и достоин восхищения, и он доставляет мне безмерное удовольствие».

После Делорма были внесены значительные изменения, которые успешно осуществили архитекторы Дюсерсо, Дюперак, Лево и Дорбе.

Отличительной чертой творчества Делорма было использование колонн, украшенных по всей длине, которые, как он пишет в своих трудах, он впервые применил в «*Palais de la Majesté de la Royne-Mere à Paris*».

Сегодня нет разногласий по поводу таланта Делорма, как и не было их в его время. Помимо Тюильри, он имеет в своем активе замок Ане, замок Сен-Мор, замок Мёдон, построенный для кардинала Лотарингии, а также его важные дополнения к замку Муэтт и замкам Сен-Жермен, Мадрид и Фонтенбло.

Как и следовало ожидать, Екатерина Медичи выражала большое восхищение Делормом и вознаграждала его таланты королевской щедростью, даже назначив его аббатом монастыря Сен-Элуа-де-Нуайон, что побудило поэта Ронсара создать политическую сатиру «*La Truelle Crossée*».

Одновременно со строительством Тюильри Екатерина Медичи распорядилась о достройке Лувра; по крайней мере, она взяла на себя завершение незавершенной части, которую оставили для других.

Первым историческим событием, которое выделяется в связи с Дворцом Тюильри, является праздник, устроенный за четыре дня до роковой ночи Святого Варфоломея. Это был праздник свадьбы галантного Анри де Беарна, короля Наварры, и мудрой и остроумной Маргариты де Валуа.

Генрих IV, вступивший на престол через четверть века после завершения замечательных работ первого года в Тюильри, обнаружил, что мало что было сделано для того, чтобы сделать его действительно пригодным для проживания. Они были поспешно достроены до второго этажа и вполне подходили для временного проживания или в качестве дополнительного помещения, где можно было устраивать балы и праздники без скопления людей, но амбициозному Генриху IV хотелось, чтобы павильоны были соединены более внушительной связью, а Павильон де Флор, в свою очередь, был соединен с Лувром галереями.

При Людовике XIII последнее действительно было завершено в соответствии с планами архитектора Дюсерсо, но идея объединить Лувр и Тюильри принадлежала Генриху IV.

При Людовике XIV и Людовике XV дворец в своей еще не до конца достроенной форме был едва ли больше, чем разбросанное жилище, совершенно лишенное тех благородных апартаментов, которыми он был впоследствии наделен. В это время двор практически сделал Версаль своей резиденцией. Ни один из вышеупомянутых монархов не посещал Тюильри, кроме как мимоходом, и оставлял его в пользовании придворным и государственным министрам.

Именно во время правления Людовика XV флорентийский художник Сервандони, который был одновременно выдающимся архитектором, замечательным живописцем и маэстро-музыкантом, организовал в Дворце Тюильри Театр Машин, первый в Париже, и туда пришли Комеди Франсез, Опера и Буфф (*Комеди Итальянска*) и дали представления перед двором.

Когда французы решили, что Людовик XVI должен жить в Париже, ему фактически предложили Дворец Тюильри, но с точки зрения внутренней обстановки это было довольно убогое место для королевской резиденции, хотя снаружи оно выглядело очень привлекательно. Были проведены значительные ремонтные работы и украшения, но враждующие фракции сделали все, чтобы затруднить любой реальный художественный прогресс.

С приходом Людовика XVI в сердцах и головах королевской семьи наступил контраст с весельем и беззаботностью. 5 октября Людовик XVI и королевская семья укрылись за закрытыми дверями, а конвент начал заседания под той же крышей и немедленно принял закон, разрешающий достроить дворец по плану Виньона за триста тысяч *ливров*. Произошла почти полная трансформация, деньги, по-видимому, были потрачены не зря, и теперь здание заняло достойное место среди монументальных художественных сокровищ столицы.

Драматический инцидент произошел у больших ворот Тюильри, выходящих во двор, когда 28 мая 1795 года толпа волнами нахлынула на их прочное ограждение. Депутат Феро встретил их на ступеньках. «Вы войдете только через мой труп», — сказал он. В ответ ему разбили череп, обезглавили туловище и понесли голову на пике к трибуне, где председательствовал Буасси д'Англас.

Зал спектаклей Тюильри даже в тот период был крупнейшим залом такого рода в Европе, имея восемь тысяч мест в партере и ложах, что давало возможность разместить значительно большее количество зрителей.

В 1793 году этот театр, паркет которого занимал первый этаж Павильона де Марсан, претерпел странную метаморфозу, когда стал законодательным залом Национального конвента. Все имена и эмблемы, отображенные в его украшениях и указывающие на его древнее правление, были заменены на республиканские символы. Pavillon de Marsan был переименован в Pavillon de l'Egalité, Pavillon du Centre стал Pavillon de l'Unité, a Pavillon de Flore — Pavillon de la Liberté, где размещался Комитет общественной безопасности.

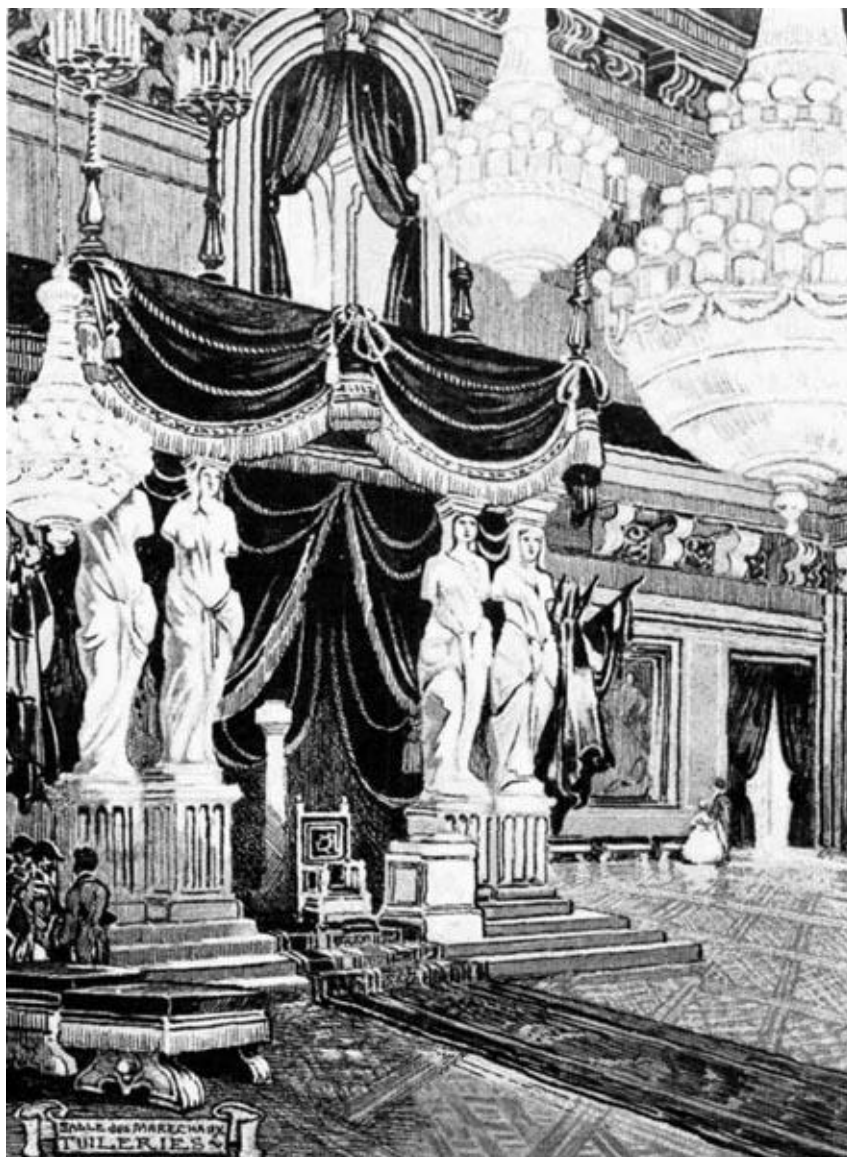
Зал Конвента, согласно сообщениям того времени, представлял собой ужасающее смешение величия и изнеженности в отношении его архитектурных линий. Вокруг той части, где фактически сидели законодатели, находился большой амфитеатр, который в течение трех лет был занят любопытной, шумной публикой, даже более демонстративной, чем та, которая посещала прежние театральные представления в том же помещении.

С момента открытия Национального конвента до реакции «Термидора» более трех миллионов человек, по оценкам, посетили то, что они, справедливо или нет, считали «зрелищем», устроенным исключительно для их развлечения.

К моменту прихода Наполеона к власти Тюильри были практически непригодны для проживания, и перед тем, как заселиться в них, он был вынужден провести немедленные и обширные переделки.

19 февраля 1800 года Наполеон, все еще первый консул, покинул Люксембургский дворец и поселился в Тюильри, а третий консул Лебрэн разместился в Павильоне Флора, в «Малом

апартамента», который Мария-Антуанетта оборудовала для своего временного проживания в городе. Однако Лебрен уступил свое жилье папе, когда по приказу Наполеона в Париж прибыл понтифик из Сен-Жермен-ан-Пре (). Консул Камбасерес, однако, отказался селиться под крышей Тюильри () и выразил предпочтение великолепному отелю д'Эльбуф (Hotel d'Elbœuf), который был любезно предоставлен в его распоряжение.

Зал маршалов, Тюильри

Наполеон вошел в Тюильри с помпой, в сопровождении внушительной свиты. У ворот Каруселя консулы вышли из карет и были встречены консульской гвардией. По прибытии консулы прочитали следующую надпись, размещенную у входа: «10 августа монархия во Франции была навсегда упразднена; она никогда не будет восстановлена». К 20 февраля надпись исчезла. Кроме того, было отдано распоряжение срубить два дерева свободы, которые были посажены во дворе. 10 августа на фасаде Тюильри было размещено большое количество пушечных ядер, вокруг которых были написаны слова: «Десятое августа». Пушечные ядра исчезли, как и надписи, когда на площади Каррузель был воздвигнут Триумфальная арка.

Это изменение вызвало большое удовлетворение. Для спокойствия Франции было важно, чтобы новое правительство унаследовало скорее меч Карла Великого, чем гильотину Марата.

Императорский двор вскоре продемонстрировал свое величие и роскошь в Тюильрийском дворце, как и следовало ожидать.

В роскошном и внушительном Salle du Trone можно было увидеть в глубоком проеме центрального окна стоящую сняв шляпы группу дипломатического корпуса, члены которой, увенчанные орденами, знаками отличия и бриллиантами, трепетали в присутствии Маленького Капрала былых дней; с другой стороны, множество принцев Рейнского союза — все персоны, которых Германия, Россия, Польша, Италия, Дания, Испания, одним словом, вся Европа, за исключением Англии, послали в Париж.

Нет нужды говорить, что свадебный прием Наполеона и Марии-Луизы в Тюильри был отмечен с необычайной пышностью. Еще одно событие, в силу своего особого момента, сильно возбудило энтузиазм французов. 20 марта 1811 года, в семь часов утра, первый салют из пушек объявил, что императрица родила ребенка, будущего Эглона, короля Рима.

После того как Наполеон занял Тюильри, дворец снова служил монарху во время Империи, Реставрации, при Луи-Филиппе и во время Второй Империи. Дворец, связанный с печальными воспоминаниями, был свидетелем падения Наполеона, вступления на престол Людовика XVIII, прохода союзников, бегства Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа и Наполеона III.

Вплоть до Второй империи Тюильри сохранял, более или менее, свою первоначальную внутреннюю планировку и, в значительной степени, украшения, которыми он был украшен при Людовике XIV, Людовике XVI и Наполеоне I.

Павильон Флора, расположенный на стыке Тюильри и Лувра Генриха IV, был практически перестроен во время Второй империи, но он точно следовал современным проектам соседнего здания. Здесь размещаются исполнительные офисы префектуры Сены. В той части, которая выходит на Пон-Рояль, находится серия прекрасных скульптур Карпо, единственных современных украшений такого рода, которые можно увидеть в парижском дворце или на нем.

Когда толпа коммуны бежала перед армией Версаля, в Тюильри разразился пожар, и вскоре все здание было охвачено пламенем. За самое короткое время, которое когда-либо фиксировалось для пожара такого масштаба, Тюильри превратились в дымящуюся грудку полубогоревших камней.

Тюильри пережили еще один короткий день славы, когда принц-президент Луи Наполеон вошел в их ворота, прибыв прямо с инаугурации в Нотр-Даме.

Пушки в Отеле инвалидов прогремели в знак приветствия, и все патриоты-республиканцы кричали: «Да здравствует Наполеон!» Они мало знали и, возможно, мало заботились о том, что однажды он станет вторым императором.

Толпа высыпала из собора после «*Domine Salvum*» и благословения, во главе с духовенством, за которым следовали президент и его свита. Оркестр играл бодрый марш, а большой колокол на башне громко зазвонил.

Карета президента остановилась перед воротами Тюильри, и он вошел в большой зал, где проходил прием различных общественных и военных организаций. Между семью и восемью тысячами морских и военных офицеров выразили свое уважение, а около половины батальона армии отдали честь, среди них были два мамелюка. Пока шла эта церемония, площадь Каррузель была занята несколькими эскадронами кавалерии, а внутренние дворы были практически пехотными лагерями. Правительство не хотело рисковать в начале своего правления. Прием продолжался до позднего вечера, когда был накрыт банкет на четыреста человек, в котором приняли участие приглашенные гости.

Можно сказать, что последние дни Тюильри начались с того памятного дня 3 сентября 1870 года, в пять часов вечера, когда императрица Евгения получила телеграмму от Наполеона III, в которой он сообщал о своем пленении и поражении под Седаном. Это было свержение.

Вечер и ночь прошли спокойно; народ еще не знал о роковой новости, которую газеты опубликуют на следующий день. На следующий день было воскресенье; погода была прекрасная; наконец было объявлено о катастрофе, и народ со всех сторон устремился к площади Согласия, где эскадрон кирасиров перекрыл мост, ведущий к Дворцу Бурбонов, где заседали депутаты.

Узнав об этом, императрица вызвала генерала Трошу, военного губернатора Парижа, и спросила его, может ли он гарантировать порядок. Он ответил утвердительно. Несколько часов спустя группа депутатов пришла к императрице и посоветовала ей подписать не отречение, а временную отказ от своих полномочий регента. Евгения категорически отказалась.

Толпа, проходя по левому берегу, прибыла к Палате депутатов, и официальное заседание превратилось в революционное. В три часа была провозглашена ликвидация императорской династии и установлено временное правительство. Анри Рошфор, нынешний редактор «*Le Figaro*» и «*Intransigeant*», был освобожден из тюрьмы Сент-Пелажи и стал членом правительства.

К этому времени толпа, вторгшаяся на площадь Согласия, стала угрожающей. Крик «К Тюильри!», впервые раздавшийся из уст уличных мальчишек, вскоре стал лозунгом толпы. Сказано — сделано: большие железные ворота были закрыты, но в отсутствие защищающих их вооруженных сил их было легко перелезть.

За занавешенными окнами дворца императрица наблюдала за штурмом и прошептала своим фрейлинам: «Все кончено». Она повернулась к князю Меттерниху и шевалье Нигре и умоляющим голосом спросила: «*Que me conseillez vous?*»

«Вы должны немедленно уехать, мадам; через мгновение дворец будет захвачен».

Императрица смирилась и в сопровождении мадам Ле Бретон, Меттерниха и Нигры направилась к павильону Флора, прошла через Галерею музея и Галерею Аполлона и, наконец, вышла через ворота Лувра, которые находятся напротив Сен-Жермен-л'Оксерруа.

Императрица наконец вышла из дворца, но еще не была вне опасности. Группа демонстрантов, направлявшаяся к Отель-де-Виль и кричавшая «Vive la Republique», узнала им прессу, но она села в пустой фиакр с мадам Ле Бретон и, назвав кучеру первый адрес, который пришел ей в голову, таким образом избежала дальнейших унижений и, возможно, опасности. В конце концов она нашла убежище у доктора Эванса, американского дантиста, жившего на авеню Малакофф, из дома которого она на следующий день уехала в Англию.

Такова точка зрения француза на один из живописных эпизодов истории. Она опровергает легенду о том, что императрица покинула Тюильри в карете доктора Эванса, но это неизбежно, с учетом общего мнения французов. Доктор Эванс был другом семьи, помимо того, что он был стоматологом, лечившим зубы императора, и не будет преувеличением сказать, что счастливый американец приобрел немалую популярность и богатство благодаря своим связям с Наполеоном III и его семьей.

К этому времени народ ворвался во дворец и осквернил мраморные залы и всю обстановку в целом, а также разграбил все, что понравилось грабителям.

После подписания мирного договора Бордоской ассамблеей, которая теперь представляла правительство, и после того, как Тьер стал президентом, этот достойный человек решил избавиться от пушек, которые все еще находились во владении Национальной гвардии в их гарнизоне на холме Монмартр. Приказ, который он отдал, стал сигналом к новому восстанию со стороны народа. 18 марта была провозглашена Коммуна, и Ситоен Дардель, старый африканский охотник, был назначен военным губернатором Тюильри. Какими бы ни были военные заслуги этого человека, он предался наслаждениям высокой и развратной жизни в своих роскошных апартаментах во дворце, что быстро было замечено все еще беспокойным населением.

Гражданин Руссель, член коммунального правительства, предложил организовать серию народных концертов в садах Тюильри в пользу раненых в недавних столкновениях.

На стенах у входа в каждую квартиру висела плакат с надписью: «Друзья, золото, из которого построены эти стены, было заработано вашим потом». «Сегодня вы получаете то, что принадлежит вам». «Оставайтесь верными своему долгу и следите за тем, чтобы тираны больше никогда не вошли сюда».

Во время одного из этих публичных концертов было зачитано стихотворение Эгесиппа Моро, которое заканчивалось следующим образом и возбудило народ:

*	*	*	*	*	
«Et	moi	j'applaudirai;	ma	jeuneusse	engourdie
Se	réchauffera	a	ce	grand	incendie».

Он назвал сжигание бывшей резиденции императоров и королей своего рода жертвой во имя общего блага. До этого момента публика держалась очень сдержанно, но громко аплодировала стихам. Последний из концертов состоялся 21 мая, в тот же день, когда армия Версаля вошла в Париж. Наступила ночь, и с ней — бушующие красные пламени, вздымающиеся в небо с крыши Тюильри.

Через несколько мгновений пламя охватило все здание. На место были направлены все силы, которые удалось собрать, но спасти старый дворец не удалось, и к часу ночи от него осталась лишь куча дымящихся руин. Коммунары хорошо выполнили свою работу. Перед тем как покинуть его территорию, они облили керосином каждый квадратный метр ковров,

занавесок и гобеленов, и медленно горящая фитиль быстро перенес огонь на горючий деревянный каркас. Библиотека Лувра была уничтожена, но музеи, галереи и их знаменитые коллекции, к счастью, уцелели.

В течение двенадцати лет печальные руины старого дворца Тюильри возвышались своими обожженными стенами, свидетельствуя о бурных настроениях народа и упрекая его. Наконец, в 1882 году месть Ахилл Пикард взялся за их снос за тридцать три тысячи франков, и в течение года ни один след, ни один камень не остался на своем прежнем месте в качестве свидетельства этой главы парижской истории.

Два портика Павильона де л'Ороль, первоначально составлявшие часть Тюильри, были восстановлены на террасе Оранжереи, выходящей на площадь Согласия.

Остались только два выживших свидетеля позднего имперского господства во Франции: императрица Евгения, живущая в Англии, и Эмиль Оливье, «*l'homme au cœur léger*», живущий в Сен-Тропе на юге Франции.

Более года назад парижский журналист, сидя в кругу небольшой компании литераторов и художников на знаменитой террасе кафе Lavenue, рассказал следующий случай, облеченный в самые сдержанные выражения, и поскольку он касается Тюильри и его последних обитателей, я повторю его здесь.

«Прошлой ночью под очаровательным сентябрьским лунным светом я увидел черную тень, тихо выскользнувшую из-под мрачных аркад « » на улице Риволи, прямо под отелем «Continental». Она пересекла тротуар и прошла через ограду садов напротив, одна из ворот которых, по случайности или по заранеему замыслу, была еще открыта. Она медленно двигалась туда-сюда по гравийным дорожкам и села на одинокую скамейку, как будто размышляя о прошедших великолепных, но печальных часах. Было ли это привидение, была ли это Евгения, бывшая императрица Франции?»

Чтобы помнить такой причудливый сон в течение сорока долгих лет, нужно было обладать сверхчеловеческим мужеством или необъяснимой совестью.

Улица Rue des Pyramides, продленная до берегов Сены, даст представителям нынешнего поколения, которые никогда не видели Тюильри, точное представление о его расположении. Если бы он все еще существовал, фасад дворца выходил бы на эту улицу.

Самая трогательная история подробных ужасов Коммуны, особенно в отношении роли, которую сыграли в ней Тюильри, находится в книге Максима Дюкана «*Les Derniers Convulsions de Paris*» (Последние судороги Парижа).

Одна из сохранившихся без повреждений реликвий Тюильри нашла покупателя в лице румынского принца на публичных торгах, состоявшихся в 1889 году. Это были богато украшенные красивые железные ворота, которые отделяли Cour du Carrousel от Cour des Tuileries. Румын по происхождению, француз по душе и парижанин по призванию, этот богатый любитель искусства за чуть более восьми тысяч франков стал владельцем королевского сувенира, который, должно быть, стоил в пятьсот раз дороже.

Восточная сторона Тюильри выходила во двор, построенный по указанию первого Наполеона. Он был отделен от площади Каррузель красивой железной решеткой с позолоченными наконечниками копий, простирающейся по всей длине дворца. Из этого двора было три входа на площадь Каррузель: центральные ворота соответствовали центральному павильону дворца, а на других двух воротах были установлены колоссальные фигуры Победы, Мира, Истории и Франции. Ворота под каждой из боковых галерей также

соединялись на севере с улицей Риволи, а на юге — с набережной Лувра. Площадь Карусель была названа в честь турнира, проведенного на этом месте Людовиком XIV в 1662 году. Она соединялась на севере с улицами Ришелье и де л'Эшель, а на юге — с мостами Пон-Рояль и Пон-дю-Карусель. Сегодня на площади Карусель стоит триумфальная арка, воздвигнутая Наполеоном в 1806 году по проекту Персье и Фонтен.

Недавно разбитые и благоустроенные сады делают площадь Каррузель еще более привлекательной, чем она была, когда была окружена мощеными площадками, гравийными дорожками и мощеными дорогами, и, хотя монументальные и архитектурные элементы превосходят садовые украшения по количеству, общий эффект в настоящее время несравненно лучше, чем все, что было известно ранее.

Планы реконструкции площади Каррузель предусматривают ее разделение на три отдельные части: три больших *газона, à boulingrins à la Français*, или газоны ограниченной площади, в соответствии с лучшими традициями Ле Нотра, бордюр из цветов и несколько декоративно расположенных групп цветущих кустарников, все это объединено таким образом, что перспектива и вид на Елисейские поля ни в коей мере не пострадают. Архитектор-ландшафтный дизайнер М. Редон, которому было поручено это дело, черпал вдохновение из серии нереализованных проектов Ле Нотра, которые недавно были обнаружены в глубинах национальных архивов. Это был безопасный способ избежать анахронизма, и на этот раз правительственный архитектор хорошо выбрал план реализации.

В последние годы вопрос об обновлении сада Тюильри постоянно обсуждался общественностью, но на самом деле мало что изменилось, за исключением переделки некоторых участков сада, посадки нескольких кустарников и установки нескольких статуй.

Площадь сада Тюильри составляет 232 632 квадратных метра. Это самое популярное из всех открытых пространств столицы среди парижан, которые предпочитают гулять недалеко от центра города. Главной достопримечательностью сада является знаменитый каштан, который зацвел в день прибытия Наполеона с Эльбы — 20 марта. С тех пор это раннее дерево почитается бонапартистами, хотя оно больше никогда не повторяло этот трюк.

По всему саду разбросаны бесчисленные статуи, которые придают этому месту определенную живость. Некоторые из них созданы известными скульпторами, другие — менее известными, но в целом они не производят большого впечатления, главным образом, пожалуй, потому, что в сад Тюильри приходят не для того, чтобы смотреть на статуи.

Слева и справа находятся террасы, впервые разбитые знаменитым Ле Нотром. Подобно висячим садам Вавилона, они возвышаются над нижним уровнем *партеров*, гравийных дорожек и декоративных водоемов. Вдоль улицы Риволи находится Терраса Оранжереи, а со стороны реки — Терраса Марины.

Согласно первоначальным планам Ле Нотра, сад имел длину пятьсот *туазов* и ширину сто шестьдесят восемь *туазов*, причем последний размер соответствовал размеру фасада дворца.

В тенистых аллеях этого замечательного городского сада сегодня предприимчивый *концессионер* заработал целое состояние, сдавая в аренду стулья с тростниковыми сиденьями няням, пожилым джентльменам на пенсии с красными ленточками в петлицах и туристам из-за Ла-Манша. Это вполне законное и, судя по всему, прибыльное предприятие, которое существует уже более полувека.

Именно из садов Тюильри в 1784 году состоялся знаменитый полет Бланшара на воздушном шаре Монгольфье, который вызвал восторженные отзывы Британского королевского общества, которое заявило, что ничуть не удивлено тем, что француз решил проблему «летучести». Французский монарх, более практичный, был настолько доволен успехом эксперимента, что наградил автора суммой в четыреста тысяч франков из своей казны для совершенствования этого искусства.

ГЛАВА VIII

ПАЛАС КАРДИНАЛА И ПАЛАС РОЯЛЬ

Наряду с Лувром и Тюильри, Пале-Рояль пользуется популярностью у путешественников среди всех памятников Парижа. Ни одно другое здание не вызывает более ярких воспоминаний о своем историческом прошлом, чем этот гибридный дворец Ришелье. Даже сегодня люди мечтают о его роскоши, легендах, забавных и экстравагантных событиях, которые окутывают ореолом романтического интереса столь многих прославленных личностей. Пале-Рояль настолько во всех отношениях парижский, что его называют «столицей Парижа».

Недалеко от укрепленной стенами и башнями крепости старого Лувра возвышались частные дворцы, лишь немногим уступавшие по величию королевскому, принадлежавшие Рамбуйе, Меркёрам и другим дворянам придворной свиты. Они тоже жили почти по-королевски, пока Арман дю Плесси де Ришелье не пришел, чтобы укротить их гордость, честными или нечестными средствами, скупая или разрушая их роскошные жилища, выравнивая обширные участки земли и, в 1629 году, начав работы над тем внушительным сооружением, которое сначала было известно как Palais Cardinal (), затем как Palais d'Orleans, затем как Palais de la Revolution и, наконец, как Palais Royal.

Он находился недалеко, но достаточно далеко от королевской резиденции Лувра, чтобы не быть затмеваемым ею. Здание окружало большую площадь, засаженную симметрично высаженными деревьями и украшенную фонтанами и статуями.

От большой центральной площади четыре меньших двора открывались в каждую из основных сторон света; кроме жилых комнат, там также были часовня, два театра, бальные залы, будуары и картинные галереи, все в роскоши, о которой раньше могли мечтать только короли.

Главный вход находился на улице Сен-Оноре, а над его порталом был высечен герб Ришелье, увенчанный кардинальской шапкой и надписью: «Palais Cardinal» (Кардинальский дворец). Как и его английский коллега Уолси, Ришелье не знал меры в своем увлечении строительством. Он добавлял к зданию блок за блоком, а к садовым стенам — двор за двором, пока все не превратилось в настоящий лабиринт. Наконец, обычно покорный Людовик увидел, как обстоят дела; ему не нравилось, что его министр живет в мраморных залах, более роскошных, чем его собственные. В соответствии с политикой кардинал прекратил строительство и после своей смерти, как бы в искупление, завещал всю собственность своему королю.

Как Palais Cardinal, здание подвергалось многим неуместным насмешкам со стороны общественности, которая в целом всегда была настроена враждебно по отношению к «*Homme Rouge*». Они не признавали права апостольского прелата церкви жить в такой роскоши, когда сами заповеди его религии предписывали скромность и смирение. Современники Ришелье не стеснялись с восхищением любоваться всей этой роскошью жизни и ее атрибутами, а Корнель в пьесе «*Лжец*» (1642) вкладывает в уста одного из главных героев следующие слова:

«Нет,	ничто	в	мире	не	может	сравниться
Aux	superbes		dehors	du	Palais	Cardinal;

Toute	une	ville	entière	avec	pompe	bâtie,
Semble	d'un	vieux	fossé	par	miracle	sortie,
И заставляет нас	предполагать,	глядя	на его	великолепные	крыши,	
Что все его жители	—	боги	или	короли».		

План Паласа Кардинала был уникальным среди городских дворцов. Вначале цены на землю были не такими, как сегодня в Париже. Здесь были гектары зеленых насаждений, пересеченные гравийными дорожками, большие аллеи деревьев, бесчисленные рощи, галереи и колоннады. Снаружи шумел трафик большого города, возможно, менее шумный, чем сегодня, но все же контрастирующий с тишиной внутри.

После завершения строительства здание фактически вышло из употребления, за исключением периодических визитов кардинала в столицу. В остальное время здесь было тихо, как на кладбище. На плитах рос мох, на гравийных дорожках — трава, а запутанные кустарники заглушали распускающиеся цветы в садах.

Последнее возвращение Ришелье домой после казни Сен-Марса в Лионе было трагическим. Деспот Франции, вновь оказавшись под своей крышей, бросился на кровать, окруженный своими лучшими картинами и гобеленами, и заплатил цену за свою безжалостную *aggravation* по отношению ко всем мужчинам и женщинам, сложив свои бледные руки на груди и воскликнув, несколько неубедительно: «Так я отдаю себя Богу». Как будто возвращаясь к суровой реальности, он добавил: «У меня нет врагов, кроме врагов государства».

В пурпурной шелковой мантии, поддерживаемый подушками из лучшего пуха и покрытый редчайшим кружевом, он напряженно выпрямился и скончался без дрожи, с чувством, что он находится далеко за пределами досягаемости невидимых врагов. Но перед смертью Ришелье посетил сам король. Это было еще одним свидетельством его непобедимой власти.

Таким образом, Пале-Рояль возник из Пале-Кардиналь Ришелье. Ришелье отдал приказ о его строительстве Жаку Лемерсье сразу после того, как он лишил владений Рамбуйе и Меркёров, намереваясь сначала построить лишь относительно скромное городское жилище с просторным садом. Тщеславие или какая-то другая страсть в конечном итоге привели к появлению величественного здания, которое было названо Кардинальским дворцом вместо того, чтобы носить более скромное название Отель де Ришелье.

Огромный и внушительный, но не лишенный определенной изящной симметрии, сегодняшний Palais Royal представляет собой совокупность множества отдельных зданий, разделенных рядом дворов и садов и соединенных между собой аркадными галереями. Правое крыло включало в себя изысканный Salle de Spectacle, а левое — не менее внушительную комнату с потолком работы Филиппа де Шампань, известную как Galerie des Hommes Illustrés и дополнительно украшенную портретами большинства придворных фаворитов того времени обоих полов. Архитектурное убранство этой галереи было выполнено в дорическом стиле, смело перемежаемом с лепными носами кораблей, якорями, кабелями и прочими морскими атрибутами.

В 1636 году, предвидя зависть многих « » из знати, которые часто бывали в его дворце, Ришелье — великий политик — подарил всю коллекцию раритетов Людовику XIII, но взял на себя обязательство хранить их для него, что и делал до своей смерти в 1642 году.

После смерти Людовика XIII дворец кардинала, который был полностью завещан ему Ришелье, перешел к Анне Австрийской, регентше, которая вместе с младенцем Людовиком

XIV и королевской семьей поселилась в нем, и с этого момента (7 октября 1642 года) здание стало известно как Королевский дворец.

Теперь началась политическая роль этого роскошного дворца, который до сих пор был лишь прихотью кардинала. Мазарини сменил Ришелье, и чтобы избежать гнева фрондёров, он вместе с регентшей и двумя принцами, Людовиком XIV и герцогом Анжуйским, бежал в убежище Сен-Жермен-ан-Ле.

В компании мадемуазель де Монпенсье, которую грубо разбудили из сна в Люксембурге, они глубокой ночью сели в карету и отправились в Сен-Жермен. Путь был долгим и утомительным; *Пави-дю-Руа* тогда, как и сейчас, была самой ужасной пригородной дорогой из всех существующих.

Когда спокойствие было восстановлено, Мазарини отказался позволить регентше снова поселиться в Люксембурге, в старом жилище Ришелье, и передал его Анриетте Французской, вдове Карла I, изгнанной из Англии Кромвелем.

Спустя тридцать с лишним лет Людовик XIV, мечтая о своем проекте Версаля, подарил эту собственность своему племяннику Филиппу Орлеанскому, герцогу Шартрскому. Время от времени проводились важные реконструкции и перепланировки, но ничего столь радикального, чтобы изменить внешний вид дворца времен кардинала, хотя он был значительно расширен за счет пристройки с задней стороны и присоединения отеля Данвиль на нынешней улице Ришелье. Однажды был приглашен Мансар, который построил новую галерею, которую Койпель украсил четырнадцатью композициями по мотивам «Энеиды» Вергилия.

Во время регентства Оппенард переоформил Салон д'Энтре, а любящая развлечения королева из австрийского двора организовала серию великолепных праздников. Театр Ришелье был преобразован в оперный театр, и здесь часто устраивались маскарадные балы несравненной роскоши, не забывая упомянуть — однако без особого акцента — ужины с пантегруэльской роскошью и пышные оргии, о которых летописи только намекают.

В 1661 году брат короля, мосье, поселился в дворце, расширил его в разных направлениях и во многом преобразил и улучшил. Став единственным владельцем здания и его садов по патенту от февраля 1692 года, герцог Орлеанский в 1701 году оставил эту великолепную собственность своему сыну, слишком известному регенту Филиппу Орлеанскому, чьи оргии и расточительство сделали Пале-Рояль известным во всех уголках Европы.

Первые годы XVIII века были действительно печально известны. Именно тогда Пале-Рояль стал центром разврата и распутства. Именно с этой эпохи датируются нынешние постройки, которые сегодня образуют обширный квадрат зданий, во всяком случае, их общий облик сегодня мало изменился по сравнению с тем, каким он был в то время.

Если политика регента заключалась в том, чтобы довести свободу и роскошь времен Ришелье до крайности, заменив даже здания кардинала более сложными сооружениями, то его сын Людовик (1723-1752) в свою очередь стремился окружить их более строгой атмосферой.

В результате катастрофического пожара 1763 года Пале-Рояль был перестроен по приказу Луи-Филиппа Орлеанского, будущего Филиппа-Эгалите, архитектором Моро, который сохранил старые традиции в отношении формы и очертаний и значительно увеличил протяженность и количество аркад со 180 до 207. Проницательный герцог немедленно сдал их в аренду лавочникам за годовую плату более десяти миллионов. Этот участок был

известен под характерным названием Palais Marchand, и таким образом сад оказался окружен монументальной и классической аркадой магазинов, которая до сих пор остается отличительной чертой дворца.

Второй пожар уничтожил Национальную оперу, которая теперь искала убежище в Palais Royal, и в 1781 году был построен Theatre des Variétés Amusantes, который с тех пор был преобразован в дом Comédie Française.

Преобразования, проведенные Филиппом-Эгалите, были значительными, и знаменитые каштаны, посаженные во дворе в XVII веке Ришелье, были срублены. Он также построил три поперечные галереи, которые разделили сегодняшние сады на гораздо более мелкие участки, чем они были во времена Ришелье. Несмотря на это, сегодня здесь по-прежнему царит приятная тишина, всего в двух шагах от шума и суеты автомобильного движения, сосредоточенного вокруг перекрестка улиц Ришелье (Rue Richelieu) и Опера (). Это как оазис в бурной песчаной буре, благотворная скала в водовороте быстрых потоков. Единственное, чего здесь можно бояться, — это того, что игрушечный самолетик какого-нибудь ребенка выбьет глаз или что более опасный *диаболо* расколется череп.

При регентстве герцога Филиппа Орлеанского различные апартаменты дворца были арендой скандальных событий, о которых подробно рассказывалось в хрониках того времени. В окрестностях Пале-Рояль теперь собирался очень разнородный мир. Мужчины и женщины из высшего общества смешивались с деловыми людьми, финансистами, спекулянтами и агитаторами всех рангов и сомнительной репутации. Милорды, как здесь стали называть приезжих из-за Ла-Манша, отдавались сомнительному обществу и еще более сомнительным удовольствиям. Чуть позже герцог Шартрский разрешил открытие кафе и ресторанов, которые на протяжении двух поколений стали самыми известными местами встреч в Париже — Café de Foy, Café de la Paix, Café Carrazzo и различные другие места сбора, чьи названия, не говоря уже о связанных с ними событиях, вошли в историю.

Именно создание этих общественных мест встреч в значительной степени способствовало событиям, которые развернулись в Пале-Рояле в 1789 году. Этот «Eden de l'Enfer», как его называли, в последние годы был полностью реконструирован; старые пристанища Империи исчезли, и ничто не пришло им на смену.

Затем появился другой класс заведений, которые ярко сияли на втором плане и в некотором смысле также были политическими местами встреч — Café de Chartres и Café de Valois. Из всех этих кафе Пале-Рояля начала XIX века самым роскошным и блестящим было Café des Mille Colonnes, хотя его популярность, по-видимому, была обусловлена очарованием мадам Ромен, хозяйки заведения, чей муж был высохшим, карликовым человечком, не имеющим никакого значения. Мадам Ромен, однако, вполне оправдывала свою репутацию «*incontestablement la plus jolie femme de Paris*» (бесспорно самой красивой женщины Парижа). К 1824 году слава заведения начала угасать, и в 1826 году оно закрылось, хотя в «*Almanach des Gourmands*» того же года говорилось, что владельцем был Вери из лимонадчиков, что его мороженое было превосходным, его салоны великолепными, а цены непомерно высокими. Возможно, именно последнее и стало причиной закрытия!

Здесь располагалось еще одно заведение, основанное в 1817 году, где клиентов обслуживали «*ода lisques en costume oriental, très séduisantes*» (одетые в восточные костюмы, очень соблазнительные). Это цитата из рекламы того времени. Кафе называлось Café des Circassiennes, и там была султана, которая была главной фигурой этого места. Несмотря на свои, казалось бы, непреодолимые преимущества, оно имело лишь умеренный успех и вскоре закрыло свои двери.

В середине XIX века в парижских кафе произошла революция. Табак вторгся в их пределы; раньше курили только в *эстаминетах*. Три кафе на площади Palais Royal сопротивлялись нововведению: Café de la Galerie d'Orleans, Café de Foy и Café de la Rotonde. Сегодня, ну, сегодня все по-другому.

Сегодняшний Театр дю Пале-Рояль был Театром марионеток графа де Божоле, современниками которого были Fantoche Italiens, Ombres Chinoises и Musée Curtius, возможно, первое из восковых шоу, которые в последующих поколениях стали так популярны. Пале-Рояль превратился в огромное развлекательное предприятие со всевозможными аттракционами, театрами, концертами, кафе, ресторанами, клубами, игорными домами и прочим — все они платили владельцу высокую арендную плату.

В центре сада, где сейчас находится фонтан и его бассейн, был цирк, наполовину под землей () и наполовину над землей, а также бесчисленные лавки и киоски для продажи глупых безделушек, все платившие дань землевладельцу.

Азартные игры в Пале-Рояле не ограничивались только публичными игорными домами. Во время карнавального сезона 1777 года азартные игры, которые проводились в королевских апартаментах, стали известны даже для того разгульного времени: за одну ночь герцог Шартрский проиграл восемь тысяч *ливров*. Людовик XVI, честный человек, принял все необходимые меры, чтобы уменьшить эту расточительность, но был бессилён.

Между фонтаном во дворе и северной аркадой внутреннего дворца была установлена знаменитая пушка Пале-Рояль, которая, благодаря изобретательной конструкции, каждый день в полдень стреляла под действием солнечных лучей. Все собравшиеся вокруг люди ждали момента, когда можно было бы перевести часы на следующие сутки.

Знаменитый аббат Делиль, которому показывали красоты садов, сожалел о плохих манерах постоянных посетителей и произнес следующий уместный четверостишие:

«Dans	ce	jardin	tout	se	rencontrée
Excepté		l'ombrage	et	les	fleurs;
Si	l'on	y	déregle	ses	mœurs
По	крайней	мере,	здесь	можно	перевести
					часы».

Галерея де Буа была, пожалуй, самым неблагоприятным из всех дворцовых помещений. Это была длинная двойная ряда киосков, которая исчезла только тогда, когда Луи-Филипп построил застекленную Галерею Орлеанскую.

До кануна Революции Пале-Рояль пользовался такими же привилегиями, как и Темпль и Люксембург, и стал своего рода убежищем, где те, кто пытался скрыться от полиции, могли затеряться в толпе. Сам монарх был вынужден просить разрешения у герцога Орлеанского, чтобы его чиновники могли применять свои полицейские методы за пределами внешних стен.

Это было 12 июля 1789 года. Накануне вечером Людовик XVI уволил своего министра Неккар, но только в воскресенье, 12-го числа, эта новость стала известна за пределами дворца. В то же время стало известно, что полк, известный как Royal Allemand, под командованием принца де Ламбеска, атаковал толпу, собравшуюся у ворот Тюильри. Со всех сторон раздавались крики «A Mort!» («Смерть!»), «Aux Armes!» («К оружию!») и «Vengeance!» («Мсть!»).

В полдень 13-го числа в садах Пале-Рояль, когда полуденное солнце раскалило плиты до жаркой температуры, звук выстрела из маленькой пушки разорвал тишину летнего воздуха эхом, которое не переставало раздаваться в течение нескольких месяцев. Беспечные, беззаботные прогуливающиеся внезапно стали серьезными, затем сильно взволнованными () и, наконец, безумными, безрассудными (raving). Молодой неизвестный представитель закона, Камиль Демулен, выбежал без головного убора и с криком из Café de Foy, разделил толпу, как корабль разделяет волны, вскочил на стул и обратился к толпе с такой страстью и убедительностью, что все поддержали его как один человек.

«Граждане, — сказал он, — я приехал из Версаля * * * Нам остается только выбрать наши цвета. *Quelle couleur voulez vous?* Зеленый, цвет надежды; или синий Цинциннати, цвет американской свободы и демократии».

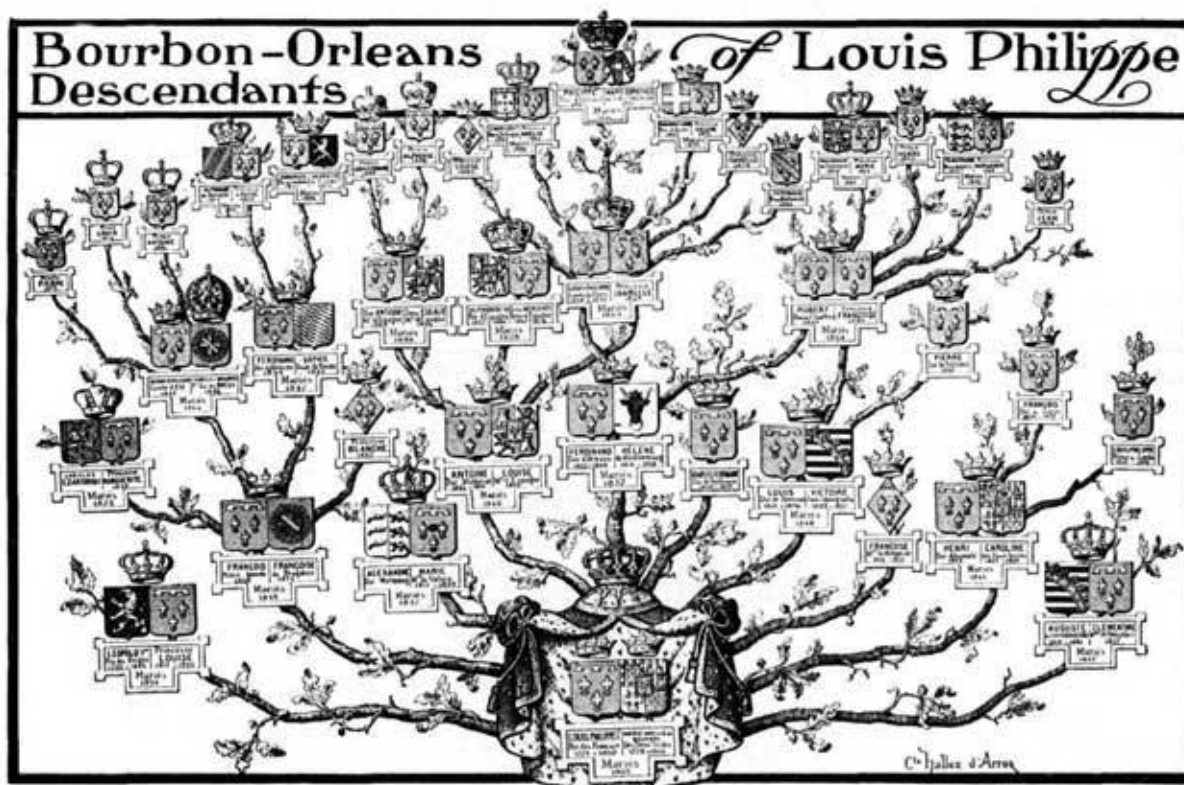
«*Nous avons assez délibéré!* Дальше совещайтесь руками, а не сердцами! Мы — самая многочисленная партия: к оружию!»

На следующий день, теперь уже знаменитый 14 июля, «славный четырнадцатый» французов, народ поднялся, и Бастилия пала.

Революционный декрет 1793 года преобразовал дворец и его сад в Palais et Jardin de la Révolution и присвоил их в качестве национальной собственности. Наполеон предоставил дворец Трибуналу в качестве его резиденции, а во время Стодневного правления Люсьен Бонапарт поселился там. В 1830 году Луи-Филипп Орлеанский устроил здесь грандиозный праздник в честь короля Неаполя, который прибыл в столицу, чтобы выразить свое почтение () французскому королю. Карл X, присутствовавший на церемонии в качестве приглашенного гостя, также был там, и через месяц он вернулся, чтобы фактически заселиться во дворце и вновь сделать его королевским.

Приведенная ниже таблица, показывающая ветвление семьи Бурбон-Орлеан в современности, представляет интерес — все боковые ветви генеалогического дерева происходят от Луи-Филиппа. Геральдические украшения этого генеалогического дерева представляют особый интерес, поскольку гербовые изображения соответствуют декрету французского трибунала, принятому несколько лет назад, который устанавливает право главы дома носить *эку плен де Франс* — лазурный щит с тремя золотыми лилиями, тем самым подтверждая легитимность Орлеанов.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Республика 1848 года сделала дворец штаб-квартирой Счетной палаты и Генерального штаба Национальной гвардии. При Наполеоне III Дворец Рояль стал резиденцией принца Жерома, дяди императора. Позже он служил той же цели для сына принца Наполеона. Именно в эту эпоху произошло осквернение герба: были соскоблены *лилии* и отколоты высеченные *гербы* Бурбонов. Всякий раз, когда находился тот или иной ненавистный символ Бурбонов, на его месте появлялись орлы, подобные фениксам, которые, в свою очередь, исчезали, когда их заменял республиканский девиз 1848 года (сейчас вновь возвращенный к жизни) «Свобода, равенство, братство».

Во время Коммуны 1870 года часть левого крыла и центрального павильона пострадали от пожара, но реставрационные работы под руководством архитектора Шаброля вернули им почти первоначальный облик. Несмотря на все изменения владельцев и политические перипетии, план и силуэт этого хамелеонского дворца кардинала, короля и императора практически не претерпели изменений, и хотя он ни в коем случае не является архитектурно впечатляющим или роскошным, он по-прежнему остается одним из самых характерных общественных памятников Парижа.

Сегодня собственно Пале-Рояль, можно сказать, обращен к площади Пале-Рояль (), а его главный вход находится в конце неглубокого двора, отделенного от улицы железной решеткой и окруженного двумя невзрачными павильонами. Главный фасад скрывает здание Государственного совета и состоит только из первого этажа, второго этажа и мансарды.

Крыло Монпенсье, которое примыкает к зданию, в котором находится Комеди Франсез, до недавнего времени занимал Счетный суд. Крыло Валуа выходит на улицу с таким же названием, и здесь проживали принцы Орлеанские и король Иероним. Сегодня это же крыло используется заместителем министра по делам изящных искусств.

Нет необходимости настаивать на упадке Пале-Рояля или повторять об этом. Он больше не является «столицей Парижа», и какими бы ни были его прелести, они в основном неоднозначны. Это скорее пустыня, чем оазис или *храм удовольствий*, которыми он был в былые времена. Его жрицы и игорные дома исчезли, и кто может сказать, что это само по себе не является благом, несмотря на признанную пустоту.

Посредственность Пале-Рояль очевидна для всех, кто хоть немного знаком с архитектурными ордерами, но, несмотря на это, его переход от Пале-дю-Кардиналь, Пале-Эгалите, Пале-де-ла-Револьюсьон и Пале-дю-Трибунат к Пале-Рояль придает ему интерес, которого совершенно не хватает многим более великолепным художественным зданиям Парижа.

Сегодня существует движение, направленное на то, чтобы вернуть Пале-Рояль его былую славу, которой он явно не обладал в течение последних четверти века. Сатирики задаются вопросом, что с ним делать: превратить в *велодром* или каток, но это не имеет отношения к реальному решению проблемы, поскольку несомненно, что большую часть его бывшего очарования можно восстановить, не превращая его в луна-парк. Это одно из немногих мест в Париже, где можно передохнуть, и как таковое оно должно быть более привлекательным, чем сейчас.

Шестьдесят лет назад, когда Луи-Филипп был законным владельцем Пале-Рояля, его галерей, магазинов, театра и садов, он впервые пришел в упадок. «Туда ходили на цыпочках и говорили шепотом», — писал один из современных писателей, и не нужно быть особенно проникательными, чтобы понять значение этой фразы.

Именно Альфонс Карр, *écrivain-jardinier*, запустил новую моду на Пале-Рояль, но его интереса и энтузиазма оказалось недостаточно, чтобы возродить его, и в последующие годы он все больше и больше пришел в упадок. Одиночество Пале-Рояля стало предметом насмешек и солецизмом. Он фактически является *кладбищем* или может легко им стать, несмотря на то, что занимает один из самых оживленных и шумных кварталов столицы, четырехугольник, ограниченный улицами Валуа, Божоле, Монпенсье и площадью Пале-Рояль.

Как только вы входите в его портал, это сравнение становится еще более очевидным, а гибридные магазины, которые продают такие сомнительные безделушки клиентам без вкуса и с еще худшими причудами, еще больше усиливают впечатление монастыря, потому что на самом деле клиентов мало, и в основном это незнакомцы. Человек задерживает дыхание и бродит по коридорам, радуясь, что смог уйти от суеты окружающих его узких улочек, но, с другой стороны, радуясь, что снова выйдет на открытое пространство.

ГЛАВА IX

ЛЮКСЕМБУРГ, ЭЛИЗЕЕВСКИЙ ДВОРЕЦ И ДВОРЕЦ БУРБОН

Короли и королевы Франции были не только правителями нации, но и доминировали в жизни столицы. При их коронации или въезде в Париж было принято требовать от жителей подарки по праву. В 1389 году Изабелла Баварская, о которой остались мрачные воспоминания, получила шестьдесят тысяч *золотых корон*, а в 1501 и снова в 1504 годах ей было подарено соответственно шесть тысяч и десять тысяч *парижских ливров*.

Король взимал личные налоги с жителей, которые таким образом были вынуждены платить за привилегию иметь его среди себя, а те, кто занимался профессиями и ремеслами, которые время от времени могли служить королевскому двору, платили самые высокие сборы.

Именно в период министерства Ришелье Париж процветал наиболее бурно. Строительные работы этой эпохи были настолько многочисленными и грандиозными, что Корнель в своей комедии «Лжец», впервые поставленной в 1642 году, заставил своих героев говорить так:

Дорант:	Париж	кажется	мне	страной	из	романа
*		*		*		*
En	superbes	palais	a	changé	ses	buissons
*			*			*
На	великолепные	фасады	дворца	кардинала		
Весь	город,	построенный	с	помпой		
*		*				*

В 1701 году Людовик XIV разделил столицу на двадцать *кварталов*, а в 1726-1728 годах Людовик XV построил новую городскую стену; но только при Людовике XVI пригороды были наконец включены в черту города. В эпоху Империи и Реставрации было сделано лишь несколько изменений, и с прокладкой новых бульваров при Наполеоне III и бароне Османе город приобрел тот же общий план, что и сегодня.

В старину между Пале-де-ла-Сите, Лувром и Пале-де-Турнель, простираясь даже до стен Шарантона, находился гигантский сад, ковер, вышитый такими же разнообразными цветами, как и *восточные ковры* поэтов, и пересеченный здесь и там аллеями, которые разделяли его на маленькие квадраты в виде шахматной доски.

Внутри этого лабиринта находился знаменитый сад Дедала, который Людовик XI подарил Коиктье, а над ним возвышалась обсерватория ученого, подобная сигнальной башне римлян. Она была сосредоточена на месте, которое сегодня называется Площадью Вогезов, а раньше было Площадью Рояль.

Как изменилась сегодня эта «промежуточная, неопределенная» область! Как изменилась! Сегодня в ней нет ничего неопределенного и неоднозначного.

Самым ранним из малоизвестных парижских дворцов был Дворец Терм. Его можно почти одним словом исключить из любого рассмотрения королевских резиденций Парижа, хотя он был резиденцией нескольких римских императоров и двух королей Франции. Сегодня от старого дворца римлян сохранилась только одна комната — старые римские бани, но ничего не осталось от времен императора Констанция Хлора, который основал дворец в

честь Юлиана, провозглашенного императором своими солдатами в 360 году нашей эры. Франкские монархи, если они когда-либо и проживали здесь, вскоре перенесли свою резиденцию в Дворец Сите, а руины перешли во владение монахов Ключи, которые построили на этом месте нынешний Отель де Ключи.

Из всех небольших французских дворцов Люксембургский и Елисейский чаще всего упоминаются в связи с жизнью современности. Первый из них — это нечто большее, чем просто художественный музей, а второй — нечто большее, чем резиденция президента Республики, хотя составители путеводителей едва ли считают нужным упоминать об этом.

Дворец Люксембург

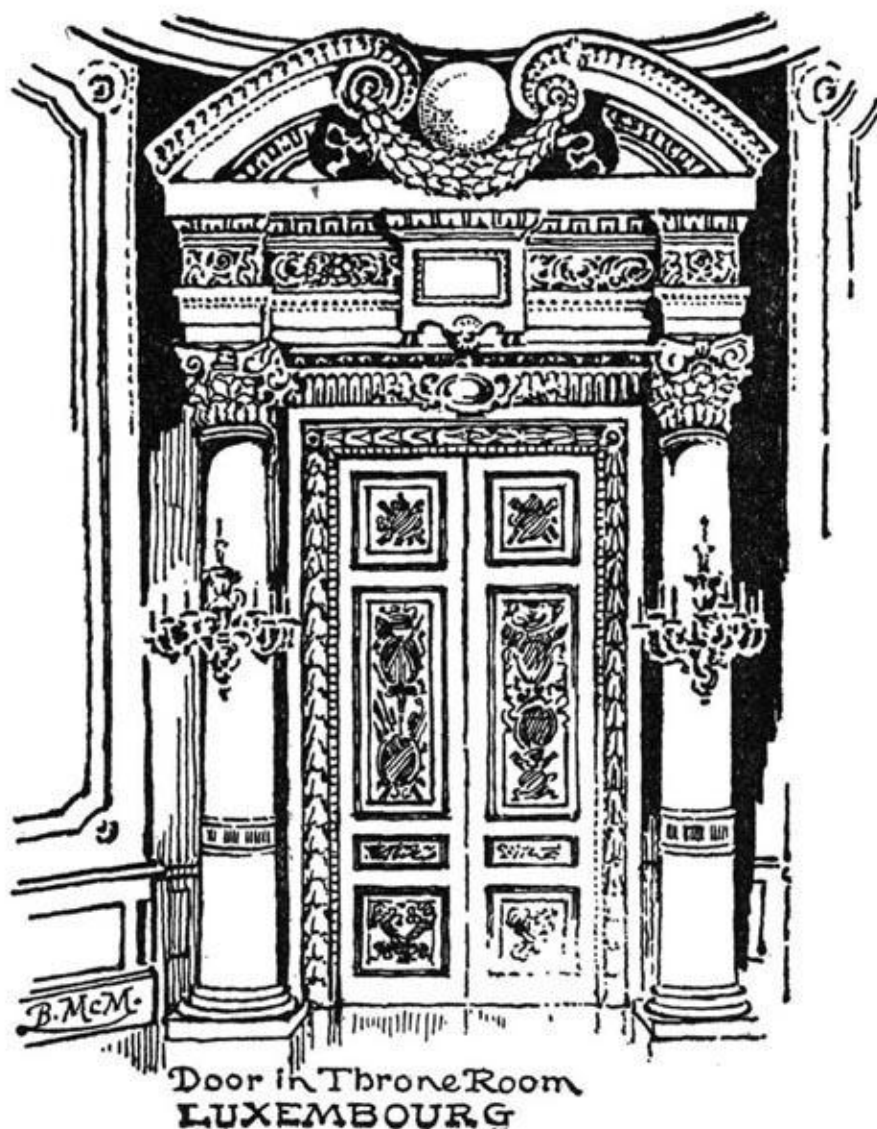
Дворец Люксембург называют подражанием дворцу Питти во Флоренции, но, помимо того, что он был итальянской концепцией Марии Медичи, трудно согласиться с этим утверждением, поскольку архитектор Жак Дебресс, один из самых способных французов в своей области, просто выполнил работу в соответствии с общим планом того времени, когда он был построен, в начале XVII века.

Его три не очень обширных павильона соединены колоннадой, которая окружает довольно мрачный двор с мощением, что было задумкой или доработкой оригинального здания Шальгреном в 1804 году по приказу Наполеона. Фасад со стороны сада, хотя и был восстановлен Луи-Филиппом, больше соответствует первоначальному плану Медичи, что, в любом случае, является его достоинством.

Сегодня Люксембург, республиканский Дворец Сената, является лишь отголоском четырех веков аристократического существования, которые поддерживали имя и славу его первого владельца, герцога де Пине-Люксембург, принца де Тигри, построившего его в XVI веке. С 1733 по 1736 год дворец подвергся значительной реставрации, и последними людьми, проживавшими в нем до Революции, были герцогиня Брауншвейгская, вдова короля

Испании, и граф Прованский (), брат Людовика XVI, которому он был передан по патенту в 1779 году.

В 1791 году Конвент так мало ценил его, что превратил в тюрьму, а через несколько лет он снова стал называться Дворцом Директории, а до конца века — Дворцом Консулата. Это была лишь кратковременная слава, поскольку в следующем году Наполеон в соответствии со своими растущими амбициями перенес свою резиденцию в Тюильри.

К 1870 году здание стало известно как Дворец Сената, затем как штаб-квартира префектуры Сены и, наконец, как сегодняшний Дворец Люксембург, резиденция французского Сената и президента этого органа.

Основными общественными помещениями являются библиотека, «Salle des Séances», «Buvette» — бывший «Cabinet de Travail» Наполеона, «Salle des Pas Perdus» — бывшая «Salle du Trone», Большая галерея и апартаменты Марии Медичи. Часовня является современной и датируется только 1844 годом.

Дворец Малый Люксембург является официальной резиденцией президента Сената и также датируется временем Марии Медичи. Картинная галерея расположена в современном здании к западу от Малого Люксембурга.

Фасад Дворца Сената не совсем красив и мало напоминает изящество Малого Люксембурга в стиле « », но, несмотря на это, он выглядит достойно, и здание хорошо выполняет свою функцию законодательного зала верхней палаты.

Малый Люксембург

Сады Люксембурга являются еще одним из любимых парижских мест для прогулок нянь и их подопечных. Говорят, что в садах Люксембурга все дети из буржуазии являются маленькими легитимистами, в то время как в Тюильри они все красные республиканцы. Никто не может знать этого наверняка, но так считается; в любом случае, легитимисты составляют очень многочисленный класс в этом районе. Другая группа детей, которую можно здесь увидеть, — это дети художников и профессоров Латинского квартала, а также активных торговцев из этого района. Они приходят сюда, как и другие, чтобы подышать свежим воздухом, полюбоваться зеленью, послушать игру оркестра, поплавать на лодочках в бассейнах большого фонтана и в целом повеселиться.

Замечается явное различие в одежде и манерах детей в садах Люксембурга и Тюильри, и возникает вопрос, не усугубится ли это различие по мере их взросления.

Люксембургский сад — это все, чем должен быть большой городской сад: просторный, удобный, декоративный и столь же типичный для Парижа, как Пон-Неф. Бесчисленные, но довольно посредственные статуи расставлены тут и там между дворцом и обсерваторией в конце длинной, усаженной деревьями аллеи, которая тянется на юг. Единственным действительно историческим памятником такого рода является знаменитый фонтан Медичи, созданный Деброссом, архитектором дворца. Это был памятник Марии Медичи.

Люксембургский сад

Находясь в этом квартале Парижа, можно вспомнить королевское прошлое, которое сейчас несколько померкло со временем, но все еще остается заметным, если копнуть глубже.

На самом деле, королевская семья никогда не имела особого отношения к этому гибриднему кварталу Парижа, хотя его прошлое было достаточно романтичным, граничащим с настоящим Латинским кварталом студентов. Ограниченный с одной стороны огромным поместьем Люксембург, он простирался бесконечно за Вагино, почти до Кламара и Со.

По адресу бульвар Монпарнас, 27 находится изысканный фасад дома XVII века, наполовину скрытый за «современными» квартирами Парижа XX века. Этот реликт *великого века* с его обилием скульптурных деталей был куплен Людовиком XIV около 1672 года и подарен «вдове Скаррону», «молодой и красивой вдовствующей даме двора», в качестве вознаграждения за преданность, с которой она воспитала троих детей маркизы де Монтеспан, которые в 1673 году были узаконены как принцы королевского дома — герцог де Мэн, граф де Вексен и мадемуазель де Мант.

Мадам Скаррон, которая со временем стала мадам де Ментенон, *«настоящей королевой короля»*, умерла в 1719 году, и дом перешел к Ла Тур д'Овернь.

На этой же стороне реки находятся Дворец Института и Дворец Бурбон. Дворец Института, или Дворец Мазарини, вряд ли можно считать одним из домашних помещений, жилищ королей, которыми был украшен современный Париж. Он был создан министром Мазарини на месте Отеля де Нель и сначала был известен как Дворец Четырех Наций (), где за счет кардинала обучались шестьдесят молодых людей разных национальностей.

Старая часовня с тех пор была преобразована в «Salle des Séances» Института Франции, пяти французских академий. Черный, мрачный фасад здания сегодня, несмотря на купол, придающий ему некоторое вдохновляющее достоинство, не является привлекательным, и только традиции и чувства придают ему нынешний интерес, хотя он, несомненно, живописен.

На пьедестале одного из фонтанов напротив входа была надпись:

«Великолепный				обитатель				пустыни
En	ce	lieu,	dis	moi,	que	fais	tu	
—Ты		видишь	по	моему	зеленому			костюму
Je		suis		membre	de			l'institut»

Если бы надпись все еще была на месте, это избавило бы от множества глупых вопросов со стороны незнакомцев, которые проходят мимо этого места впервые. Дворец Института — одна из достопримечательностей Парижа, и его функции заслуживают внимания, хотя и не относятся к романтической школе прошлых дней, поскольку в настоящее время поэты часто делают свой дебют в «Черном коте» на Монмартре или избираются просто потому, что какой-то другой кандидат был *зачеркнут*.

Продолжая следовать по левому берегу Сены, вы попадаете к Дворцу Бурбонов, более известному как Chambre des Deputés. Это здание, где сейчас заседают французские депутаты, было построено Жирардини для вдовствующей герцогини Бурбонской в 1722 году и, хотя оно сильно изменилось в течение различных последующих эпох, по-прежнему остается уникальным образцом архитектурного украшения, которое не является ни грубым, ни полностью привлекательным. Наполеон переделал внушительный фасад, хорошо знакомый всем, кто пересекает реку по мосту Понт-де-ла-Конкорд, но его мрачность является скорее его очарованием, чем его изяществом.

Строительство здания обошлось его первому владельцу в двадцать миллионов франков или более, и с тех пор, как оно стало национальной собственностью, расходы на него не прекращаются. В целом, оно выглядит не очень привлекательно, но его псевдогреческий фасад, если бы его убрали, наверняка стал бы отсутствовать в этой части Парижа.

Основными залами являются «Salle des Pas Perdus», «Salle des Séances» и «Salle des Conférences», где в 1830 году герцог Орлеанский принес присягу как король Франции.

Недавно в кладовой этого старого дворца Бурбон было сделано открытие, где депутаты кричат, вопят и принимают законы так же шумно, как и в любом другом парламенте мира.

Этой «находкой» оказался трон, построенный в 1816 году для Людовика XVIII, с обивкой из бархата, вышитого золотыми лилиями. Согласно записям, этот трон также служил Людовику-Филиппу () во время Второй империи, а также использовался во время Июльской монархии. После знаменательного «Четвертого сентября» он был окончательно отправлен на чердак, но теперь, как исторический сувенир первого ряда, он занимает видное место, где его могут увидеть все, кто посещает Дворец Бурбон.

История Дворца Елисейских полей не была особенно яркой, хотя на протяжении двух столетий он играл важнейшую роль в жизни столицы. В последние годы он достаточно хорошо служил президентскому достоинству главы Французской Республики и поэтому

классифицируется как национальное достояние. На самом деле, с момента своего постройки он менял свое название так же часто, как и своих обитателей. Его первым обитателем был его строитель, Луи д'Овернь, граф д'Эвре, который построил себе этот великолепный городской дом на участке земли, подаренном ему Людовиком XV. По-видимому, у молодого человека не было собственных средств для строительства роскошного городского жилища, поэтому он пополнил свою казну, женившись на богатой дочери финансиста Кроза.

Теща новоиспеченной графини, по-видимому, никогда не испытывала особого уважения к выбору своего сына, поскольку всегда называла ее «маленьким золотым слитком».

Однако «слиток» послужил для строительства дворца, хотя после смерти его строителя вскоре после этого он перешел в собственность Ла Помпадур, которая потратила шестьсот пятьдесят тысяч *ливров* на его расширение. Он стал ее городским домом, куда она переезжала, когда уставала от Версаля или Багатель.

История рассказывает об одном случае, связанном с праздником, устроенным Ла Помпадур в Елисейском дворце. Это было в эпоху «*бержерий по Ватто*». Блондинка Помпадур решила привести в салоны стадо живых овец с грустными глазами, причесанных и закрученных, как пудели в каретах модников в Буа сегодня. Четвероногие, сильно испуганные потоком света, впали в панику, и самый крупный баран из них, увидев свое отражение в зеркале, бросился на него, как это традиционно делают бараны. Он бушевал в течение часа или более, перебегая из одной комнаты в другую, а за ним следовало все стадо, которое нанесло неисчислимый ущерб, прежде чем его удалось выгнать в сад. Таков был один из дорогостоящих капризов Ла Помпадур. У нее их было много.

Брат Ла Помпадур, маркиз де Менар и де Мариньи, продолжил работу по благоустройству поместья до того дня, когда Людовик XV купил его в качестве жилища для послов () при своем дворе. Его несколько ограниченный парк, украшенный гротом и каскадом, в то время был одной из достопримечательностей столицы.

В 1773 году финансист Божон купил поместье у короля и значительно его расширил под руководством архитектора Булле, который также перепроектировал сады. Благодаря Божону на стенах появились прекрасные гобелены, а коллекция пополнилась многими картинами Рубенса, Пуассена, Ван Лоо, фон Остаде, Мурильо, Поля Поттера и Жозефа Верне.

После смерти финансиста собственность перешла в руки герцогини Бурбонской, сестры Луи-Филиппа и матери герцога д'Энгиена, который вскоре после этого трагически погиб в Винсенне. Герцогиня переименовала свою новую собственность в Элизе-Бурбон и вела там очень уединенную и печальную жизнь в окружении, столь великолепном, что заслуживало более веселого существования.

Во время революции дворец стал национальной собственностью, а при Консуляте был местом проведения многих народных праздников, поскольку его сдавали в аренду компании, которая устраивала балы и другие развлечения для всех, кто мог себе это позволить. Теперь он назывался *Chateau de Chantilly*, и, учитывая, что входные билеты стоили всего пятнадцать су, включая напиток, это, должно быть, было дешевым, приятным и великолепным развлечением для народа.

Такое положение дел продолжалось до 1805 года, когда Мурат купил его и держал здесь свой маленький двор до своего отъезда в Неаполь, когда в благодарность за прошлые милости он подарил его Наполеону. Император очень полюбил это новое жилище, которое он переименовал в *Elysée-Napoleon*.

После поражения при Ватерлоо Наполеон, хромая, направлялся в Париж через леса Компьень и Виллер-Коттере, ища в Элизе-Наполеоне столь необходимого ему покоя и отдыха, а толпа тем временем прогуливалась перед окнами дворца, во весь голос крича «Vive l'Empereur!», хотя, как всем было известно, его власть исчезла навсегда; крылья орла были сломаны. Толпа по-прежнему толпилась у ворот дворца, но император тайно бежал через садовые ворота.

После возвращения герцогини Бурбонской из Испании величественное здание вновь стало Элизе-Бурбон. Герцогиня уступила дворец герцогу и герцогине Беррийским, но после смерти герцога в 1820 году его вдова покинула его.

Спустя некоторое время его занял герцог Бордоский (), а в 1830 году он вошел в длинный список учреждений, содержание которых было возложено на гражданский список, хотя он оставался практически незаселенным на протяжении всего правления Луи-Филиппа.

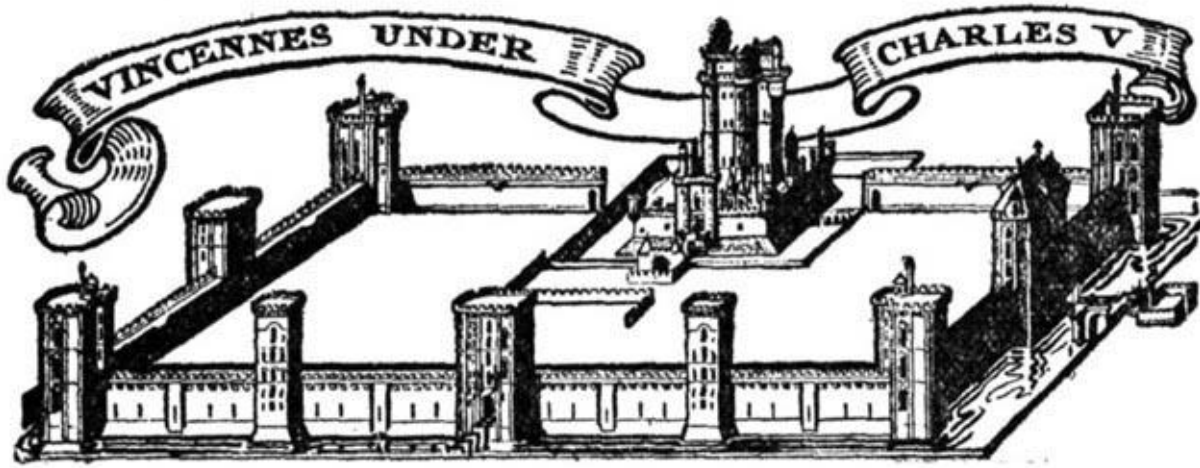
В 1848 году Национальное собрание назначило дворец официальной резиденцией президентов Французской Республики. Три года спустя, в ночь на 1 декабря, когда Луи Бонапарт делал последние приготовления к государственному перевороту и окончательному уничтожению молодой республики, резиденция президента была перенесена в Тюильри, и дворец на Фобур Сен-Оноре вновь остался без жильцов и служил только для того, чтобы время от времени принимать проходящих мимо знатных гостей.

После пожара в Тюильри и прихода Третьей республики Елисейский дворец вновь стал президентской резиденцией и остается ею по сей день.

Одним из самых заметных современных событий, связанных с Елисейским дворцом, был *торжественный ужин*, устроенный президентом Республики и мадам Фалльер для мистера и миссис Рузвельт в апреле 1910 года. Ужин был сервирован в «Grand Salle des Fêtes», а музыкальное сопровождение к трапезе обеспечивал оркестр *Garde Republicain*, начав с гимна США и закончив гимном Франции. Никогда еще частное лицо, иностранец, не получало такого приема от первого магистрата Франции. Тост президента Фальерса был следующим: «Прежде чем этот ужин закончится, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выпить за здоровье господина Теодора Рузвельта, выдающегося человека, великого гражданина и хорошего друга Франции и дела мира. Я поднимаю бокал за мадам Рузвельт, которая может быть уверена в нашем уважительном и сердечном почтении, и я очень рад () иметь возможность сказать нашим гостям, что мы считаем себя очень счастливыми, что нам выпала честь встретиться с ними лично и проявить к ним такое уважение».

ГЛАВА X

ВИНСЕНН И КОНФЛАН

Венсен сегодня — это не более чем скучный, грязный пригород Парижа; если что-то и отличает его от Сен-Дени, так это более глубокий серый цвет, а называть Буа-де-Венсен парком, «в чем-то напоминающим Буа-де-Булонь», как это делают путеводители, просто смешно.

На самом деле Винсенн – это всего лишь воспоминание. Сегодня в самодовольной и мрачной обстановке замка Винсенн мало что напоминает о его королевском происхождении, но, тем не менее, когда-то он был королевской резиденцией, и драма, развернувшаяся в его стенах, была представлена самым ярким образом. Об этом можно было бы написать книгу с такими названиями глав: «Королевская резиденция», «Миними из Венсенского леса» (), «Мазарини в Венсене», «Узники донжона», «Праздники революции», «Смерть герцога д'Энгиена», «Преобразование замка и леса».

Сюжеты для нее уже готовы, но их приходится принимать на веру, поскольку старинный замок не открывает свои двери для посторонних, поскольку сегодня он является лишь военной крепостью, а в его внутреннем дворе разбит артиллерийский лагерь, предназначенный, в случае необходимости, для защиты Парижа. Это одна из тех вещей, о которых слышали, но о которых не имеем личного представления.

Первое упоминание о названии Винсенн встречается в хартии IX века, где оно фигурирует как *Vilcenna*. Основание первоначального замка-крепости на нынешнем месте приписывается Людовику VII, который в 1164 году, отчудив часть соседнего леса в пользу монашеского ордена, построил себе загородный дом отдыха под защитой благочестивых стен их монастыря.

Филипп Август также считается основателем Винсенна, но в любом случае замок не имел королевского значения до правления Святого Людовика, который приобрел привычку вершить правосудие над всеми приходящими, сидя под дубом в близлежащем лесу Жуанвиль.

Строительство более позднего замка было начато Карлом, графом де Валуа, братом Филиппа Красивого, и завершено Филиппом VI Валуа и его преемником Жаном Добродетельным в период с 1337 по 1370 год, когда он стал совершенно новым сооружением по сравнению с тем, чем был раньше. Именно в этом замке родился Карл V, которому он и обязан своим завершением в наиболее известном виде.

Сегодня очертания замка Венсенны значительно сократились по сравнению с прежними. Первоначально он имел довольно правильную форму, его стены образовывали прямоугольник, окруженный девятью башнями, а большой донжон, который сегодня занимает центр одной из сторон, был построен позднее. Строительство часовни было начато во время правления Франциска I и завершено при Генрихе II. Особое внимание привлекает ее цветное стекло, расписанное Жаном Кузеном по эскизам Рафаэля.

Часовня в Венсенне, наряду с Сент-Шапель в Дворце правосудия в Париже, считается одним из самых изысканных сохранившихся образцов французской готической архитектуры. Ее строительство началось в 1379 году, но в основном она относится к XVI веку, так как была завершена только в 1552 году. Эта часовня XVI века и два боковых крыла, фланкирующие башню времен правления Людовика XIV, делают замок Венсенн наиболее ценным образцом средневековой церковной и военной архитектуры. Если бы Наполеон не урезал высоту окружающих стен, сравнение было бы еще более благоприятным. На репродукции миниатюры из Часослова герцога Беррийского, представленной здесь, можно увидеть идеальные очертания здания XIV века.

В более поздние годы Людовик XIII значительно расширил существующую структуру, но сейчас от того здания осталось мало что, кроме большой башни и часовни.

Карл IX, чей королевский указ привел к кровавой ночи Святого Варфоломея в 1572 году, заболел два года спустя в замке Венсен. Позвав к себе своего хирурга Амбруаза Паре, он воскликнул: «Мое тело горит от лихорадки; я вижу вокруг себя изувеченных гугенотов; Пресвятая Дева, как они издеваются надо мной; я жалею, Паре, что не пощадил их». И так он умер, ненавидя мать, которая посоветовала ему совершить это ужасное деяние.

Донжон Винсенна был построен на относительно большой высоте, чтобы служить наблюдательной башней, а также последним убежищем в случае, если при нападении внешние стены крепости будут прорваны. Здесь, в Венсенне, башня отличается определенной массивностью, хотя фактическая площадь, которую она занимает, не очень велика; она не была похожа на многие башни того времени, которые были фактически меньшими замками или крепостями, окруженными более крупными.

Замок Венсен

Венсен, по сравнению со многими другими современными сооружениями, обладал определенной регулярностью очертаний, что было возможно благодаря его выгодному расположению. Когда другие сооружения имели фантастическую форму, то обычно это было связано с конфигурацией местности или характером почвы. Но здесь местность была ровная, и, хотя здание и его пристройки не занимали очень большой площади, они следовали прямоугольным линиям с абсолютной точностью.

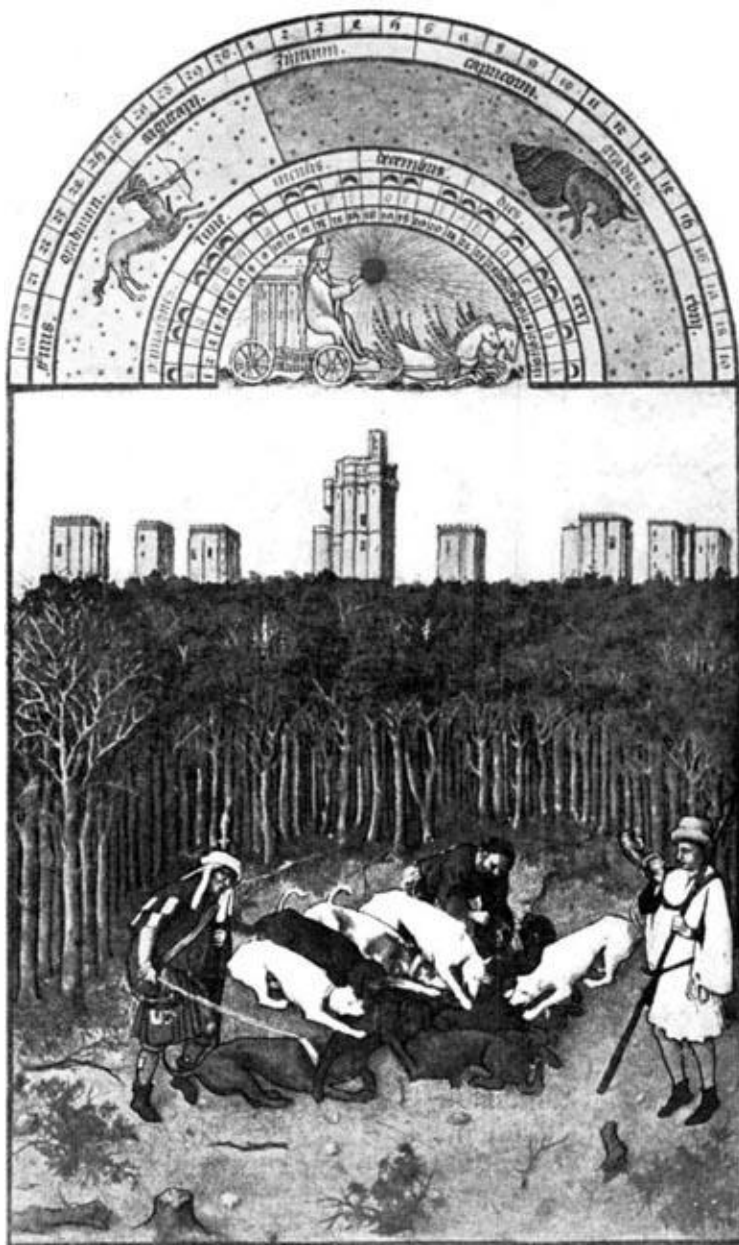
Поскольку его стены имели толщину три метра, Людовику XI было легко превратить замок в государственную тюрьму, для чего первый замок и был фактически использован, когда в нем был заключен Энгерран де Мариньи. Генрих IV в 1574 году провел несколько одиноких часов и дней в его стенах, а Мирабо сделал то же самое в 1777 году. Герцог д'Энгиен во время Первой империи, перед своей смертью от расстрела, сильно страдал здесь, находясь под несправедливым подозрением.

В 1814-1815 годах замок стал большим арсеналом и общим складом для армии. Он был атакован союзниками и дважды осаждался, но тщетно. Его защищал от армий Блюхера () барон Даумснийль (Baron Daumesnil). Когда его призвали сдаться, «Деревянная нога» (так его называли, потому что он потерял ногу годом ранее) ответил: «Я сдамся, когда вы вернете мне мою ногу». В замке находится статуя этого храброго воина, а Жозеф Блюхер

дополнительно отмечает тот факт, что он сдался только на условиях, установленных им самим из гуманного уважения к жизням друзей и врагов.

В 1830 году министры Карла X имели повод сожалеть о прочности стен замка; в 1848 году Барбес, Бланки и Распай, а также различные республиканцы, которые были арестованы как опасные элементы общества после государственного переворота 1851 года, также оказались здесь в принудительном гостеприимстве. Замок Венсен стал второй Бастилией.

Инцидент с арестом и смертью герцога д'Энгиена является одним из самых драматичных в истории Наполеона. Сцена происходила в Венсенне. Луи Антуан Анри де Бурбон, сын принца де Конде, родившийся в Шантильи в 1772 году, без веских оснований стал подозреваемым в связи с заговором Кадуля-Пишгре, был арестован кавалерийским отрядом в замке Эттенхайм в герцогстве Баден и доставлен в Венсен. Здесь, после суммарного суда, он был расстрелян ночью в рву за караульным домом. Ночь была настолько темной (), что на шею несчастного повесили зажженный фонарь, чтобы солдаты могли лучше видеть цель, в которую должны были стрелять.

Охота под стенами Венсенса Из гравюры XIV века

Наполеон доверился Жозефине, которая повторила секрет мадам де Ремузат, что его политическое будущее требует *государственного переворота*. Утром в день казни император, проснувшись в пять часов, сказал Жозефине: «К этому времени герцог д'Энгиен уже покинул эту жизнь».

Остальное — история, которая нечасто записывается в хрониках.

В часовне в Венсенне по приказу Людовика XVIII в 1816 году была установлена мемориальная доска в память о смерти молодого герцога.

Буа-де-Венсен — это не модная парадная площадка Буа-де-Булонь. В целом это печальный общественный парк, совсем не модный и не особо привлекательный, хотя и обширный, с глубоким историческим прошлым, гораздо более значимым, чем у его милого собрата у противоположных ворот Парижа.

Он занимает площадь в 1069 гектаров и изначально принадлежал Людовику XV, который хотел иметь лесной вход в город с востока. Во время Второй империи парк был значительно преобразован, были проложены новые дороги и аллеи, и были предприняты усилия, чтобы он по красоте приблизился к более популярному Булонскому лесу. Он занимает плато, расположенное между Сенной и изгибом Марны, чуть выше слияния двух рек.

В пределах Буа-де-Венсенна проложено около сорока километров дорог и более десяти километров пешеходных дорожек, но, поскольку военные власти отвели часть территории под полигон, стрельбище и батареи Ла-Фезандери и Гравель, парк утратил значительную часть своего прежнего очарования. В Буа есть три озера: Лак-де-Сент-Манде, Лак-Домесниль и Лак-де-Гравель.

Ближайшим соседом Венсенна является Конфлан, еще один бедный, разрушенный ореол монархического величия. Замок Конфлан был расположен на слиянии Сены и Марны, но сегодня его окрестности настолько непривлекательны и удручающи, что трудно поверить, что когда-то они могли кому-то нравиться, тем более королевскому строителю замков.

Сегодня Конфланс характеризуется банальными жилищами со всех сторон, но старая королевская резиденция все еще возвышается над окружающими зданиями, напоминая о том месте, где когда-то стоял замок Конфланс во всей своей красе.

Конфлан сначала был загородной резиденцией архиепископов Парижа, и Сен-Луи часто уезжал сюда на покой. Когда Филипп IV Красивый приобрел эту собственность, он сразу же подарил ее графине д'Артуа, которая превратила ее в один из «*plus beaux castels du temps*» (самых красивых замков того времени). Она украсила его длинную галерею, часть здания, которая сегодня существует в скромном, упрощенном виде своего рода склада, в память о своем муже Оттоне. Здесь графиня устраивала много исторических приемов и церемоний, во время которых короли и принцы часто пользовались ее гостеприимством.

После смерти графини французский король поселился в Конфлане, а Карл VI, когда был дофином, также проживал здесь, чтобы быть ближе к столице на случай событий, которые могли потребовать его присутствия (). Современные источники упоминают, что его *камердинер* был убит молнией в Конфлане, когда служил своему королевскому господину.

Конфлан был излюбленной загородной резиденцией принцев и герцогов Бургундских, и Филипп Смелый устраивал там свои турниры и *состязания по фехтованию* с большим размахом, однажды предложив участникам призы на сумму сто пятнадцать тысяч ливров.

Этот замок, поскольку он был скорее замком, чем дворцом, считался одним из самых великолепных в окрестностях Парижа того времени, окруженный великолепным садом и миниатюрным лесом, который на самом деле был частью сегодняшнего Буа-де-Венсен, где бродили дикие кабаны и волки, которые служили развлечением для королей.

Вид с террасы замка, должно быть, был потрясающим: башни и крыши старого Парижа вырисовывались на фоне заходящего солнца, а из окон открывался вид на быстрые течения двух рек у подножия крепостных стен.

Самым значительным событием в истории, произошедшим под стенами Конфлана, была битва и последующий договор между Людовиком XI и графом де Шароле в 1405 году.

Коммин описывает сражение следующим образом: «Четыре тысячи лучников () были отправлены из Парижа королем, которые обстреливали замок с обоих берегов реки».

Луки и стрелы были малоэффективным оружием для сноса крепостных стен, но отставшие, оставившие себя без защиты, время от времени подвергались обстрелу с обеих сторон, что приводило к большому количеству жертв. В конце концов был заключен мирный договор, по которому после смерти Карла Смелого, согласно обычаю, Людовик XI унаследовал права собственности на замок и сделал его *королевской резиденцией*, подарив его одной из своих фавориток, даме Жилетт Эннекен.

Примерно в это же время французские короли проявили пристрастие к замкам на берегах Луары, и в 1554 году Конфлан был выставлен на продажу. С тех пор его занимали различные личности: маршал де Виллеруа, коннетабль де Монморанси и, в течение короткого времени, кардинал Ришелье.

Именно в замке Конфлан было запланировано основание Французской академии; здесь Мольер и его актеры впервые представили пьесу «Критика школы женщин»; и здесь же состоялась свадьба Ла Гранд Мадемуазель с несчастным Лозаном.

В конце правления Людовика XIV архиепископ Парижа Фр. де Харле-Шоваллон купил у Ришелье поместье Конфлан () и с помощью Мансара и Ле Нотра значительно украсил его внутри и снаружи. Мадам де Севинье в одном из своих многочисленных опубликованных писем пишет о великолепии, которое она видела в Конфлане в эту эпоху.

Сен-Симон, придворный летописец, упоминает, что сады были настолько безупречно ухожены, что когда архиепископ и «красавица» герцогиня де Лесдигьер прогуливались по ним, за ними следовал садовник, который с помощью граблей старался удалить следы каждой ступни, как только она оставляла отпечаток.

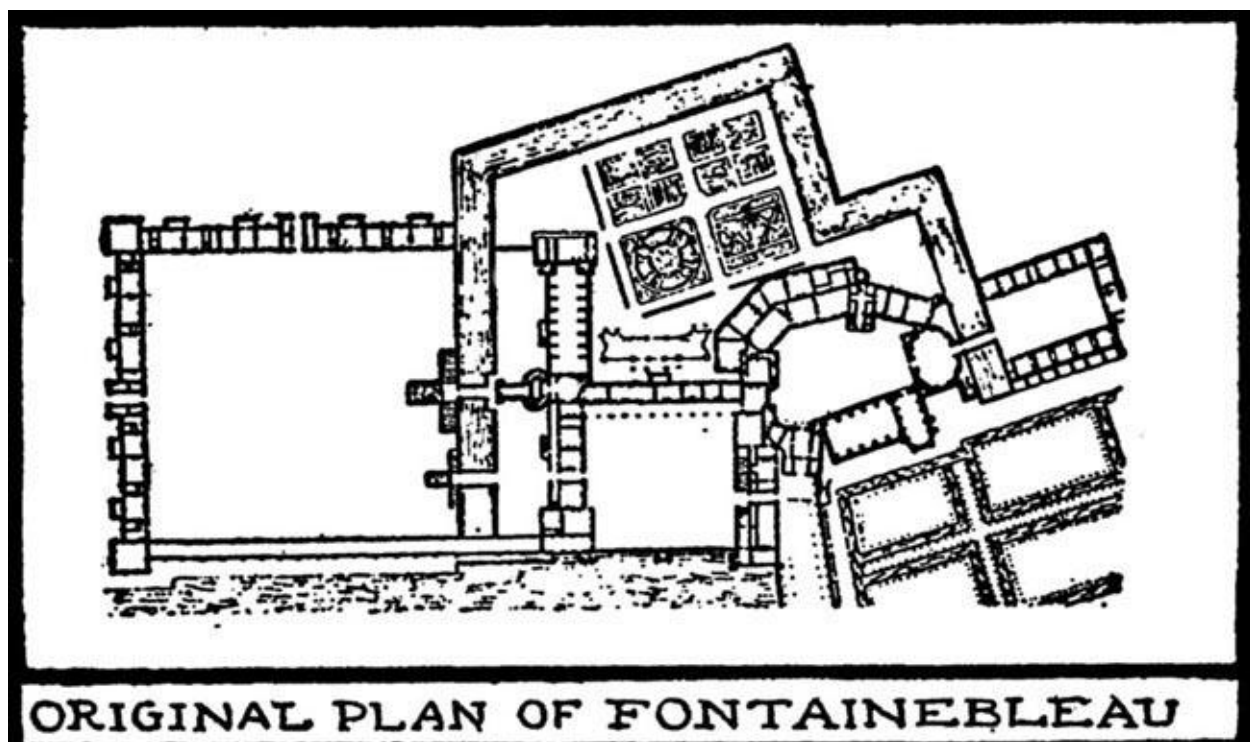
Позже здесь проживал кардинал де Бомон, преследователь янсенистов.

«Notre	archeveque	est	à	Conflans
C'est	un	grand		solitaire
C'est	un	grand		so
C'est	un	grand		solitaire
C'est	un	grand		solitaire».

Вышеприведенный стих, безусловно, достаточно банален, но сам кардинал был *шутником*, так что, возможно, он вполне уместен. В любом случае, он современник пребывания церковного деятеля в Конфлане.

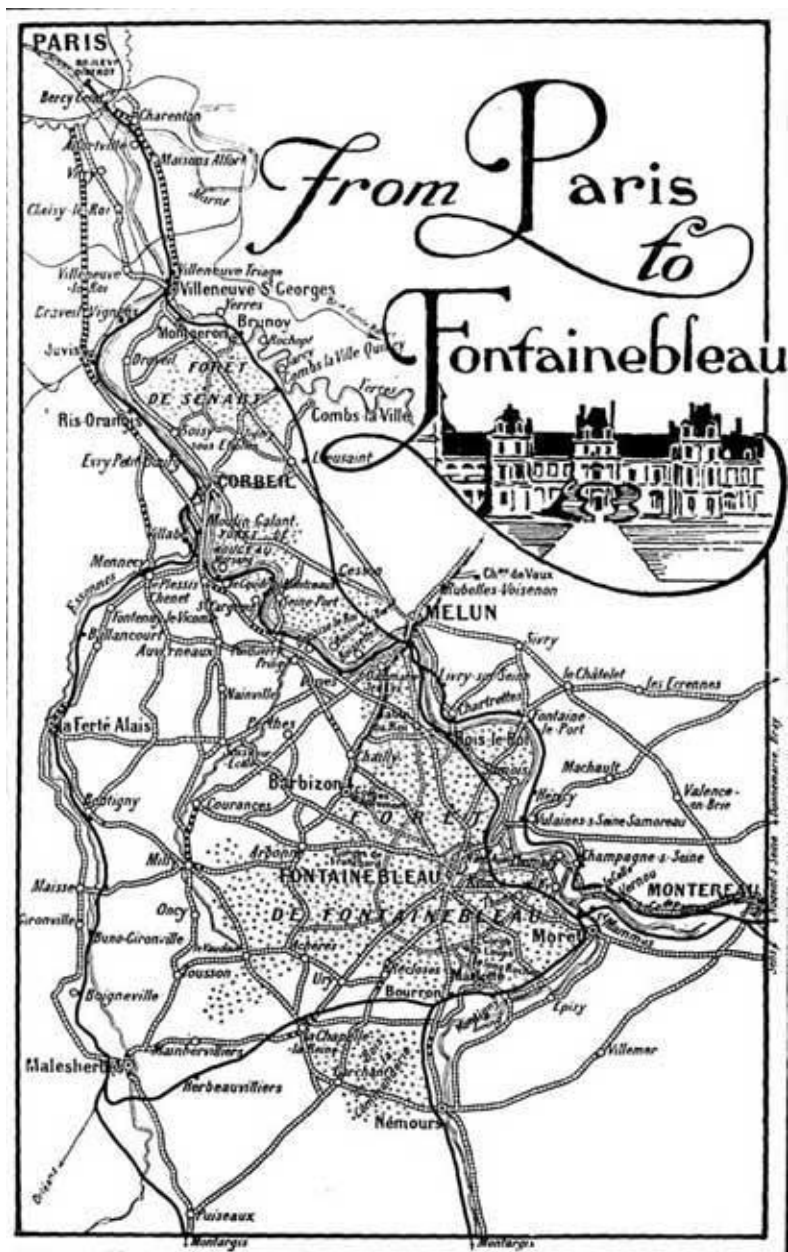
ГЛАВА XI

ФОНТЭНБЛО И ЕГО ЛЕС

Из всех французских королевских дворцов Фонтенбло, безусловно, является самым интересным, несмотря на популярность и доступность Версаля. Кроме того, это колыбель французского Возрождения. Наполеон называл его *Maison des Siècles* (Дом веков), и это сравнение было справедливым.

После Версаля Фонтенбло всегда занимал первое место среди загородных королевских дворцов. Знаменитая «Route de Fontainebleau» в истории была таким же *Chemin du Roi*, как и та, что вела из столицы в Версаль. Версаль был великолепным, даже роскошным, если угодно, но он не обладал уникальными характеристиками и очарованием Fontainebleau и никогда не будет обладать ими в умах тех, кто знает и любит Францию монархических времен.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Не последнюю роль в очаровании Фонтенбло играет соседний лес, расположенный совсем рядом, всего в нескольких шагах от дворца, отделенный от одного из самых диких лесных массивов современной Франции лишь несколькими садовыми оградами.

Лес Фонтенбло полон воспоминаний о королевских свиданиях, охоте на диких зверей, *«vraie image de la guerre»*, которую так любили короли эпохи Возрождения.

Именно из дворца Фонтенбло зародилась лучшая и самая здоровую архитектура французского Возрождения. Он стал образцом для всех последующих резиденций такого рода. Он взял все лучшее, что могла предложить Италия, и развил нечто настолько французское, что даже итальянские мастера, работавшие по приказу Франциска I, практически утратили свою национальность. Вазари сказал о нем, что он «соребновался с лучшими произведениями, которые можно было найти в Риме того времени».

Устав Людовика Младшего (Людовика VII), датированный в Фонтенбло в 1169 году, свидетельствует, что на этом месте уже находился *королевский дворец*, который, согласно латинскому названию, указанному в документе « » (документ), назывался Fontene Bleaudi,

этимология которого нетрудно проследить, если учесть то, что мы знаем о его ранней и поздней истории.

На самом деле этот *фонтан belle eau* сегодня находится в центре Jardin Anglais, его бассейн и водовыпуск окружены традиционным каменным ободом или бордюром. Согласно легенде, после своего открытия этот фонтан стал местом встречи галантных кавалеров, поэтов, художников и «милых дам», о которых так часто упоминается в хрониках эпохи Возрождения. Художник Россо увековечил одно из самых знаменитых таких собраний в своих росписях в Галерее Франциска I во дворце, а Челлини изобразил прекрасную охотницу Диану в том же окружении.

При Людовике Младшем в 1169 году во дворе Донжон была построена часовня Сен-Сатурнин, освященная святым Томасом Бекетом, который в то время был беженцем во Франции.

Филипп Август и Святой Людовик жили во дворце, а Филипп Красивый умер здесь в 1314 году. Из письма Карла VII следует, что Изабелла Баварская намеревалась значительно расширить существующий замок из-за чрезвычайной здоровой обстановки в окрестностях. Работы были фактически начаты, но, по-видимому, не продвинулись далеко.

Таково было положение дел, когда Франциск I вступил на престол и, очарованный необыкновенной красотой этого места, начал возводить здание, которое должно было превзойти все другие сооружения такого рода. Король и двор сделали Фонтенбло второй столицей. Это была образцовая резиденция своего рода, которая дала первый мощный импульс волне Ренессанса, которая поднялась так быстро, что вскоре охватила всю Францию.

Помимо дворца и леса, Фонтенбло рано стал благородным и изящным городом благодаря близости королевской резиденции. Несмотря на грандиозные сцены, разыгрывавшиеся в его стенах, дворец всегда считался одним из самых спокойных и умиротворенных королевских резиденций в королевстве.

Все это верно и сегодня, несмотря на приезд туристов на автомобилях и недавнее создание гольф-клуба со всеми обычными принадлежностями. Город Фонтенбло имеет свой собственный облик. Его гарнизон и небольшой суд придают ему характер, который даже сегодня выделяет его как одно из главных мест, где иностранец может увидеть французского драгуна в *шлеме*, нагруднике, сапогах и шпорах в его лучшем романтическом виде, хотя всем очевидно, что громоздкая, хотя и живописная, форма является неудобной боевой экипировкой. Давно уже шла речь о роспуске этого корпуса, но весь Фонтенбло поднялся на протест. Как гласит популярная *песня*: «*Laissez les dragons a leur Maire*» («Оставьте драгунов их мэру»). Это стало боевым кличем, и поэтому они остаются в Фонтенбло и сегодня, вызывая зависть своих сослуживцев и восхищение юных барышень из пансионов, которых каждую субботу привозят толпами, чтобы посмотреть на достопримечательности.

О Фонтенбло написано много описаний, но большинство авторов путеводителей обычно следуют работам Пуарсона, Пфора и Шампольона-Фигеака, и, хотя они полезны, в них закреплено много ошибок, которые были известны как сомнительные еще до их появления.

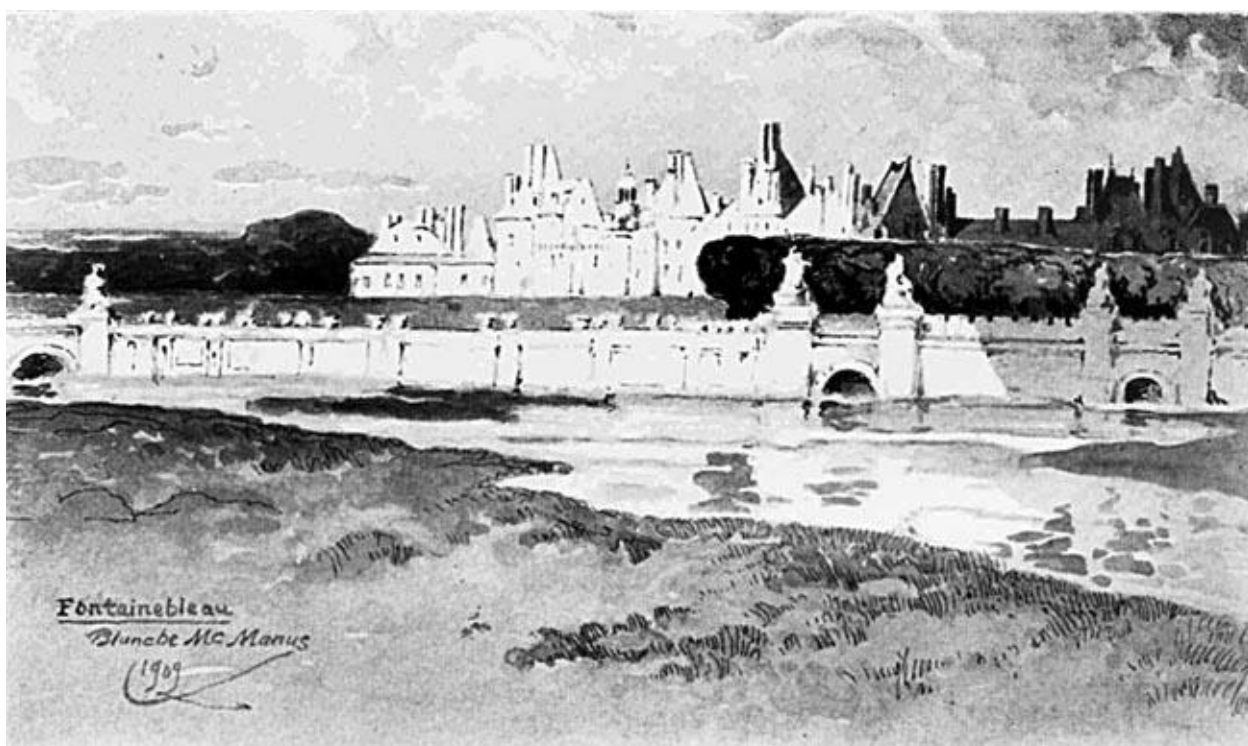
Лучшее описание Фонтенбло при Франциске I дано в рукописных мемуарах аббата Гильбера. По-видимому, в эту замечательную работу тоже проникла ошибка, поскольку в ней датой начала строительства Франциска указан 1514 год, тогда как этот монарх вступил на престол только в 1515 году. Дата начала первых работ при этом монархе — 1528 год, согласно

письму самого короля, которое начиналось так: «Мы, двор, намерены жить в этом дворце и охотиться на *«betes rousses et noirs qui sont dans la forêt»* (рыжих и черных зверей, обитающих в лесу)».

В рассказе о Франциске I и его «молодых итальянских друзьях» упоминается визит короля в сопровождении герцогини д'Этамп в мастерскую Серлио, который отчаянно работал над портиком Cour Ovalе. Он застал художника, создающего «мелодию пластической красоты, одетого как простой рабочий, с волосами, спутанными от липкой глины». Он стоял на высоких лесах, когда монарх поднялся по лестнице. Наверху Франциск провел беседу со своим любимым рабочим и, спускаясь, крикнул: «Вы понимаете, мастер Серлио, пусть будет так, как вы предлагаете». После портиков Серлио украсил Galerie d'Ulysse, которая с тех пор исчезла из-за безразличия Людовика XV и глупости его друзей; и всегда Франсуа говорил: «Вы понимаете, мастер Серлио; пусть будет так, как вы хотите». *Мотив*, возможно, был итальянским, но импульс к работе был дан французским *эспри*.

Побежденный монарх не смог увезти из Падуи никаких трофеев войны, но он привез с собой планы замков и садов. Он сделал еще больше: он взял с собой тех самых художников и мастеров, которые создали многие итальянские шедевры того времени.

Создание садов в Фонтенбло (), практически таких же, как они существуют сегодня, было одним из величайших удовольствий Франциска I. Посреди них, на берегу Этан-о-Карп, был построен небольшой домик для отдыха, где королевские любовницы могли приходить, чтобы отдохнуть и посмеяться над шутками Трибуле.

Дворец Фонтенбло

Здание Франсуа I имеет скромные размеры и отличается совершенной гармоничностью, но ему трудно продемонстрировать свой лучший вид, поскольку оно затмевается более массивными постройками эпохи Генриха IV () и страдает от урезаний, произведенных Людовиком XIV и Людовиком XV, когда они добавляли свои пристройки к дворцу.

Позже, во время Конвента, дворец Фонтенбло снова пострадал. Во время Консулата он был превращен в казармы и тюрьму, и, наконец, не менее ужасными были реставрации Наполеона и Людовика-Филиппа. Иногда замок может пострадать от реставрации больше, чем от осады.

Однако с любой точки зрения Фонтенбло остается архитектурным памятником, представляющим глубокий интерес и имеющим огромную ценность, а с точки зрения туристов — самым привлекательным из всех европейских дворцов этой или любой другой эпохи. Эксперты, художники и просто любопытные туристы едины в своем восхищении, несмотря на то, что здание лишилось многих своих первоначальных красот.

Во-первых, это королевское жилище имеет самые просторные и эффектные пропорции; во-вторых, оно обладает замечательной серией роскошных апартаментов; в-третьих, в нем до сих пор хранятся некоторые из лучших образцов мебели и предметов интерьера эпохи Возрождения и Наполеона; кроме того, здесь можно увидеть замечательную серию картин, представляющих школу Фонтенбло. При таком множестве прелестей, какое значение имеет то, что единство шедевра эпохи Возрождения Франсиска I утрачено из-за позднейших добавления? Общее впечатление — это критерий, по которому судят о мастерстве создания благородного памятника, и здесь оно настолько хорошее, что выходит за рамки обычного.

Сегодня дворец расположен на одном конце аристократического городка Фонтенбло. За ним простирается лес, а напротив находятся многочисленные отели, которые зависят от дворца как от источника своего существования.

Главный вход во дворец открывается с площади Сольферино и ведет прямо к Cour du Cheval Blanc de Chambiges, который после того знаменательного дня в истории Наполеона почти сто лет назад стал более известен как Cour des Adieux. Сзади возвышается знаменитая лестница в форме подковы, которая, безусловно, гораздо лучше звучит по-французски как «*Escalier en Fer à Cheval*», с которой император прощался со своими «*Vieux Grognards*», выстроившимися перед ним и яростно кусавшими свои усы, чтобы сдержать эмоции.

Этот Cour du Cheval Blanc получил свое название от гипсового слепка знаменитого коня Марка Аврелия, который первоначально был установлен здесь под балдахином, поддерживаемым колоннами. Формы для этой работы были привезены из Венеции Приматиччо и Виньоле, но она так и не была отлита в бронзе, а сама статуя исчезла в 1626 году. Однако двор сохранил свое название до последних дней Наполеона.

Как наполеоновская память, этот двор Cour des Adieux делит популярность со знаменитым кабинетом Империи, где Наполеон подписал свою отречение. Безусловно, большинство посетителей унесут с собой воспоминания об этих словах как одни из самых ярких сувениров Фонтенбло.

«5 апреля 1814 года Наполеон Бонапарт подписал свою отречение на этом столе в кабинете короля, втором после спальни во Фонтенбло».

Сама отречение (документ) в настоящее время выставлено в Галерее Дианы, недавно преобразованной в библиотеку.

Справа находится Aile Neuf, построенное Людовиком XV для размещения его офицеров на месте Galerie de Ulysse, первоначально одной из самых заметных черт дворца Франсуа I. Напротив находится строгий корпус Aile des Ministres, а еще дальше сзади — Pavillon des Aumoniers, или de l'Horloge; Chapelle de la Trinité; Pavillon des Armes; Pavillon des Peintres;

Pavillon des Poëls; Galerie des Fresques; и, наконец, Pavillon des Reines-Meres. Все эти детали относятся к периоду Франциска I, за исключением последней, которая была добавлена Людовиком XIV.

Однако лестница Fer à Cheval, наиболее любопытная из-за сложности ее конструкции, датируется временем Людовика XIII и заменяет лестницу, построенную Филибером Делормом. Теннисный корт, расположенный непосредственно перед Pavillon de l'Horloge, датируется только временем Людовика XV.

Внушительный входной двор имеет ширину 112 метров и длину 152 метра, и чтобы увидеть его в первоначальном виде, до разрушения Galerie d'Ulysse, нужно представить себе, что он был окружен рядом небольших павильонов с фронтонами из колонн, перед которыми находились только лестница и два подъемных моста через ров, который в то время окружал всю территорию дворца « ». Сегодня ров, там, где он еще существует, окружен балюстрадой, что является результатом довольно безвкусного решения Людовика XV.

Тронный зал, Фонтенбло

Внутренний двор, известный как Cour de la Fontaine, имеет несравненно более изящный общий дизайн, чем входной двор, а Cour Ovale, абсолютно такой, каким его оставил Генрих IV, еще более изящен. У подножия последнего находится баптистерий, где в 1606 году были крещены три «дети Франции»: дофин, впоследствии Людовик XIII; принцесса Елизавета, впоследствии королева Испании; и принцесса Савойская.

Cour Ovale практически соответствует пропорциям древнего поместья Fontaine Belle Eau, построенного Робертом Ле Пье. Там же часто проживали Филипп Август, Святой Людовик, Филипп Ле Бель, Карл V и Карл VII. Франциск I не хотел, чтобы это старинное поместье полностью исчезло, и сохранил его старинный донжон, реликвию, которая с тех пор пошла по пути многих других благородных храмов. Есть еще несколько других примечательных дворов или садов: Cour des Offices, Jardin de Diane, Orangerie, Cour des Princes и т. д.

Все первоначальные сады были заново разбиты Людовиком XIV, а сад Дианы претерпел значительные изменения при Наполеоне, который также разбил Английский сад на месте древнего Сада сосен, где первоначально возникла журчащая фонтан Бело, или Бель-О, давшая название дворцу, лесу и городу.

Парк, в отличие от обширных окружающих лесов, представляет собой сеть тенистых аллей, созданных в основном Генрихом IV, который проложил большой декоративный канал и определил общее расположение его элементов.

Главная достопримечательность парка — знаменитая Treille du Roy, или Королевская виноградная лоза, которая в хорошие и плохие сезоны дает три тысячи килограммов настоящего *шасла*, винограда высочайшего качества. Интересно, кто его получает: *Ou s'en vont les raisins du roi?* Этот вопрос не раз поднимался во французском парламенте.

В целом, внешний вид дворца Фонтенбло, его стены, дворы, аллеи в основном напоминают раннее искусство эпохи Возрождения. В конце концов, Франциск I более заметный, чем Генрихи или Наполеоны. Внутри, в целом, то же самое, хотя и в меньшей степени. Возрождение *царит* внутри и снаружи; другие настроения полностью подчиняются его величию.

Вряд ли найдется в мире дворцов во Франции или за ее пределами, которые могли бы сравниться с великой Галереей Франциска I в Фонтенбло, хотя ее пропорции скромны, а освещение сегодня оставляет желать лучшего, поскольку Людовик XV замуровал все окна с одной стороны. Тем не менее, она остается одним из самых богатых примеров франко-итальянского декора своей эпохи, хотя и несколько утратившим свой блеск из-за небрежности Карла X.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Ни до, ни после этого периода не было таких мифологических настенных росписей, как те, что можно увидеть здесь. Претенденты на Римскую премию каждый год протестуют против того, чтобы им задавали такие темы для конкурса, но судьи, помня о том, насколько эффективны такие примеры, настаивают на своем. Лучшие образцы школы Фонтенбло представляют собой отдельное направление французской живописи. Даже самый непосвященный в искусство человек может сказать вместе с Мишле: «В них нет никаких отголосков итальянского стиля».

Честно говоря, эти работы были произведением второстепенных художников и их учеников. Леонардо да Винчи, слишком старый, чтобы делать что-либо, кроме руководства, увидел, что его преемниками стали Дель Сарто, Россо и Приматиччо. Челлини, возможно, тоже внес свой вклад, но его труды, несомненно, были в значительной степени затменены приказами всемогущей герцогини д'Этамп, которая боялась его конкуренции с ее протеже Приматиччо (). Одним из мастеров этой группы был Николо дель Аббате, более известный, пожалуй, своими работами, написанными в Болонье, чем фресками в Фонтенбло.

Галерея Генриха II также примечательна своими украшениями, гармоничным сочетанием скульптуры и живописи, и, несмотря на «реставрацию» в последние годы, поражает своей первозданной энергией. В целом, этот апартамент, наряду с Галереей Франциска I, является одним из главных выставочных апартаментов дворца. Ее длина составляет тридцать метров, ширина — десять, с пятью большими окнами с круглыми верхами, пропускающими поток света с обеих сторон, одна группа выходит на Cour Ovale, а другая — на Parterre и великолепный фасад Porte Dorée. Потолок разделен на восьмиугольные *кессоны*, их глубина чередуется с золотом или серебром, с монограммой монарха и его *девизом*. Паркет уложен в виде разделов, повторяющих дизайн потолка. По обеим сторонам стены обшиты дубовыми панелями, украшенными золотом и серебром, с инициалами Дианы де Пуатье и ее поклонника Анри, переплетенными повсюду. Опять же, колоссальный монограмма повторяется на каминной полке с фресками Николо дель Аббате, а пятьдесят фигур мифологических богов и героев украшают оконные рамы.

Часовня датируется в основном временем Генриха IV, а алтарь и многочисленные украшения относятся к более поздним царствованиям.

Определенное чувство, немалая реальная красота и много не подтвержденных исторических фактов присущи салону Людовика XIII, тронному залу, апартаментам мадам де Ментенон, Наполеона I, папы Пия VII и Марии-Антуанетты.

Галерея Дианы мало напоминает времена охотницы, поскольку была воссоздана во время Первой империи, хотя ее украшения относятся к периоду Реставрации, а потолок и мебель, по-видимому, лучшие образцы эпохи Возрождения, являются лишь копиями, сделанными Луи-Филиппом, который не колебался, в другом случае, покрасить в голубой цвет салон Сен-Луи и повесить в прекрасно украшенных апартаментах эпохи Франсуа и Анри безценные картины третьего сорта, которые даже провинциальные музеи самого низкого ранга с тех пор отказываются принимать.

Сегодня Фонтенбло – это лишь воспоминание о том, чем он был когда-то, воспоминание отнюдь не фрагментарное, отнюдь не полное, но вполне достаточное.

В последние годы практически не было каких-либо заметных дополнений или реставраций. Во время Второй империи была перекрашена Галерея Франциска I, в качестве мебели были добавлены некоторые поддельные антикварные предметы, а в Галерее Дианы были размещены различные коллекции книг, привезенные из часовни, которая перестала служить библиотекой. Это помещение было теперь переоборудовано в часовню, и, чтобы заменить шесть удаленных настенных росписей, Наполеон III заказал у художника Шопена семь полотен, иллюстрирующих жизнь святого Сатурнина.

Наконец, Salle de Spectacle завершает современные дополнения и, хотя и выглядит ярко и эффектно, едва ли превосходит по вкусу позолоченное кафе в какой-нибудь помпезной префектуре.

Генрих IV был создателем парка дворца, который простирался до деревни Эвон и поглотил всю сеньорию Монсо, часть которой занимала Ми-Вой (молочная ферма Екатерины Медичи). Приобретение сеньории состоялось в 1609 году. Через нее был проложен «большой канал» по образцу того, который уже имелся в замке Флери. Это была большая редкость для садового аксессуара, и его длина составляла более четверти лиги, а ширина — сорок метров. Басомпьер в своих мемуарах писал, что Генрих IV поспорил с ним, что канал можно наполнить водой за два дня. На самом деле это заняло восемь дней.

К северу от парка Генрих IV построил под названием «La Menagerie» то, что он называл «*дом для удовольствия*», но что на самом деле было предшественником зверинца в Версале.

Со всеми этими работами Генриха IV в садах Фонтенбло связано имя Франсин. Было два брата с таким именем, Томас и Александр, и именно последний в основном занимался Партером, Шоссе и Большим каналом в Фонтенбло. В Jardin de la Reine он воздвиг знаменитый Fontaine de Diane, который в конечном итоге дал название самому саду. Фонтан был спроектирован Бартеlemi Приером и отлит в 1603 году. Оригинальные бронзовые скульптуры сейчас находятся в Лувре, а те, что можно увидеть сегодня в Фонтенбло, являются более поздними работами (1684).

Лес Фонтенбло имеет окружность в двенадцать лиг и площадь почти тридцать пять тысяч акров. Его красота, его природная красота не имеет себе равных. Здесь есть все: скалы, ущелья, долины, вековые дубы и буки, равнины, леса, поляны, луга, лужайки и утесы. Во время революции 1830 года популяция оленей и косуль была практически истреблена, но,

несмотря на это, лес еще долгое время сохранял свою репутацию великолепного охотничьего угодья.

Королевская охота неизменно сосредотачивалась в Ла-Круа-дю-Гран-Венёр, заметной достопримечательности леса даже сейчас, на пересечении четырех великолепных лесных дорог (). Его название происходит от легенды о призрачном черном охотнике, который, как считалось, бродил по лесу и который в последний раз, в реальности или воображении, появился перед Генрихом IV незадолго до его убийства.

В 1854 году одна из последних и самых роскошных охот в Фонтенбло была устроена Луи Наполеоном. Император потратил огромные средства на оборудование для охоты и щедро вознаграждал слуг, чтобы они могли нарядиться с некоторым подобием живописного величия; лошади и собаки были предоставлены и содержались с такой же щедростью.

Костюмы участников охоты в таких условиях были не менее привлекательным элементом ее живописности. Треуголки, золотые шнурки, бриджи до колен, шелковые чулки и другие дорогие принадлежности, когда они предоставлялись для одного особого случая, как в данном случае, скорее напоминали жизнь ушедших веков, чем современность.

Лес Фонтенбло можно кратко описать как место встречи туристов и «путешественников», а также как огромную студию под открытым небом для молодых подражателей «людей Барбизона».

Исторические, романтические и художественные воспоминания и реальность окружают вас со всех сторон; ход времени и прогресс не затмили их и не ослабили ; лес Фонтенбло и сегодня остается самым известным и самым прекрасным лесным массивом в мире.

Самым известным именем, связанным с лесом Фонтенбло, и тем, которое никогда не умрет, является имя Денекура, также называемого «Сильвен де ла Фор», мифологическое прозвище, которое он получил благодаря своему обширному знанию его извилистых троп и проселочных дорог. В 1841 году Денекур начал свои оригинальные исследования и каталогизировал каждый камень и каждое дерево. Он придумал названия и придал исторический контекст многим живописным и романтическим местам, которые, возможно, остались бы неизвестными, если бы не его энтузиазм.

После моды на Денекура весь мир пошел по его стопам, и парижане стали знать Лонг-Роше, ущелья Апремона и Франшара так же хорошо, как улицу Мира или Елисейские поля. Великое произведение Денекура *«Прогулки по лесу Фонтенбло»*, появилась в 1845 году, и если его и можно критиковать за то, что он время от времени давал волю своей фантазии и давал оперно-буффные названия многим *пещерам, озерам, дубам*, «волшебным беседкам» и «столам королей», то, по крайней мере, он дал возможность любознательной публике лучше познакомиться с этим великим лесом.

Флора леса Фонтенбло удивительно разнообразна; Денекур перечисляет семьдесят видов растений и цветов, которые растут и размножаются здесь естественным образом, к которым следует добавить большое количество неописанных лиан, лишайников и растительных мхов.

Список деревьев простирается от внушительных и порой гигантских дубов, вязов, буков и ив до кустарников и вереска самых скромных видов.

Более двадцати наиболее известных видов пернатых обитают в лесу сегодня с почти такой же свободой и в таком же изобилии, как и в монархические времена. Здесь есть все певчие птицы, от малиновки до соловья, а также куропатка и знаменитый местный тетерев.

До 1830 года в лесу было много крупной дичи, оленей и кабанов, но впоследствии, что было вполне естественно, их количество значительно сократилось. Кролики и зайцы, не говоря уже о лисах и других животных, были раньше настолько многочисленны, что при Луи-Филиппе пришлось проводить практически войну на уничтожение. Сегодня они, конечно, существуют, но в небольшом количестве.

Еще одна известность лесу Фонтенбло пришла благодаря его связи с «Барбизонской школой» () — художниками 30-х годов. Теодор Руссо в 1836 году жил в Барбизоне, который в то время был всего лишь деревушкой из нескольких домов, без обременяющих отелей, гаражей и каруселей, как сегодня.

Памятник Руссо и Милле в Барбизоне

Некий Пере Ганн держал своего рода пансион, где художники могли остановиться за весьма скромную плату. Здесь удачу обрели не только действительно известные и широко эксплуатируемые художники того времени, но и представители более консервативной школы, которые так и не достигли настоящего величия, но также черпали вдохновение в окрестностях, среди них были Хамон, Буланже и Селестин Нантуй.

Не нужно было далеко ходить в поисках сюжетов для своих картин: лес Фонтенбло, расположенный недалеко от Барбизона, предлагал художникам многое из того, что было недоступно в столь небольшом радиусе в других местах.

Диас уже был здесь, когда в 1849 году на сцену вышли Жак и Милле, а с большей или меньшей частотой и на более или менее длительные сроки приезжали Коро, Дюпре и Добиньи.

Сегодня весь мир знает, что создала школа Барбизона в области живописи, но изначально эти люди были мишенью для всех предвзятых критиков бульваров и пригородов. Сегодняшний день принес им награду и признание (), хотя выгоду от этого получили торговцы — сами художники уже умерли.

В память о славе, принесенной этому маленькому уголку леса в целом и Барбизону в частности, в 1894 году у входа в деревню был установлен бронзовый медальон с изображением голов Милле и Руссо. Это был деликатный способ выразить признательность талантам этих двух великих людей, которые фактически основали новую школу живописи.

На другом конце леса находится маленькая деревня Марлотт, которая также была пристанищем для многих художников прошлого и не менее популярна среди современных мастеров. За три четверти века старый лес был запечатлен на холсте во всех своих настроениях. Ни один художник никогда не смог бы, да и все художники, которые когда-либо жили, не смогли бы исчерпать его бесконечное разнообразие. Эбер в своем *«Словаре леса Фонтенбло»* совершенно верно говорит, что с приходом людей из Фонтенбло и его *«художественных деревень»* классический тип *«Paysage d'Italie»* исчез из каталогов Салона.

Любители искусства и простые люди одинаково способствовали созданию репутации Фонтенбло; простых «путешественников» привлек сюда Денекур, но настоящими любителями леса были те, кого привлекали шедевры художников. Город Фонтенбло несколько изменился под этим двойным влиянием. В самом Фонтенбло находятся два памятника в память о художниках, которые ушли из жизни. Один из них посвящен памяти Декампа, погибшего в результате падения с лошади во время верховой езды в лесу; это простой бюст, работа Карье-Бельюза. Другой посвящен Розе Бонер, умершей в 1902 году в Томери, небольшой деревне на южной окраине леса; это почти натуральной величины бык, созданный по небольшой модели самой художницы и установленный на пьедестале, на котором также находится медальон художницы.

НА БЕРЕГАХ СЕНЫ

[illegible]

Багатель занимал угол королевского владения и после завершения строительства в 1747 году был продан маркизе де Монконсей, которая придала этой княжеской загородной резиденции достоинство, достойное ее происхождения. Затем на сцену вышла Ла Помпадур, *мелкая буржуазка*, которая, благодаря дворянскому титулу, полученному благодаря ношению придворного костюма и браку с сеньором Норманом д'Этиолем, узурпировала право сидеть рядом с герцогинями и быть представленной королеве, если не как равная, то, по крайней мере, как *любовница* ее супруга, короля.

Существует легенда о встрече Ла Помпадур и короля в Багатель, встрече, на которой она так прочно завоевала расположение монарха, что на следующий день вошла в состав свиты в Версале.

После того как Багатель перешла во владение наследников сэра Ричарда Уоллеса, она окончательно стала собственностью государства.

Именно в замке Багатель будет открыт «Musée de la Parole» — «Музей речи». Французы, всегда стремящиеся к инновациям, планируют сделать Багатель своего рода консерваторией человеческого голоса, где будут методично классифицированы цилиндры и диски, на которых записаны речи людей всех сословий и положений.

В этом Musée de la Parole будут храниться фонографические записи всех современных диалектов Франции, аргю парижских низших классов и т. д.

До сих пор эволюция речи человека оставалась загадкой. Сегодня никто не знает, как Гомер или Вергилий произносили свои слова, а Расин и Корнель, хотя и жили в менее отдаленном времени, не оставили никаких материальных свидетельств своей речи. Мсье Го из Comédie

Fran çaise считает, что Людовик XIV произносил «*Moi*», «*le Roi*» как «*Moué*», «*le Roué*»; и именно так он произносил это в речи, которая была записана на восковой пластине и станет частью коллекции в Багатель.

Поло-площадка Багатель, расположенная между замком и Сенной, которая огибает Иль-де-ла-Фоли, сегодня более известна, чем этот изящный маленький парижский дворец; но Багатель когда-нибудь снова вернет себе былую славу.

Нейи граничит с Булонским лесом на севере и сегодня мало чем напоминает королевский город, за исключением прямых широких улиц.

С мостом Нейи связан один королевский инцидент, о котором не следует забывать. Он произошел в связи с возвращением Генриха IV из Сен-Жермена в сопровождении королевы и герцога Вандомского. Они ехали в большой карете, запряженной четырьмя лошадьми, которые, несмотря на попытки кучера их удержать, настаивали на том, чтобы попить из реки.

Карета перевернулась, и королевская свита едва не утонула. Один из сопровождавших их помощников рассказал, что эта импровизированная ванна излечила короля от зубной боли, которая появилась у него после поспешной трапезы перед отъездом из дворца. «Если бы я был свидетелем этого приключения, — сказал марк quis de Verneuil, — я бы предложил тост: «*Le Roi Boit!*» В результате этого инцидента был построен новый мост, который впоследствии был заменен нынешней каменной конструкцией, по которой сегодня непрерывно движется транспорт, въезжающий в Париж и выезжающий из него. Именно по этому мосту 22 сентября 1772 года первым проехал Людовик XV.

Замок Нейи был любимой загородной резиденцией Луи-Филиппа. Именно сюда прибыла делегация, чтобы предложить ему корону, и, став королем, он с удовольствием продолжал жить в нем и тратил значительные суммы на его содержание. Когда разразилась революция 1848 года, монарх укрылся в Нейи, а когда его осадила толпа, бежал в ночь на 26 февраля и оставил свой замок в руках банды головорезов, которые разграбили его от погреба до чердака и в конце концов подожгли. Он сгорел, как куча хвороста, и говорят, что более ста пьяных отчаянных людей погибли, когда рухнули его стены. Таким было трагическое окончание замка Нейи.

По указу президента позднейшей Республики принцы Орлеанские были вынуждены продать все свои французские владения, а парк Шато-де-Нейи был разбит на участки и продан всем желающим. Так родился Нейи-Сен-Филипп () — тот самый очаровательный пригород Парижа с широкими тенистыми аллеями и уютными домами, который мы знаем сегодня. Аристократический парк Нейи с Сен-Жамесом — единственный район недалеко от Парижа, где можно найти такие прекрасные сады и такие свежие, тенистые аллеи.

Другой квартал Нейи имеет историю, достойную того, чтобы о ней рассказать. Район, известный как Сен-Жак, получил свое название от большого пригородного поместья, которое в 1775 году принадлежало Бодарту де Сен-Жаку. Он создал поместье, почти королевское по своему убранству, сады которого приобрели необычайную известность. Когда он обанкротился, множество людей посетило поместье не столько с целью покупки, сколько из любопытства. Писатель того времени говорит об этом Лукулле, что он был предметом зависти всего Парижа. Он умер вскоре после своего разорения от огорчения и в явной бедности, что, по-видимому, подтвердило его добросовестность перед кредиторами. Во время Первой империи поместье было куплено принцессой Боргезе или для нее, которая устраивала здесь много блестящих праздников, на которых часто присутствовал сам

император. По случаю бракосочетания Наполеона с Марией Луизой здесь прошла серия праздников, которые вызвали особо выраженные похвалы императора.

В 1815 году Веллингтон сделал его своей штаб-квартирой и здесь провел свою первую конференцию с Блюхером. После того, как Веллингтон покинул Сен-Жак, поместье было разграблено войсками Железного герцога и фактически разрушено кирками и топорами солдат.

Рядом с входом в Пасси в Буа находится Ла-Мютт, реликвия королевского охотничьего домика, который получил свое название от королевской стаи гончих (*meute*), которая раньше содержалась здесь.

Замок Ла-Метт был прихотью Франциска I, который, приехав в Париж, хотел иметь под рукой все удовольствия и, будучи главным поклонником охоты среди французских монархов, построил Ла-Метт для этой цели.

Таким образом, замок Ла-Метт классифицируется как одно из королевских жилищ Франции, хотя в современных анналах он почти не упоминается.

Перестроенный Карлом IX из более скромного охотничьего домика своего отца, Ла-Мютт стал центром двора Маргариты Наваррской, первой жены Генриха IV; после чего он служил жилищем дофину, который стал Людовиком XIII.

Во время регентства Филипп Орлеанский завладел замком до вступления на престол Людовика XV. Последний создал здесь небольшой двор внутри двора, который французы лучше всего описывают как «*ses plaisirs privés*» (*его частные удовольствия*). Именно этот монарх, перестроил или, по крайней мере, отреставрировал замок и привел его в то состояние, в котором мы видим его сегодня.

В 1783 году Людовик XVI, Мария-Антуанетта и двор на короткое время поселились здесь, чтобы помочь в аэростатических экспериментах Де Розье, а в 1787 году, перестав быть королевской резиденцией, Ла-Мютт был выставлен на продажу после того, как из него были вывезены драгоценные панели, мрамор и всевозможные художественные раритеты, которыми он был украшен. Сам замок стал собственностью Себастьяна Эрара, который купил его за скромную цену в двести шестьдесят тысяч франков.

Немного дальше от Парижа, пересекая полуостров, образованный первым из больших изгибов Сены ниже столицы, находится Шату, который имеет королевское наследие в виде павильона Генриха IV, или Павильона Габриэль, который галантный, влюбчивый монарх построил для Габриэль д'Эстре. Раньше он был окружен обширным парком и, должно быть, был почти идеальным, но сегодня он окружен штукатуркой, кукольными виллами и непривлекательными квартирами, и только готический портал, выступающий из ряда скучных фасадов домов, напоминает о некогда уютном маленьком убежище прекрасной Габриэль.

Высота Лувесьен, над Буживалем, закрывает горло полуострова, и отсюда открывается обширная панорама Сен-Жермен () с серебристой Сеной и ее холмами, простирающимися от башен Нотр-Дама с одной стороны до густого леса Сен-Жермен с другой.

Первоначально замок Лувсьен принадлежал мадам принцессе де Конти, но всеобщее внимание привлекает павильон дю Барри, построенный архитектором Леду по приказу Людовика XV.

Дюбарри, получившая замок в подарок от короля, стремилась украсить и преобразить его. Благодаря усилиям некоего Друэ, Фрагонар получил заказ на украшение специального павильона за пределами самого замка, предназначенного для *«коллаций короля»*.

Темой была выбрана «Прогресс любви в сердцах молодых девушек». Никто не знает, где находятся эти панно сегодня, но рано или поздно они, несомненно, будут обнаружены.

Знаменитая «Эскалада» или «Рандеву» Фрагонара, первая из серии пяти запланированных панно, изображала страсть Людовика XV к дю Барри. Пастушка имела фигуру и черты лица этой не слишком щепетильной женской красавицы, а *«галантный пастух»* был явно портретом короля.

Возможно, эти украшения в Лувсьенне были разработками этих небольших полотен. Это кажется вполне вероятным.

Уютно укрытый у подножия леса Сен-Жермен, на берегу Сены, находится Мезон-Лаффит. Мезон почти никогда не упоминается парижанами, за исключением комментариев в спортивных колонках газет, поскольку сейчас этот район славится скачками, а старый замок Мезон (с добавленным позднее суффиксом Лаффит) практически забыт.

Франсуа Мансар построил первый замок Мезон в великолепном стиле для Рене де Лонгейля, суперинтенданта финансов. В более позднем столетии он оказался очень привлекательным для другого финансиста, банкира Лаффита, который разделил парк на участки и ограбил замок.

Однако в течение столетия замок принадлежал семье его основателя, а в 1658 году окружающие земли были превращены в маркизат. В 1671 году, в день смерти Филиппа, герцога д'Анжу, Мезон можно считать королевским, поскольку там поселился двор. Позже владельцем замка стал маркиз де Сойекур, и здесь некоторое время проживал Вольтер; более того, он едва не умер здесь от оспы.

В 1778 году собственность была приобретена графом д'Артуа, и королевская семья эпохи « » часто бывала здесь. Король, королева и каждый из принцев имели свои особые апартаменты, и если бы Людовик XVI не был слишком занят другими, более амбициозными проектами, нет сомнений, что он придал бы Мейзону блеск, которого ему так не хватало на протяжении всей его истории. Во время Революции он был продан как национальная собственность, а вырученные средства поступили в государственную казну.

С приходом империи замок стал более роялистским, чем когда-либо. Его владельцем стал маршал Ланнес, а затем маршал Монтебелло, который много раз принимал здесь Наполеона. Во время вторжения 1815 года деревня была разрушена, но замок уцелел, поскольку стал штаб-квартирой вторгшихся союзников. После этого, в 1818 году, замком завладел банкир Лаффит. Он проявлял большое гостеприимство и жил жизнью богатого буржуа, но уничтожил большую часть построек и конюшен, построенных Мансаром, и разделил огромный парк, который изначально занимал пятьсот гектаров. Его идеи были чисто коммерческими, без малейшего эстетического начала.

Оформление интерьера, как и экстерьера, явно уникально. Дорические пилястры и колонны поддерживают массивные карнизы и потолки с закругленными углами, а здесь и там в качестве декоративных элементов используются античные мотивы и даже наполеоновские орлы (). Сегодня все апартаменты заброшены и выглядят уныло. Самым прекрасным во всех отношениях является Salle-à-Manger, хотя некоторые мотивы являются лишь гипсовыми копиями оригиналов. Однако каминная полка осталась, это настоящее

сокровище, образец изящества, больше похожий на языческий алтарь, чем на сравнительно современную каминную полку. Молельня выполнена в чистом стиле ампир, а лестница, освещенная любопытно расположенным купольным фонарем, создает поразительный эффект в прихожей.

В целом дизайн Maisons изящен, вовсе не вычурный, хотя и, несомненно, грандиозный; слишком грандиозный для сооружения, занимающего столь небольшую площадь. Cour d'Honneur придает ему главную внешнюю особенность, а два павильона, если рассматривать их отдельно, обладают определенным очарованием, которого в целом ансамблю несколько не хватает. Окрестности, если бы они не были безжалостно разбиты на участки под застройку для чрезмерно амбициозных парижских торговцев, значительно улучшили бы нынешний вид собственности. В настоящее время близлежащий ипподром поглотил фруктовый сад, лужайку и многие садовые участки.

ГЛАВА XIII

МАЛМЕЗОН И МАРЛИ

Выезжая из Парижа по мощеной улице Pavé du Roi, которую родительская администрация только сейчас раскапывает и засыпает, сразу за небольшим пригородным городком Рюэль (где в приходской церкви похоронены императрица Жозефина и ее дочь Ортенс), вы попадаете в Мальмезон, вызывающий печальные воспоминания. Он не является внушительным, дворцовым и не представляет большой архитектурной ценности, но является одним из самых сентиментально-исторических французских памятников своего рода.

Поскольку сегодня в Рюэле не осталось никаких определенных следов королевских исторических памятников, турист, направляющийся в Версаль на поезде, трамвае или автомобиле, мало задумывается об уютном маленьком пригороде, через который он проезжает, надеясь каждую минуту оставить позади шум, суету и мостовую Парижа.

Рюэй заслуживает большего внимания. Согласно Григорию Турскому, первые короли имели здесь «дом удовольствий» и называли окрестности Ротоладжум. Эти старые короли не всегда сидели запертыми в крепости на острове Лютеция (). Иногда они, как и все мы, уезжали на день за город, и для них, с их медленными средствами передвижения и плохими дорогами того времени, Рюэль, расположенный всего в дюжине миль от Нотр-Дама, казался далеким.

Упоминается, что Хильдерберт I, сын Хлодвига, длительно проживал в Рюэле, и все, что тогда существовало в качестве королевской резиденции, вскоре перешло к монахам Сен-Дени, которые здесь рыбачили, охотились и жили комфортной и беззаботной жизнью, которую они едва ли могли вести в своей крепости-аббатстве. Им тоже время от времени требовались перемены и отдых, и, по-видимому, когда у них была возможность, они этим пользовались.

Черный Принц сжег город и все его прилегающие территории в 1346 году, и когда Ришелье решил построить здесь загородный дом на том же очаровательном месте, которое так нравилось первым французским монархам, здесь существовала лишь незначительная деревня. Ришелье, как всегда, хорошо справился со своей работой и построил огромный замок, окруженный глубоким рвом, в который впадали быстрые воды Сены. Был разбит обширный парк, частично в формальном стиле, а частично в виде природного заповедника, и окрестности вновь стали часто посещаться королевской семьей и дворянами двора.

Ришелье завещал поместье своей племяннице, герцогине д'Эгюйон, и Людовик XIV стал часто бывать там — в качестве гостя, но это его не беспокоило. Людовик XIV был то монархом, то хозяином, то «другом семьи», если выразиться неопределенно.

Революция едва не уничтожила это поместье, но через несколько лет герцог Массена в некоторой степени восстановил его, однако в свою очередь появились спекулянты, и, поскольку королевские воспоминания для них ничего не значили, поместье было разбито на улицы, проспекты и участки под застройку.

Замок Мальмезон, который находится совсем рядом с Рюэлем, принадлежит к совершенно другому классу. Его история доходит почти до наших дней. Память о Мальмезоне связана

исключительно с Наполеоном. У него много исторических памятников, но его нынешние руины приобрели плебейский вид, который в наши дни мало привлекателен.

В 1792 году Малмезон был продан как национальное имущество, чтобы превратить его в эку, и некий меье Лекуту де Кантелеу, имевший наличные деньги и желание жить под его крышей, на время стал его владельцем. Именно он продал его Жозефине Богарне, и именно она придала ему славу и великолепие, которых он никогда раньше не имел, фактически сделав его всемирно известным.

Замок Мальмезон

Сам Наполеон, будучи первым консулом, страстно любил это место, но к тому времени, когда он стал императором, возможно, из-за несчастных воспоминаний, которые иногда его посещали, он редко бывал в этом очаровательном загородном замке.

Именно в Мальмезоне началась удача Жозефины, и именно в Мальмезоне она погасла, как угасающее пламя свечи.

В субботу, 16 декабря 1809 года, под проливным дождем Жозефина покинула Тюильри, ее глаза все еще были красными от слез после той последней короткой встречи. Она прибыла в Малмезон в конце мрачного дня, когда все место было окутано густым туманом. Она провела ночь почти в одиночестве в этом большом доме, где раньше была так счастлива. Однако она едва ли могла быть более печальной, чем Наполеон в ту же ночь. Он заперся в своем кабинете, полный угрызений совести и одиночества.

Следующее воскресенье было не менее мрачным, потому что именно тогда Жозефина узнала, что Малмезон получил доход в два миллиона на свое содержание и что ее личные вещи и обстановка ее любимых апартаментов уже были на пути из Тюильри в Малмезон ().

Рана даже не дала ей возможности зажить (), потому что она узнала, что Наполеон распорядился, чтобы она принимала посещения двора, как если бы она все еще была императрицей.

Наполеон уже написал своей бывшей супруге, что он многое отдал бы, чтобы увидеть ее, но не чувствует себя достаточно уверенным, чтобы позволить себе это. Это историческое письмо заканчивалось так: *«Прощай, Жозефина, боннуа, если ты сомневалась во мне, все будет хорошо»*.

17 декабря Наполеон действительно приехал в Мальмезон, чтобы увидеться с той, с которой он был официально разведен. Жозефина призналась своей фрейлине мадам де Ремуза: «Мне кажется, что я почти мертва и обладаю только способностью вспоминать прошлое».

В этом Мальмезоне, полном воспоминаний о былых днях, Жозефина была вынуждена довольствоваться, потому что 12 января 1810 года религиозный брак Жозефины и Наполеона был автоматически аннулирован, поскольку, как утверждалось, он не был заключен с соблюдением необходимых формальностей.

Здесь, в Мальмезоне, Жозефина даже окружила себя самыми сокровенными воспоминаниями о Наполеоне: кресло, в котором он обычно отдыхал, стояло на привычном месте; его кровать всегда была застелена; его меч висел на стене; его перо лежало в чернильнице; на его столе была раскрыта книга « », а его географический глобус — его знаменитый *tarpeumond* — стоял на привычном месте.

Принцы, проезжавшие через Париж, приезжали в Мальмезон, чтобы поприветствовать бывшую императрицу, а она позволяла себе погрузиться в свои теплицы и молочную ферму, управление своим домом, приемы и свою *petite cour*.

Со временем все закончилось. Когда Наполеон вернулся в Париж в 1815 году, он допросил врача, который ухаживал за Жозефиной во время болезни, закончившейся ее смертью годом ранее, и спросил его: «Она говорила обо мне в последние минуты?» Врач ответил: «Часто, очень часто». Наполеон с волнением просто ответил: *«Bonne femme: bonne Josephine elle t'aimeit vraiment»* (Хорошая женщина: хорошая Жозефина, она действительно любила меня).

После Ватерлоо Наполеон сам удалился в Мальмезон, который стал собственностью детей Жозефины, Эжена и Ортензы, и заперся в комнате, где она умерла, в библиотеке, которую он занимал, когда был триумфальным первым консулом.

Здесь он прожил пять мучительных дней, предшествовавших его отъезду в Рошфор, в то мучительное изгнание, из которого он так и не вернулся.

После развода Жозефина сохранила эту собственность в качестве своей личной резиденции, и в 1814 году приняла там знаменитых союзников-суверенов из « ». История рассказывает об одной прогулке на лодке, которую она совершила по соседнему озеру в компании императора Александра и которая была наполнена историческим смыслом. Именно эта неосторожная прогулка в прохладный майский вечер привела к смерти бывшей императрицы три дня спустя. Именно из этой бывшей королевской резиденции Наполеон обратился со своим знаменитым обращением к армии, которое высокомерный Фуше отказался напечатать в *«Moniteur Officiel»*. После этого Наполеон послал герцога Ровиго в Париж за паспортами и необходимыми приказами, которые позволили бы ему уехать в мире. В следующий момент он передумал, а через несколько мгновений снова изменил свое решение. В результате продвижения пруссаков на Париж по левому берегу Сены Наполеон был вынужден принять неизбежное, и со словами генерала Беккера, звучащими в его ушах:

«*Cup, tout est pret*», он пересек вестибюль дворца Сен-Сен () и вошел в сады в атмосфере болезненного спокойствия с его стороны и слышимого плача его бывших соратников, выстроившихся в ряд, чтобы отдать ему честь. Он страстно обнял Ортензу и поприветствовал всех членов своей партии с невероятной симпатией и эмоциями. С вечным прощанием и быстрым шагом по садовой аллее к подъездной дорожке он наконец вошел в карету, которая ждала его, и быстро уехал. Через несколько дней союзники разграбили и опустошили Мальмезон. Можно сказать, что его главная слава ушла вместе с корсиканцем.

Во время Реставрации принц Евгений устроил своего рода «распродажу лохмотьев» из того, что осталось. Земли, которые Жозефина купила у Лекуто, были проданы тому, кто предложил самую высокую цену, экзотические кустарники и растения — любому, кто хотел их купить, картины — ценителям, которые могли себе это позволить, а те, что остались, были отправлены в Мюнхен. В 1826 году на сцену вышел шведский банкир, который купил поместье — замок и парк — и сохранил его до своей смерти двадцать лет спустя. Затем оно перешло к королеве Кристине и в конечном итоге было куплено Наполеоном III.

В октябре 1870 года, во время осады Парижа, генерал Дюкро пытался провести разведку через Мальмезон, но его план был настолько слаб, что экипажи короля Пруссии и его штаба заняли окрестности и сделали эту собственность своей официальной штаб-квартирой.

Рядом находится прекрасная усадьба под названием «Les Bruyeres», королевское поместье Наполеона III. Она была создана и развита императором и всегда называлась Parc Impérial.

Пожалуй, самым банальным из всех королевских сувениров вокруг Парижа является гигантское мельничное колесо, известное как Машина де Марли, расположенное у Сены в нескольких милях от Малмезона, там, где ужасная мощеная дорога начинает подниматься на плато, на котором находится замок Сен-Жермен и его парк.

Неэстетичный вид не является поводом для игнорирования знаменитой Машины де Марли, великого водоподъемного устройства, впервые установленного во времена правления Людовика XIV для перекачки воды из Сены в пруды и фонтаны Версаля.

Ее создал житель Льежа по имени Реннекен Суалем, который не умел ни читать, ни писать, но имел очень четкое представление о том, что нужно для выполнения работы, которую требовал Людовик XIV. На самом деле, расходы на возведение «Машины» и на поддержание работы ее огромных колес были настолько велики, что сомнительно, было ли это когда-либо рентабельным предприятием, но это не было *обязательным условием*, что касается приказа короля. Ее строительство обошлось в миллионы *ливров*, прежде чем ее колеса впервые закрутились в 1682 году, и если бы плотник Брюне не пришел на помощь, значительно увеличив объем поднимаемой воды (с помощью сжатого воздуха), то сомнительно, хватило бы воды для фонтанов Версаля, чтобы они работали хотя бы один день в году, как они делают это сейчас каждое счастливое воскресенье, к радости парижан из среднего класса и толп туристов из Кук-, которые смотрят на них с удивлением.

Вода поступала из Машины де Марли в Версаль по трубопроводу с тридцатью шестью арками, где, достигнув более высокого уровня, чем сады, она стекала под действием силы тяжести к фонтанам и бассейнам внизу. Этот акведук имел длину шестьсот сорок три метра и высоту двадцать три метра. Это было сооружение, которое сделало бы честь римлянам.

Гораздо большее романтическое чувство связывает себя с королевским замком Марли-ле-Руа, чем с утилитарной «Машиной», благодаря которой пригород наиболее известен сегодня.

История Марли-ле-Руа, судя по хроникам, является самой сложной для разгадки из всех королевских пригородов старого Парижа, хотя в дни старого транспорта городок в двадцати шести километрах от столицы вряд ли можно было считать пригородом.

В любом случае, Марли-ле-Руа, наряду с Марли-ле-Бур и Марли-ле-Шатель, был королевской резиденцией со времен Тиери III (678 г.). К началу XVII века соседний регион был преобразован в графство, и в 1693 году Людовик XIV приобрел его в обмен на Нёфль-ле-Шато, включив в состав владений Версаля.

К этому времени он стал известен как Марли-ле-Руа, в отличие от других бургов, и король построил королевский замок, известный под разными названиями: Пале и Эрмитаж. На самом деле, согласно общепринятому определению, это было ни то, ни другое, а скорее группа из дюжины зависимых павильонов, распределенных вокруг центрального здания, все вместе растянувшись в бесконечные и явно неприглядные пропорции. Это было как солнце, окруженное зодиаком.

Изолированный на холме у берега реки, замок возвышался над своим потомством из небольших павильонов, которые в некотором роде образовывали *антресоль* или фойе, ведущее к Королевскому павильону. Все они были соединены железными решетками, *en berceau*, и эффект, должно быть, был чрезвычайно причудливым, безусловно театральным.

Четыре стороны этих павильонов были украшены фресками, а балюстрады и вазы по углам были главными архитектурными украшениями.

Королевский павильон состоял из четырех вестибюлей на первом этаже, каждый из которых вел к большому апартаменту в центре. В каждом из четырех углов находился «автономный» апартамент из трех или четырех комнат. То, чего не хватало этой королевской резиденции в красоте, она компенсировала удобством.

Каждый из прилегающих павильонов занимал высокопоставленный придворный. Часовня и корпус гвардии были отделены от самого замка и занимали два боковых крыла.

Планы «Palais-Chateau-Ermitage» в Марли-ле-Руа были разработаны плодотворным умом Мансара и были составлены с большой изобретательностью, если не со вкусом, щедро перемежаясь липами и поистине великолепными садовыми участками. Там был даже каскад, или, скорее, бурная река (согласно французскому выражению), поскольку она мягко падала по шестидесяти трем мраморным ступеням, образуя своего рода морщинистую водную поверхность, что, должно быть, было действительно очень очаровательной особенностью. Только для того, чтобы подвести воду к нему, потребовалось сто тысяч эку. Расходы на Павильон де Марли за десять лет с 1680 по 1690 год составили 4501279 *ливров*, 12 *солей* и 3 *денира*. По этому можно судить, что это было нечто значительное.

В те времена честь быть считаемым жителем Марли считалась большим отличием, поскольку в этом случае само собой разумелось, что человек имел отношение к делам двора, хотя он мог быть всего лишь «поставщиком». Быть придворным Людовика XIV или *пенсией* в Версале едва ли могло приносить большее отличие.

Двор обычно находился в Марли со среды по субботу, и, поскольку «игра» была в моде, очевидно, что ставки были высокими.

В те дни модной развлечением были азартные игры, и Марли, из всех других пригородных дворцов Парижа, был идеальным и незаметным местом для этого. «Высокие ставки и полуночные ужины были нормой в Марли». Об этом можно прочесть в дворцовой хронике, а также о том, что «королевская семья обычно теряла по сто тысяч эку в азартных играх при

каждом посещении». Один «джентльмен-крупие» заработал за один раз целых три тысячи *луидоров*.

Мадам де Ментенон была в те дни настоящей правительницей Марли; она присвоила себе апартаменты, первоначально предназначенные для королевы, из которых был частный проход в апартаменты короля, а также другой, образующий своего рода частную ложу с видом на королевскую капеллу.

Мало посещаемый Людовиком XV и практически заброшенный Людовиком XVI, дворец в Марли был продан во время Революции, после чего он был лишен своих художественных сокровищ, многие из которых сегодня украшают сады Тюильри; большая группа лошадей у входа на Елисейские поля прибыла из курорта Марли.

На самом деле королевский павильон в Марли был разрушен, и остались лишь самые фрагментарные, неформенные кучи камней, рассказывающие о его внушительных размерах во времена Людовика XIV и де Ментенон.

Сегодня парк является главной достопримечательностью района Сен-Клу (), как и парк в Сен-Клу, на который он очень похож. Через парк проходит большая магистраль из столицы в Версаль, по которой в дни галантности привыкли неспешно ехать или галопом мчаться многочисленные веселые кавалькады. Сегодня темп не стал более сдержанным, но ярко украшенные лошади и красочные кареты уступили место красным и желтым «Rois des Belges», причем с точки зрения живописности явное преимущество остается за прежним видом транспорта.

Лес Марли очень живописен, но не очень обширен. Раньше в нем было много охотничьих домиков, принадлежащих дворянам двора, из которых, пожалуй, самыми роскошными были домики Монжуа и Десер-де-Ретц.

На дороге в Версаль находился замок Кланьи, королевская *дача*, привлекательная, но тривиальная, хотя ее архитектура и отличалась определенной массивностью. Его сады и расположение комнат нравились королю, когда он решал проехать здесь, что случалось часто. Говорят, что он лично потратил на эту собственность более двух миллионов франков. Этот малоизвестный замок Клань, должно быть, был довольно претенциозным, поскольку за один год на содержание садов было потрачено десять тысяч *ливров*. Сегодня его уже не существует.

ГЛАВА XIV

СЕН-КЛУ И ЕГО ПАРК

Исторические воспоминания о Сен-Клу и его королевском дворце многочисленны и разнообразны, хотя сегодня почти ничего не осталось от здания, столь любимого Франциском I и Генрихом II, которое на самом деле было лишь великолепной загородной резиденцией, первоначально принадлежавшей архиепископам Парижа.

Сегодня на крутых склонах холмов Сен-Клу расположена разнородная масса вилл, которые парижане называют «кокотливыми», но которые мало напоминают дух романтики и галантности эпохи Возрождения. Сен-Клу — просто «скромный» пригород Парижа, и чем меньше говорить о нем, его виллах и их сегодняшних обитателях, тем лучше.

Небольшая деревня Сен-Клу, наполовину скрытая в лесу Рувре, была разграблена и сожжена англичанами после битвы при Пуатье, а затем заново построена и занята французскими монархами во время правления Карла VI. Именно он построил здесь первый *замок для отдыха*, в котором королевская семья могла жить недалеко от Парижа, но в лесной местности.

Затем здесь появился загородный дом архиепископов Парижа, который Генрих II, устав от него, снес и построил виллу в псевдоитальянском стиле того времени, а также построил четырнадцатиметровый каменный мост через Сену, который был чудом своего времени.

Банкир Гонди, после того как сблизился с королевской семьей, передал построенное им здание Екатерине Медичи, которая использовала его, когда хотела устроить загородный праздник или вечеринку в саду. К этому времени весь облик Сен-Клу был королевским.

Именно в этом доме несчастный и столь же непопулярный Генрих III был убит тремя ударами ножа монаха Жака Клемана. Это событие стоит кратко упомянуть здесь из-за того, с какой быстротой история была изменена одним лишь фанатичным ударом ножа. Со смертью Генриха III исчез династия Валуа.

1 августа 1589 года, когда король сидел в длинной галерее дворца и играл в карты, с плащом, висющим на плече, маленькой шапочкой с цветком, застрявшим в одном ухе, и корзиной с щенками, висющей на шее на широкой синей ленте, для развлечения королевской свиты был представлен астролог по имени Осман.

«Мне сказали, что вы составляете гороскопы», — заметил король.

«Сир, я составлю ваш, если вы хотите, но небеса не благоприсутствуют».

«Прямо над Мёдоном сияет очень яркая звезда, — продолжил астролог, — это звезда Анри де Наварра. Но посмотрите, Ваше Величество, еще одна звезда на мгновение ярко вспыхивает, а затем исчезает, возможно, это ваша звезда».

«Если у кого-то и был голос, охрипший от крови, то это у того астролога», — сказал король. «Уведите его».

«Если Анри де Валуа не умрет до захода следующего солнца, я больше никогда не буду составлять гороскопы», — сказал астролог, когда его вытолкнули через двор на большую дорогу.

Когда он уходил, человек в монашеской одежде попросил разрешения предстать перед королем. Это был Жак Клеман, убийца-монах, хитрый доминиканец, преданный миссии, целью которой было истребление рода Валуа.

Пока король читал письмо, которое ему преподнес монах, тот нанес ему глубокий удар ножом в живот.

Потеряв сознание, король успел только крикнуть: *«Ha! le mechant moine: Il m'a tué, qu'on le tue»* (Ха! Злой монах! Он убил меня, пусть его убьют!).

Убийца был немедленно сражен, а его тело, выброшенное из окон дворца, было *разорвано* на части четырьмя белыми лошадьми, что является изящным французским способом сказать «растянут и четвертован».

Это был внушительный кортеж, который спускался с высот Сен-Клу и следовал по берегу реки до Сен-Жермена, Пуасси и оттуда до Компьень, везя все, что осталось от Анри III, самого непопулярного из всего рода Валуа. Вплотную за гробом следовали Анри IV и его свита, фавориты д'Эпернон, Лашан, Дюгаст и внушительная воинская свита.

После смерти Генриха III Анри де Наварр, сыгравший немаловажную роль в похоронных церемониях, поселился в соседнем поместье, известном как Maison du Tillet. Таким образом, можно видеть, что королевский отпечаток на маленьком городке Сен-Клу никогда не исчезал — по крайней мере, до тех пор, пока позднее дворец и большая часть города не были облиты керосином и подожжены пруссаками в 1871 году.

«Maison de Gondi» в результате приобретения и развития со временем стал королевским дворцом Сен-Клу. Его перегруженные детали итальянской архитектуры были немного осветлены окружающей средой, спроектированной и реализованной ландшафтным дизайнером Ле Нотром (), и жизнь двора в его пригородном убежище приобрела настоящий и подлинный блеск, который в стенах Лувра и на улицах Парижа был бы невозможен.

Самым ярким светом, сиявшим над Сен-Клу в это время, было сияние блестящей Анриетты Английской. Ее правление в качестве светской и остроумной королевы двора было недолгим. Она умерла в возрасте двадцати шести лет, отравленная по наущению шевалье де Лотарингии, которого она отправила в изгнание. Таково было общее предположение, но Людовик XIV впоследствии смог доказать (?) невиновность своего брата в этом преступлении.

Газеты XVII века рассказывают о многих праздниках, устроенных в Сен-Клу мосье по случаю его брака с принцессой Пфальцской в 1671 году. Одним из самых заметных из них был праздник, устроенный для Людовика XIV, на котором впервые были представлены знаменитые каскады — нововведение Ле Нотра.

Был приглашен Мансар, и была построена большая галерея, предназначенная для праздников и церемоний, а Миньяр получил заказ на ее украшение.

Мосье умер в стенах дворца, который он так украсил, , как и его вторая жена. Можно сказать, что эти три королевских особы умерли от амбиций, поскольку их жизнь не была ни спокойной, ни здоровой. Они шли в ногу со временем.

Регент выехал из Парижа в это уединенное место на берегу реки, чтобы принять царя Петра в 1717 году, а в 1752 году Луи-Филипп Орлеанский решил устроить праздник, который должен был затмить память о всех предыдущих событиях подобного рода. Насколько ему это удалось, мнения могут разниться, поскольку французы всегда были чрезмерно расточительны в проведении таких мероприятий. В любом случае, это событие было знаменательным.

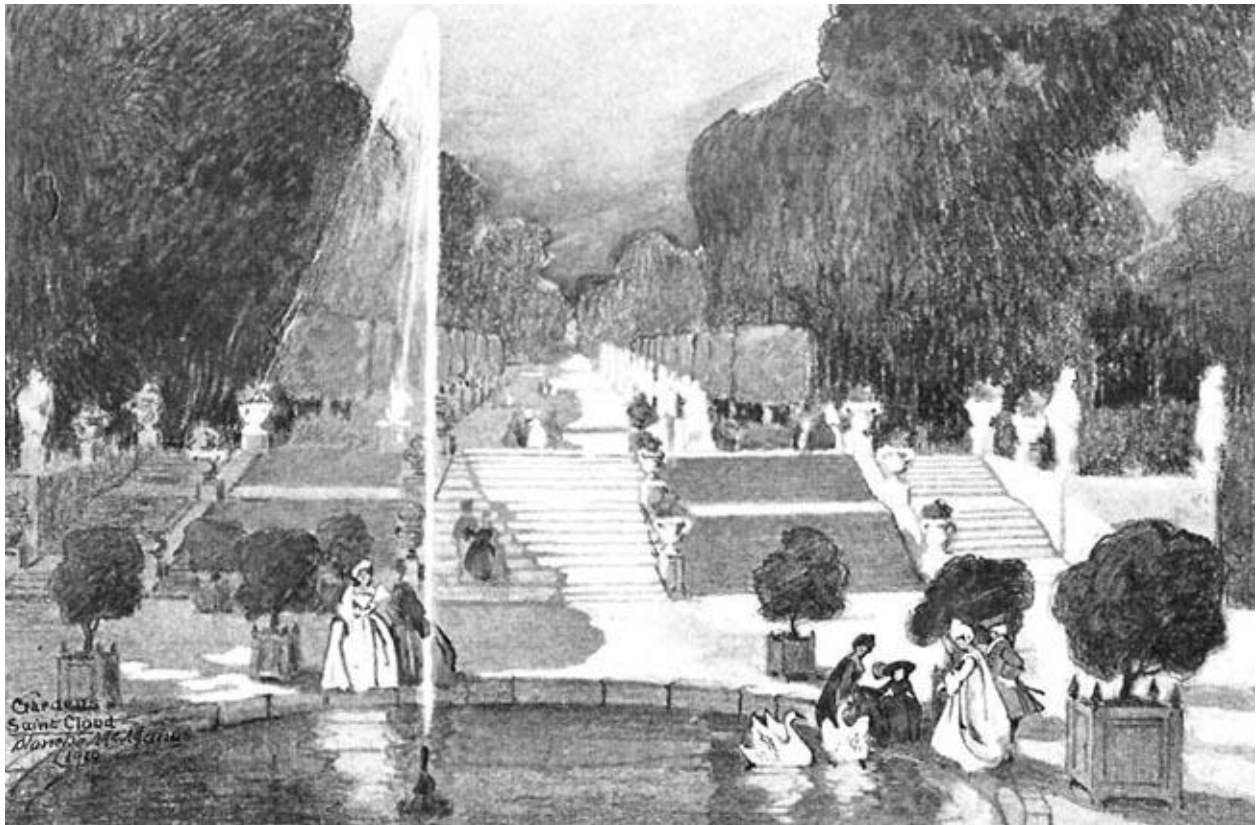
Предпочтение королевской семьи к Сен-Клу, возможно, не было чем-то удивительным, если учесть, что он был и остается окруженным восхитительной природой, а примерно в это время герцог Орлеанский тайно женился на маркизе де Монтессон и поселил ее в «самом простом» жилище, которое, как можно предположить, было простой хижинкой, стоившей шесть миллионов. Сегодняшние *нувориши* вряд ли смогли бы сделать это с большим блеском.

Революция захватила парк Сен-Клу и его пристройки и передала их демократии — «для удовольствия народа», как гласил указ.

Восемнадцатого брюмера Первая Революционная власть исчезла из Дворца Сен-Клу, и Conseil de Cinq Cents (Совет пятисот) разместился в нем под руководством Директории. Бонапарт, возвращаясь из Египта, прибыл в Сен-Клу как раз в тот момент, когда Лемерсье распускал Совет. Предвидя беду, он приказал Мурату очистить зал с помощью штыков. Наполеон всегда опережал других. Его девизом была инициатива. Депутаты в спешке перелезали друг через друга, пытаясь сбежать по лестнице, через двери и окна, и Бонапарт стал консулом без оппозиции — на десять лет — на всю жизнь.

Королевские резиденции были предоставлены в распоряжение Наполеона, и он мудро выбрал Сен-Клу для летнего пребывания; Сен-Клу стал колыбелью его власти. Наполеон был мастером в восстановлении и реконструкции разрушающихся памятников, как и в разрушении, когда был в настроении, и в Сен-Клу были сделаны изменения и добавления, которые по комфорту и удобству вывели его в первые ряды французских королевских резиденций.

В марте 1805 года папа Пий VII в величественной обстановке и с большим торжеством крестил в часовне дворца сына Луи Бонапарта, а пять лет спустя (1 апреля 1810 года) в том же здании состоялась церковная свадьба Наполеона и Марии Луизы.

Сады Сен-Клу

31 марта 1810 года во всех пределах дворца царила странная оживленность. Это было связано с празднованием гражданского брака Наполеона с Марией Луизой. Они въехали в столицу только через три дня для церемонии, которая соединила дочь императоров, потомков римских цезарей, с «узурпатором», который теперь впервые стал равным другим коронованным особам Европы.

Кортеж, сопровождавший их величества из Сен-Клу в Париж, был зрелищем, для описания которого потребовались бы целые страницы. Читателю этих строк для получения подробной информации рекомендуется обратиться к страстным страницам произведений Фредерика Массона.

Сотни тысяч любопытных вышли из Парижа и заполнили аллеи парка до отказа. Музыка и танцы были повсюду. Среди толпы были солдаты всех званий, ярко одетые в красное, синее и золотое. «Эти воины были живописной, навязчивой толпой, — писал летописец, — после вторжения в Австрию они приветствуют австрийца».

В 1815 году в Сен-Клу была подписана капитуляция Парижа. Сады были захвачены толпой, которая придала им скорее вид укрепленного лагеря, чем игровой площадки для принцев. Жестокий победитель в сапогах и шпорах взобрался на кровать великого Наполеона, а когда встал, потянул за собой вышитые пчелами занавеси и растоптал их ногами. Было ли это достойным проявлением победы?

В этот период в тенистом парке Сен-Клу был устроен еще один великий праздник, о котором французские историки в основном умалчивают. Хозяином на этот раз был принц Шварценберг, а главными гостями — иностранные монархи, ликующие по поводу падения столицы.

Людовик XVIII, устранив следы этого опустошительного вторжения, поселился здесь 18 июня 1817 года, а в следующем году построил конюшни и жилые помещения для гвардейцев. В 1820 году была закончена часовня, начатая Марией-Антуанеттой, и построен сад Трокадеро.

Карл X за время своего короткого правления построил на месте старого монастыря урсулинок дополнительные помещения для придворного персонала. Этот ансамбль приобретал все большее значение. В это время были разбиты сады между каскадами и рекой, которые сегодня в некоторой степени напоминают о былом великолепии парка, выходившего на реку. Через этот нижний сад пролежала Королевская аллея, ведущая к замку.

Сен-Клу для Карла X, несмотря на его первоначальный интерес к нему, мог быть только несчастным воспоминанием, поскольку именно здесь он подписал акт об отречении, который привел к его падению. Он покинул свой дворец в Сен-Клу 30 июля 1830 года в три часа утра, как раз когда день пробивался сквозь туман долины. Он пал, последний из Бурбонов, на том же месте, где Генрих IV, как глава дома, был впервые приветствован как король.

Луи-Филипп делил свое время между Нейи и Сен-Клу, и вложил свои средства и энтузиазм в значительную перестройку как дворца, так и его окрестностей.

Наполеон III сделал Сен-Клу своей любимой летней резиденцией и фактически находился под крышей дворца, когда прусская орда начала свой поход на столицу Кловиса. Он покинул Сен-Клу 27 июля, чтобы лично принять командование Рейнской армией в Меце.

Как и Карл X, Наполеон III перестал быть правителем Франции, разыграв последнюю сцену своей королевской карьеры в дворце Сен-Клу. Дворец больше никогда не давал пристанища французскому монарху. Императрица поспешно покинула его после катастрофы в Верте, а через два месяца пожар уничтожил все великолепие дворца и его прилегающих помещений (). Жители маленького городка, выросшего вокруг дворца, бежали в Версаль во время перемирия. В городе почти не осталось старых домов.

Среди *шедевров* искусства, погибших в пламени, были прекрасные работы Миньяра — прежде всего великолепная Галерея Аполлона — картины Лемуана, Накре, Лелуара, морские пейзажи Жозефа Верне и бесчисленные предметы искусства, которые были собраны для украшения Сен-Клу более поздними монархами. Некоторые сокровища были спасены благодаря заботе наследного принца Пруссии, а некоторые вазы, стулья и статуи были конфискованы и отправлены через Рейн как военная добыча.

Сегодня парк Сен-Клу занимает почти четыреста гектаров, включая общественный парк и «заповедник». Отсюда открывается одна из самых красивых панорам в окрестностях Парижа, аллеи, уходящие, казалось бы, в бесконечность, с разбросанными по ним статуями, все еще фланкирующими Jardin du Trocadero.

Из города в парк можно попасть через большие железные ворота с площади Рояль или по авеню дю Шато, которая ведет к террасам, где когда-то стоял королевский дворец.

Мансар спроектировал архитектурные атрибуты нижнего каскада и значительно превзошел своего коллегу. Круглые бассейны и каналы в конечном итоге ведут воду в еще более крупный бассейн ниже, где она под высоким давлением бьет в воздух на высоту около сорока метров. Это официальное описание, но трудно проникнуться симпатией или энтузиазмом по поводу этого сооружения, будь то как произведение искусства или как развлечение. Откровенно говоря, главная привлекательность Сен-Клу заключается в его расположении и его мертвой и полузабытой истории. «Бродяга за границей», «Ролло» и «Дядя Джордж» знали его лучше нас, потому что в те дни дворец существовал в реальности, тогда как мы принимаем все на веру и сожалеем (иногда), что не жили пару поколений назад.

Бельвю, расположенный на берегу Сены, незадолго до Сен-Клу, обязан своим происхождением (факт, который великолепный ресторан Pavillon Bleu максимально использует в своей рекламе) капризу мадам де Помпадур. Ей понравился вид с этого места (как и многим посетителям ресторана на террасе сегодня), и она построила на склоне холма «замок для свиданий», своего рода приют, где Людовик XV мог бы отдыхать во время своих поездок в столицу и обратно.

Помпадур смогла одолжить у короля восемьсот рабочих на столько времени, сколько было необходимо для реализации ее амбициозных проектов в Бельвю, и 25 ноября 1750 года она устроила новоселье в своей скромной вилле (сношенной в 1794 году) и *pendit la cremaillère* с церемонией, главным развлечением которой был балет под значительным названием «L'Amour Architect».

Рядом с Сен-Клу находится целая череда священных исторических мест, связанных с более или менее королевскими резиденциями французских монархов и их фаворитов. Это было относительно недалеко от Версаля, Сен-Жермена, Ментенона и Рамбуйе, а близлежащая Лувсьен была буквально усыпана очаровательными загородными домами, которые во многих случаях оплачивались королями и свободно использовались ими, хотя, конечно, счета за них, возможно, не фигурировали в публичных бюджетах, по крайней мере, не под их настоящими названиями.

На вершине холма, давшего название городу, находился замок, первоначально принадлежавший мадам принцессе де Конти, а напротив сегодняшней железнодорожной станции с ее прозаическим и неприглядным окружением располагалась великолепная усадьба, принадлежавшая маршалу Маньяну, и павильон дю Барри, построенный архитектором Жозефом Леду () по заказу Людовика XV, который хотел обеспечить удобное гнездо в окрестностях Сен-Клу для своей последней фаворитки. Сегодня павильон существует только по названию, конечно, несколько обезображенный, но все еще напоминающий о своих прежних довольно ярких очертаниях, так что в целом нельзя сказать, что он сильно пострадал с эстетической точки зрения. В конце концов, поместье вошло в состав имения Пьера Лаффитта, хотя по-прежнему оставалось известным, как и раньше, под названием Pavillon du Barry.

ГЛАВА XV

ВЕРСАЛЬ: СЛАВА ФРАНЦИИ

«Величественный,		монументальный		и		однообразный
Каменный	фасад	крошится	под	порывами		ветра
Его	хрупкий	капитель	и	увядающая		гирлянда
Напротив	желтого	парка,	где	склонилась		осень.
*		*		*		*
Но	солнце,	зажигая		золотые		стекла
Кажется,		зажигает				внутри
Взрыв,	каждый	вечер		ошеломленной		Славы.

Эти строки Анри де Ренье лучше, чем любые другие, описывают облик современного Версаля.

Версаль — это смесь зелени, иерархия бронзы и лес мрамора. Это выражение полно аномалий, но оно строго применимо к Версалю. Его воды, фонтаны и каскады, его чудовища, его тритоны и Вальгалла мраморных статуй выделяют искусственный фон таким образом, который можно сравнить только с декорациями — великолепными декорациями, но все же явно нереальными.

Да, Версаль сегодня печален и мрачен; трудно понять, почему (), ведь его воспоминания все еще живы, а осязаемые свидетельства большей части его великолепия все еще стоят на своих местах.

«Voici	tes	ifs	en	cone	et	tes	tritons	joufflus
Tes	jardins	composés	où	Louis	ne	vient	plus,	
Et	ta	pompe	arborant	les	plumes	et	les	casques."»

Здесь невозможно дать ни архитектурный обзор, ни историческую хронологию Версаля; любое из них могло бы стать *основой* для объемного тома.

Автор ограничился лишь более или менее связанной между собой серией очевидных фактов и событий, что само по себе хорошо показывает бесполезность любого другого подхода к столь обширной теме в рамках одной главы книги.

История Версаля — это история людей и событий, которые отражали славу и величие Великого Монарха из династии Бурбонов и сделали его дворец и его окрестности более возвышенным выражением земной роскоши, чем что-либо, что было до этого или произошло после.

После своего завершения Версаль стал идеальным воплощением упадка и деморализации старого режима. Его можно сравнить только с отношениями между дю Барри и молодой Марией-Антуанеттой, которая была полной противоположностью всего, что олицетворяла первая.

Нет сомнений в том, что двор Людовика XV был искусственно блестящим. Именно это выделяло его на мрачном фоне масс того времени. Это было ослепительное, человеческое

зрелище, и Версаль с его экстравагантными, поверхностными прелестями довел его до грани гибели (), хотя даже в его самых банальных вульгарностях было определенное чувство амбициозной искренности. Люди из крестьянского сословия жили как животные, «черные, синие и обожженные солнцем». Ощущение всего этого легко проникало даже в Версаль, так что Ла Помпадур или Людовик, один из них, или оба вместе, инстинктивно восклицали: «*Après nous le deluge*» («После нас — потоп»).

Сложности этикета повседневной жизни короля, его причуды и капризы сделали историю Версаля самой блестящей из истории XVII и XVIII веков — безусловно, она была самой роскошной. Манеры того времени были лучше, чем нравы, и если хороший вкус в искусстве и архитектуре несколько упал, то нет сомнений, что очаровательная фантазия часто компенсировала недостаток эстетизма.

История дворца, парка, короля и его двора настолько переплетены, что ни одно из них не может быть описано в отдельности. На этом фоне король и двор предстают в такой близости и ясности, что это вызывает удивительный интерес. Это долгий, долгий день жизни, который начинается с *petit lever* и заканчивается только *grand coucher*.

Если и существовал когда-либо замок лени и разврата, то это был Версаль, хотя он и считается блестящим вершиной монархии. Этот образ незабываем для всех, кто когда-либо читал его историю или видел его камни.

В 1650 году Марсьяль де Ломенси, один из министров Карла IX, был сеньором Версаля, но по воле Екатерины Медичи он был без суда и следствия задушен, чтобы она могла завладеть собственностью и подарить ее своему фавориту, Альберту де Гонди, маршалу де Рецу.

Около 1625 года Людовик XIII велел построить неподалеку небольшой охотничий павильон и, постепенно приобретая все больше земли, задумал возвести что-то более величественное в виде загородного дома, хотя настоящая концепция пригородного дворца в Париже появилась только при Людовике XIV.

Лево, архитектор последнего, внес необходимые изменения в уже существующую конструкцию, и постепенно был разработан более величественный проект, известный сегодня в его завершенном виде. Поскольку война не велась и не предстояла, большие отряды солдат были задействованы в работе с кирками и лопатами (), и в одно время тридцать тысяч человек отложили свои сабли и мушкеты, чтобы заняться более мирным искусством создания садов под руководством Ле Нотра.

За три десятилетия общая сумма основных расходов на дворец и его пристройки достигла восьмидесяти одного миллиона ста пятидесяти одной тысячи четырехсот четырнадцати *ливров*, девяти *су* и двух *дени*. Возможно, еще более интересно узнать, что из этой огромной суммы более трех миллионов ушло на мрамор, двадцать один миллион — на каменную кладку, два с половиной миллиона — на грубую деревянную отделку и столько же — на маркетри. Другие дополнительные «незначительные» украшения Версаля и Трианона за тот же период составили еще шесть с половиной миллионов.

Расходы на эти работы были огромными со всех сторон. Поскольку для питания фонтанов требовалась вода, было предложено отвести воды реки Эр от их первоначального русла и пропустить их через Версаль, и это предприятие было действительно начато. За садами был создан Малый парк, площадью около четырех лиг, а за ним лежал Большой парк, площадью двадцать лиг, в котором находилось несколько лесных деревень. Общая стоимость этих работ, возможно, никогда не была точно известна, но она, несомненно, была огромной и, по некоторым оценкам, достигала одного миллиарда франков. В 1664 году работы были

завершены настолько, что в Версале был устроен первый праздник, посвященный освящению дворца. В честь этого события Мольер написал пьесу «Принцесса Элиды».

Однако работы по благоустройству продолжались, и в 1670 году умерший Лево был сменен своим племянником Жюлем Ардуэном Мансаром, который хотел снести замок Людовика XIII и построить одно единое здание. Людовик XIV из уважения к отцу не разрешил осуществить проект Мансара, и поэтому изменения были сделаны только во дворе, окружив его с западной стороны великолепными зданиями, которые сейчас образуют фасад сада. Южное крыло было добавлено позже для размещения младших членов королевской семьи. В 1685 году было построено северное крыло для нужд придворных. Строительство часовни началось в 1699 году и было завершено в 1710 году.

Людовик XIV поселился во дворце в 1681 году с мадам де Монтеспан, а через тридцать пять лет умер там, когда его фавориткой была мадам де Ментенон. В это время Версаль был театром многих необычных сцен (). Людовик XV родился здесь, но поселился в дворце только после достижения совершеннолетия. Именно здесь его фаворитки мадам де Шатору, мадам де Помпадур и мадам дю Барри чувствовали себя как дома. Именно при этом монархе был построен театр в северном крыле, который был торжественно открыт по случаю бракосочетания дофина Людовика XVI в 1770 году.

К концу правления Людовика XV к северной стороне главного двора были добавлены новое крыло и павильон, и было предложено построить через двор новый фасад в том же едином стиле. Эта идея не могла быть реализована из-за беспокойных времен Людовика XVI и огромных предполагаемых затрат. Наступила революция, и Версаль оставался закрытым до тех пор, пока его не открыл первый Наполеон, который, однако, не смог поселиться в нем из-за частых поездок в поход.

Во время Реставрации Людовик XVIII, как представитель древней монархии, хотел сделать Версаль резиденцией двора, но его от этого удержали ужасающие предыдущие расходы. Во время правления Наполеона и Людовика XVIII на его ремонт были затрачены значительные суммы, так что он не был полностью утрачен, когда французские власти сделали его, если не главным, то по крайней мере самым популярным *памятником истории* всей Франции.

И все же вид Версаля печально утомляет. Сегодня Версаль одинок; человека преследует тишина и пустота, если не фактическая пустота. Только раз в семь лет старый дворец приобретает какой-то вид официальной жизни Республики, и это происходит, когда два законодательных органа объединяют свои силы и приезжают в Версаль, чтобы проголосовать за нового президента. В остальное время он пустует, за исключением стражей и посетителей, и является лишь воспоминанием о великолепии, вообразенном и предписанном Людовиком XIV.

На протяжении почти столетия мастера-ремесленники всей страны работали над его украшением, и, безусловно, Версаль заслуживает всех похвал, которые когда-либо были ему возданы за его великолепие и роскошь. Он был построен и перестроен пятью поколениями самых талантливых мастеров, которые когда-либо жили на земле, пока не занял первое место в мире как величайшее хранилище роскошных безделушек.

Однако прямые линии и длинные перспективы Версаля, бесконечное повторение классических мотивов, которые, хотя и превосходны, каждый по-своему, утомляют человека необъяснимым образом. Тем не менее, в каждой линии есть определенное достоинство и изящество. Это факт, который нельзя отрицать. Он выражает — ну, ничего, кроме Версаля и той роли, которую он играл в жизни своего времени.

Миллионы для Версаля были получены слишком извилистыми и длительными способами, чтобы их здесь описывать. Даже Людовик XIV перед смертью начал понимать, в какое положение он привел нацию, хотя и наказывал каждого, кто хотя бы намекал на его глупости. Вобань, «герой ста осад», опубликовал книгу об отношениях между королем и двором и налогоплательщиками и был навсегда опозорен, умер через несколько месяцев от разбитого сердца из-за того, что он был так бессилён в попытках провести реформу.

В жизни короля в Версале было мало личной жизни. С момента пробуждения до отхода ко сну он постоянно находился в руках своих слуг и придворных, даже принимая государственных послов, когда он еще был наполовину скрыт за тяжелыми занавесями своей большой кровати с балдахином. Вероятно, они ждали часами в Салоне де л'Оль де Бёф, прежде чем были допущены к королевскому присутствию.

Именно в этот период министр войны Мишель Шамияр ввел бильярд во Францию через Версаль. Он играл с Людовиком XIV и очень ему нравился, но Шамияр не был государственным деятелем, как показывают история и следующие строки из его эпитафии.

«Ci	git	le	fameux	Chamillard
De	son	Roy	le	pronotaire
Qui	fut	un	heros	au
Un	zero	dans	le	Ministère».

Эта квартира в Œil de Bœuf была древней Cabi du Conseil. Это прекрасно декорированная квартира, и ее обстановка, помимо той, которая фактически встроена в структуру здания, также отличается великолепием и хорошим вкусом, что, к сожалению, не везде можно заметить в огромном дворце Людовика XIV. Одно только украшение камина сделало бы любую большую комнату интересной и хорошо обставленной, а большие золотые часы, искусно высеченные и блестяще отполированные, являются, пожалуй, самыми прекрасными французскими часами, которые когда-либо видели, поскольку по своему стилю они знаменуют переход от стиля Людовика XIV к стилю Людовика XV.

Версаль сегодня во многих отношениях далеко не соответствует идеалу; его огромные размеры и пустота значительно снижают ценность исторического наследия, которое дошло до нас. Несомненно, можно было бы внести изменения к лучшему, и в последнее время много говорится об этом, в частности, о вырубке некоторых из недавно выросших деревьев (), которые испортили классический вид парка, и об удалении тех уродливых конных статуй, которые были установлены монархией июля.

Версаль лишь на мгновение привлек внимание Наполеона. Он едва ли знал, хочет ли он сделать его своим домом, но приказал своим архитекторам составить сметы на некоторые проекты, которые он задумал, и когда получил их, был настолько потрясен их масштабом, что сразу же отказался от любой идеи сделать его своим жилищем.

Революция полностью опустошила дворец; неудивительно, что император отступил перед стоимостью его восстановления. Наполеон, возможно, сожалел об этом, поскольку он неоднократно упоминал Версаль во время своего изгнания на острове Святой Елены, но тогда было уже слишком поздно.

Луи-Филипп трезво оценил возможную пользу, которую этот огромный комплекс мог принести его семье, и соответственно потратил много денег на обширные яркие настенные украшения, которые сохранились до наших дней, думая сделать его выставочным местом, над которым мог бы господствовать гений его сыновей.

Эти гектары бессмысленных сцен сражений, алжирских войн и прочего являются характерным проявлением «гражданина-короля» (), чья любовь к красному плюшу, зеленой реппе и диванам из конского волоса была заметна. То, что он сделал в Версале, было почти таким же вандализмом по отношению к искусству, как и то, что было совершено во время Революции.

Последняя сцена: под великолепным балдахином Лебруна, где богиня Славы коронует статую Людовика XIV, а немецкий орел сидит на оголенном стволе дерева, крича от боли и отчаянно махая крыльями, Вильгельм Прусский был провозглашен императором Объединенной Германии. Это было почти столь же большим унижением, как и то, которое когда-либо пережила Франция; единственным более значительным было то, когда пруссаки прошли через Триумфальную арку. Это было и остается для французов — во всяком случае, для парижан — вершиной горя.

Упомянутые апартаменты — это Большой Зеркальный зал (или Галерея Людовика XIV), который считается одним из самых великолепных залов своего рода во всем мире. Его длина составляет почти 250 футов, ширина — почти 40 футов, а высота — 43 фута. Он освещается семнадцатью большими арочными окнами, которые соответствуют арочным нишам на противоположной стене, заполненным зеркалами — отсюда и название.

Шестьдесят коринфских колонн из красного мрамора с основанием из позолоченного бронзового капителя () заполняют промежуточные пространства между стенами. Сводчатый потолок, созданный Лебруном, разделен на восемнадцать небольших отсеков и девять гораздо более крупных, в которых аллегорически представлены основные события истории Людовика XIV, от Пиренейского мира до Нимвегенского.

Именно в этом великолепном зале Людовик XIV демонстрировал величие королевской власти в ее высшей степени, и роскошь того времени, великолепие двора были таковы, что его огромные размеры едва могли вместить толпу придворных, теснившихся вокруг монарха.

В этом великолепном зале проходили несколько роскошных празднеств, из которых самыми блестящими были свадьба герцога Бургундского в 1697 году и праздник по случаю прибытия Марии-Антуанетты.

Ниже приведены три описания этого исторического дворца.

ВЕРСАЛЬ ДАВНИХ ВРЕМЕН. Именно в Версаль вернулся *Великий Король* после своей суровой погони за испанцами через Фландрию; через лес Сен-Жермен и по тем ужасным булыжникам, которые сегодня так хорошо знакомы парижанам, катилась позолоченная *каре́та* короля. О его прибытии уже сообщил гонец, который также привез новости о последней победе. Дворцовые слуги и простой народ толпились на улицах города (), пытаясь занять хорошее место, с которого можно было бы увидеть прибытие короля. Интенданты и слуги раздавали со всех сторон приказы, часто противоречивые, а садовники приводили в порядок аллеи и клумбы, готовясь к приезду *Его Величества Людовика XIV* и всего его маленького мира () спутников. Все вокруг бурлило величественным оживлением, и *буржуазия* веселилась от души, забираясь даже на крыши и фронтоны домов за пределами дворцовых ворот.

Наконец, *Король-Солнце* прибыл в свой «возлюбленный город Версаль». «Он прибыл в облаке золотой пыли», — писал один из современников, и любой, кто видел Версаль, пылающий и без деревьев посреди долгого жаркого лета, поймет, как это было в тот раз.

Грохотали пушки, и повсюду слышались звуки веселья и приветственной радости.

ВЕРСАЛЬ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Мрачный гул пушек доносился из столицы через извилины Сены. Упрямые парижане не хотели ничего понимать; они были готовы пролить реки крови. Национальные войска были практически бессильны; трудно стрелять в своих родных и близких в любое время, а тем более, когда твоя родина еще не освобождена от жестокого врага. Это было время Коммуны. Движение в Версале было настолько интенсивным, что передвигаться было почти невозможно. Несмотря на унылый апрельский дождь, город был полон людей всех сословий и положений. Толпа была в лихорадочном оживлении, но без радости. Конвой заключенных прошел между двумя рядами солдат с вынутыми штыками. Это были французы, но они были коммунарами. Через мгновение они оказались за решетчатыми дверями казарм, которые должны были стать их тюрьмой, скученные как стадо овец, идущих на заклание. Сам Версаль, дворец и город, по-прежнему были печальны. Дождь все еще лил как из ведра.

ВЕРСАЛЬ СЕГОДНЯ. Розы, бегонии, герани, последние остатки долгого жаркого лета, все еще источали свои ароматные воспоминания над парком Версаля. В длинных, строгих аллеях с деревьев уже опало несколько листьев, покрывая зеленый газон и гравий, как *восточный ковер*, красным, зеленым и золотым.

Флора и Вакх в своих фонтанах казались менее реальными, чем когда-либо, более мрачными под бледным, просачивающимся сквозь деревья светом. Несколько разбросанных посетителей крались вокруг Трианона, Колоннады и *Боске Аполлона*, а птицы леса уже думали о своем зимнем убежище. Версаль все еще был печален. Последние лучи заходящего солнца отражались золотом от окон замка, и вскоре серебристо-голубой покров сентябрьского сумерек опустился, как занавес из марли.

Версаль, Версаль былых дней, ушел навсегда. Кто пробудит его эхо в последующие годы? Когда Трианон снова пробудится к жизни с кокетством королевы? Когда город *Короля-Солнца* вновь обретет свое гордое величие?

Солнце зашло, большие железные ворота двора закрыты, дворец и все в нем спит.

«Allon nous en d'ici: laissons la place aux ombres».

ГЛАВА XVI

САДЫ ВЕРСАЛЯ И ТРИАНОНЫ

Версаль без своего мраморного двора, фонтанов, садов и парка, а также сопутствующих Большого и Малого Трианонов вряд ли имел бы ту привлекательность, которой он обладает сегодня.

Этот ансамбль более обширен и разнообразен, чем что-либо другое, хотя его облик несколько изменился по сравнению с тем, что было в старину, а толпы посетителей по воскресеньям и праздникам придают дворам и аллеям вид современного развлекательного курорта.

Сады Версаля были лишь обрамлением княжеского жилища, созданного для удовлетворения потребностей двора, который стремился делать все с размахом. Все было спроектировано с самыми великолепными очертаниями; все было по-настоящему королевским — архитектура, садоводство, праздники, приемы и прогулки. Какая обстановка могла бы быть более подходящей для жизни того времени?

Город Версаль никогда не процветал, и никогда не был достаточно привлекательным, чтобы стать популярным пригородом; и хотя сегодня его население превышает полста тысяч человек, он никогда бы не существовал, если бы не дворец Людовика XIV.

Если бы не дворец и его атрибуты, Версаль не оставил бы никаких воспоминаний у посетителей, за исключением тех, кто хорошо пообедал в отеле «Де Резервуар» или «Трианон». Это, конечно, не все, но это уже что-то, даже если речь идет об историческом паломничестве.

Еще во времена Людовика XVI вкусы народа менялись, и Версаль пренебрежительно называли миром автоматов, холодных, бесчувственных статуй и деревьев и лесов Ноева ковчега. В нем всегда чувствовалась некоторая самоудовлетворенность, как и сегодня, когда парижские толпы выходят посмотреть на водные игры, а туристы восхищаются ложным великолепием и обрывками истории, которые для их удовольствия раздают не слишком тщательные хранители.

Несмотря на все это, ни один здравомыслящий исследователь искусства или истории никогда не будет рассматривать Версаль, дворец и парк, иначе как великолепную и впечатляющую демонстрацию вкуса той эпохи, в которой он был спроектирован, построен и в которой в нем жили.

Версаль был заложен в 1624 году Людовиком XIII, который построил здесь скромный охотничий домик для последователей Святого Губерта, главой которых он был. Это сооружение было настолько скромным, что монарх называл его просто «*petite maison*» (маленький домик) и оплатил его из собственного кармана, что было довольно редким явлением в ту эпоху.

Критик Бассомпьер назвал его «*chetif chateau*», а Сен-Симон — «карточным домиком». Очевидно, что это было нечто незначительное. Однако это был уютный загородный дом, окруженный садом и более просторным парком.

Луи XIII выбрал в качестве архитектора не Лемерсье, ведущего гения Лувра того времени, а неизвестного архитектора по имени Ле Руа.

Буасо проложил первоначальные *партеры* с центральным бассейном на пересечении двух широких аллей. Каждый из четырех образованных таким образом отсеков был украшен *бродериями* и подстриженными живыми изгородями, а открытые пространства были искусно заполнены разноцветным песком или землей. *Партер* с цветами непосредственно примыкал к дворцу, а примитивные аллеи и аллеи тянулись к лесу. Хотя этот проект был разработан Бойсо, на самом деле его выполнил его племянник Жак де Менур, который с трудом получал свою зарплату. Его бухгалтерские книги показывают, что за пять лет, с 1631 по 1636 год, он получал только один раз в год сумму от 1500 до 4000 *ливров*, в то время как за тот же период король потратил на остальные работы в Версале 238 000 *ливров*, 32 *соля* и 6 *дени*, что составляет почти 1 100 000 франков по сегодняшнему курсу.

Первым из внешних украшений дворца Версаля является величественный Королевский двор, или Двор чести, который открывается за длинной железной калиткой, выходящей на Площадь оружия. У подножия этого входного двора находится пристройка, называемая Cour de Marbre. Именно в этом Cour de Marbre 5 января 1757 года произошло печально известное покушение на Людовика XV, совершенное Дамьеном, когда король собирался отправиться в Трианон.

Толстая редингота спасла жизнь королю; но из-за «этого простого укола булавкой», по словам Вольтера, монарх немедленно лег в постель и пять раз подряд искал отпущения своих грехов. В те дни грехи тяжким бременем лежали даже на королевских головах.

Дамьен был недалеким, суеверным камердинером, который, более или менее преследуемый знатными работодателями, у которых он служил в разное время, искал мести не им, а их королю, как символу всего гнилого в социальной иерархии. Луи, до этого известный как «*Bien Aimé*», внезапно стал непопулярным из-за катастрофической войны с Англией и Германией и расточительного расходования государственных денег.

Cour de Marbre, Версаль

За дворцом простираются знаменитые сады, *партеры*, *зеленый ковер*, фонтаны и большой канал, а справа находится парк Трианон.

Удача улыбнулась Людовику XIV, когда он нашел Андре Ле Нотра, ибо именно он, а не кто-либо другой, начертил общие линии будущего сада Версаля. Он щедро обрушился на парк и лес, окружавшие поместье Людовика XIII, и расширил сад до пределов своей изобретательности. Изменения происходили быстро, и с 1664 года *партеры* и зеленые насаждения приобрели совершенно новые формы и эффекты. Партер резервуаров стал Партером Севера, а аллея из четырех рядов лип окружила парк со всех сторон. Партер цветов, или Сад короля, между замком и Оранжереей, был заново разбит.

К следующему году парк начал приобретать однородность, которой ему до сих пор не хватало. Был выкопан большой Рондо, как его называли, который позже стал Бассейном Дракона, а также был запланирован Нижний сад, или Новый Партер, с овальным углублением.

На одном конце парка находился знаменитый Menagerie du Roy, где редкие и экзотические животные, собранные монархом, имели «дворец, более великолепный, чем дом любого другого животного в мире». Это был первый период строительства формальных садов в Версале, а также период, когда был дан первый большой импульс скульптурному убранству.

В 1679 году, после путешествия по Италии, Ле Нотр возобновил работу над садами Версаля, посвятив себя южной части дворца, которая до этого была игнорирована. Это был самый плодотворный период в творчестве Ле Нотра.

Творчество в Версале можно разделить на две отдельные эпохи: до 1670 года и после. После щедрого проекта Ленотра король и королева, по-видимому, никогда не были удовлетворены бесконечным планированием и посадкой растений, которые велись под окнами дворца, и во многих случаях меняли цветовую гамму и даже очертания первоначальных замыслов Ленотра.

Сегодняшний Версаль уже не является Версалем Людовика XIII, по крайней мере, что касается фактического расположения деталей. Тогда было очень мало зеленой травы и много песка и гравия, что было характерно для садов XVII века. Это относится в основном к общему впечатлению, поскольку Ле Нотр широко использовал окружающую аллею из лип, каштанов и вязов, отличавшуюся величественным и патриархальным великолепием, которая впоследствии была вырублена и заменена более мелкими породами деревьев или не заменена вовсе.

Как только были запланированы декоративные сады в Версале, был создан Potager du Roy, или фруктовый и овощной сад. Этот сад существует и сегодня, практически сохранив свои прежние очертания. Здесь достаточно влажная, но в то же время достаточно хорошо дренированная почва в немалой степени способствовала успеху этого самого знаменитого из всех огородов, которые когда-либо существовали в мире.

Немедленно были начаты работы по установке дополнительной системы искусственного дренажа, и был создан Eaux des Suisses, который заменил бывший застойный пруд поблизости. Несомненно, это была грандиозная работа, как и все проекты, запущенные в Версале, но, как и другие, она была быстро и успешно завершена. Подробности истории этого королевского огорода полностью изложены в работе, опубликованной в 1690 году сыном дизайнера, аббатом Мишелем де ла Кентиньи, в двух объемных томах. «Было уместно, чтобы королевский огород был спроектирован «джентльменом-садовником», — сказал верный биограф в своем предисловии, и как таковые этот человек и его работа должны быть рассмотрены здесь.

Работа была выполнена благодаря совместным усилиям талантливого человека и значительным денежным затратам, предоставленным Ла Кентинье его королевским повелителем, которому оставалось только погрузить руку в сундуки королевской казны и извлечь из них золото. Критики говорили, что способности Ла Квинтиньи ограничивались подготовкой почвы и проектированием сада, а не его фактическим выращиванием, но в любом случае именно он сделал этот сад возможным.

Ла Кентин принял метод Арнольда д'Андилли по посадке фруктовых деревьев *в виде шпалер*, привязывая их к стенам, и для этого разделил садовый участок площадью восемь гектаров (двадцать акров) на множество подразделений, окруженных стенами, чтобы максимально увеличить доступное пространство для *шпалер*. Кроме того, эти же стены служили укрытием для некоторых сортов, которые были посажены в непосредственной близости от них. Если этот Potager du Roy и не был первым садом такого рода, то он, безусловно, был одним из самых обширных и успешных на тот момент.

Большие террасы шириной не менее двух метров окружали центральный сад, оставляя для него свободную площадь около трех гектаров.

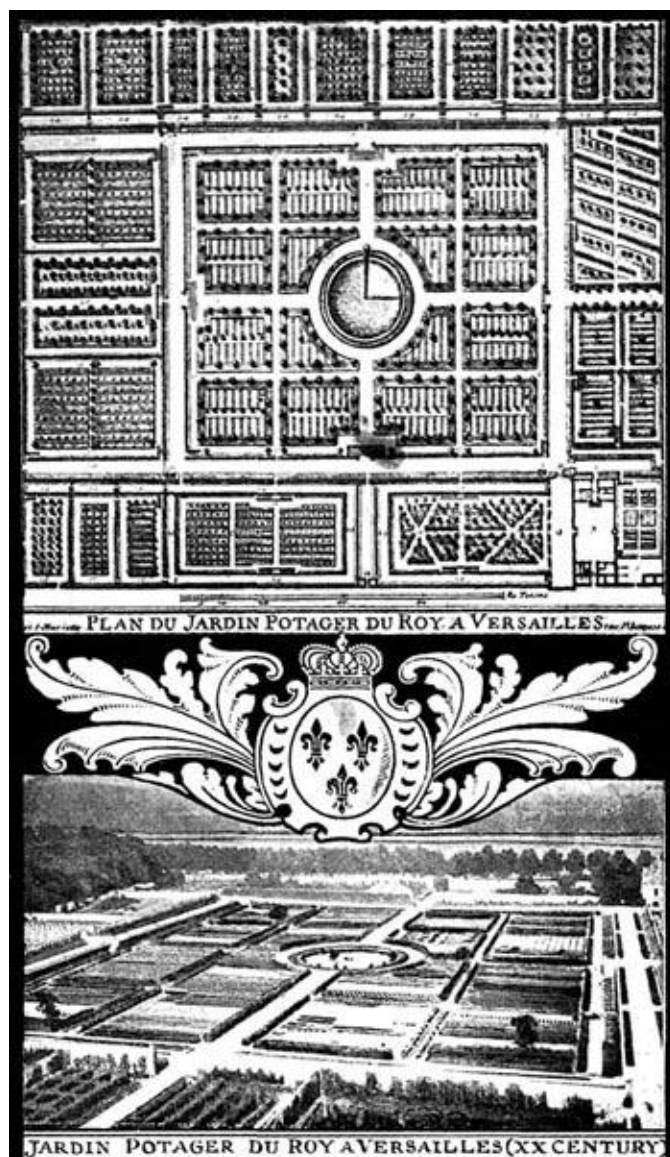
Эти террасы были разделены на двадцать восемь отсеков, образуя девять различных видов садов.

Знаменитый садовник Людовика XIV стремился не только получить фрукты и овощи высшего качества и в большом количестве, но и был первым в своем роде, кто выращивал ранние овощи, или *primeurs*, в значительных количествах, и благодаря процессу принудительного выращивания он мог поставить на стол монарха спаржу в декабре, салат в январе (), цветную капусту в марте и клубнику в апреле. Все эти продукты можно найти на парижских рынках и в эти сезоны, но выращивание *ранних овощей* для парижских рынков стало крупной отраслью с тех пор, как оно впервые началось в Версале.

О спарже Ла Кентин сказал: «Это овощ, который могут позволить себе есть только короли».

Potager du Roy был заложен в 1678 году и завершен в 1683 году. В общей сложности он стоил один миллион сто семьдесят тысяч девятьсот восемьдесят три *ливры*, из которых четыреста шестьдесят семь тысяч триста шестьдесят четыре были потрачены на строительство кирпичных и каменных стен, ограждений и дренажных систем. Его ежегодное содержание (1685) составляло двадцать тысяч девятьсот девяносто девять *ливров*. Эти усилия принесли большую пользу его создателю, поскольку по завершении этой работы Ла Кентинье получил дальнейшие заказы аналогичного характера от принца де Конде, герцога де Монтансье, Кольбера, Фуке и других.

Этот огород в Версале был настолько великолепен, что в 1685 году его посетил дож Венеции, а в следующем году — сиамские послы. Сад сохранился как придаток Версаля до наших дней. На протяжении двух столетий его продукция поступала в «Service de Bouche» главы государства, то есть на королевский стол, но в 1875 году министр сельского хозяйства разместил там Французский национальный колледж садоводства, который сегодня, расширив сферу деятельности, включил в этот знаменитый сад декоративные растения и деревья. Тем не менее, общие очертания были сохранены, хотя некоторые террасы исчезли, как и многие стены первоначального ограждения, что привело к уменьшению количества садовых участков; фактически осталось только шестнадцать четко обозначенных садов, включая Clos aux Asperges.

Потажер дю Руа, Версаль

Общие черты дизайна садов Ле Нотра и Бойо в Версале можно заметить и сегодня, но, если что-то и можно сказать, то это то, что уход за садами едва ли соответствует тому, что было во времена Людовика XIV, и, по-видимому, на Версаль обрушилась катастрофа, пока пишутся эти строки.

Военные власти выделили под лагерь воздухоплавателей около 25 акров парка недалеко от Роккура. Это одна из самых красивых частей парка, затененная великолепными деревьями, которые, по-видимому, придется срубить, поскольку, если их оставить, они, безусловно, будут мешать маневрированию военных самолетов, дирижаблей и воздушных шаров.

В то время, когда вырубка лесов признана одной из величайших опасностей, угрожающих процветанию страны, одним из последствий которой являются такие наводнения, как те, что недавно опустошили Париж и долину Сены, прискорбно, что лес, окружающий Версаль, будет уничтожен.

Кроме того, реализация проекта означает потерю доходов для государства, которое в настоящее время получает около шестидесяти тысяч франков в год от аренды этой части парка под сельскохозяйственные нужды.

Таким образом, как по материальным соображениям, так и потому, что Версаль и его окрестности должны быть сохранены в неизменном виде как благородная реликвия одного из величайших периодов французской истории, одно из самых прекрасных творений французского гения, проект, приписываемый военным властям, является недальновидным. Уменьшение привлекательности Версаля, безусловно, оказалось бы неразумной политикой, поскольку поток туристов, который является главным источником прибыли для Версаля и его населения, неизбежно был бы перенаправлен в другое русло.

Не так давно была создана Société des Amis de Versailles с целью сохранения его художественных и природных красот. Правительство одобрило эту организацию, и есть нечто восхитительно ироничное в том, что военные власти того же правительства планируют уничтожить то, что общество, созданное Министерством изящных искусств, было сформировано для сохранения.

Еще один современный аспект парка Версаля был отмечен в конце зимы, когда после сильных морозов вся молодежь Парижа, по-видимому, отправилась в Версаль кататься на коньках, но столкнулась с недавно вывешенным объявлением, в котором говорилось:

Защита
De Patiner Par
Arrêté du 17 Decembre, 1849

Эти объявления были размещены повсюду в парке, во дворе, на потайных воротах, на деревьях, везде. Власти были убеждены, что не должно быть никаких вопиющих нарушений приказа 1849 года.

Бассейн Латоны, Версаль

«Понимаете, — сказал один из парковых стражей, — *c'est defendu*; но поскольку нас только двое, а толпа очень большая, мы ничего не можем сделать». Это было очевидно. Тысячи людей заполнили Гранд-канал, глубина которого в самом глубоком месте едва превышала метр, и поэтому, несмотря на монархический указ, республиканская Франция по-прежнему катается на коньках по декоративным водам Версаля, когда представляется такая возможность.

«*N'oubliez pas le petit balayeur, s'il vous plait*» («Не забывайте о маленьком дворнике, пожалуйста») слышалось так же часто, как «*Allez vous-en*» («Уходите»).

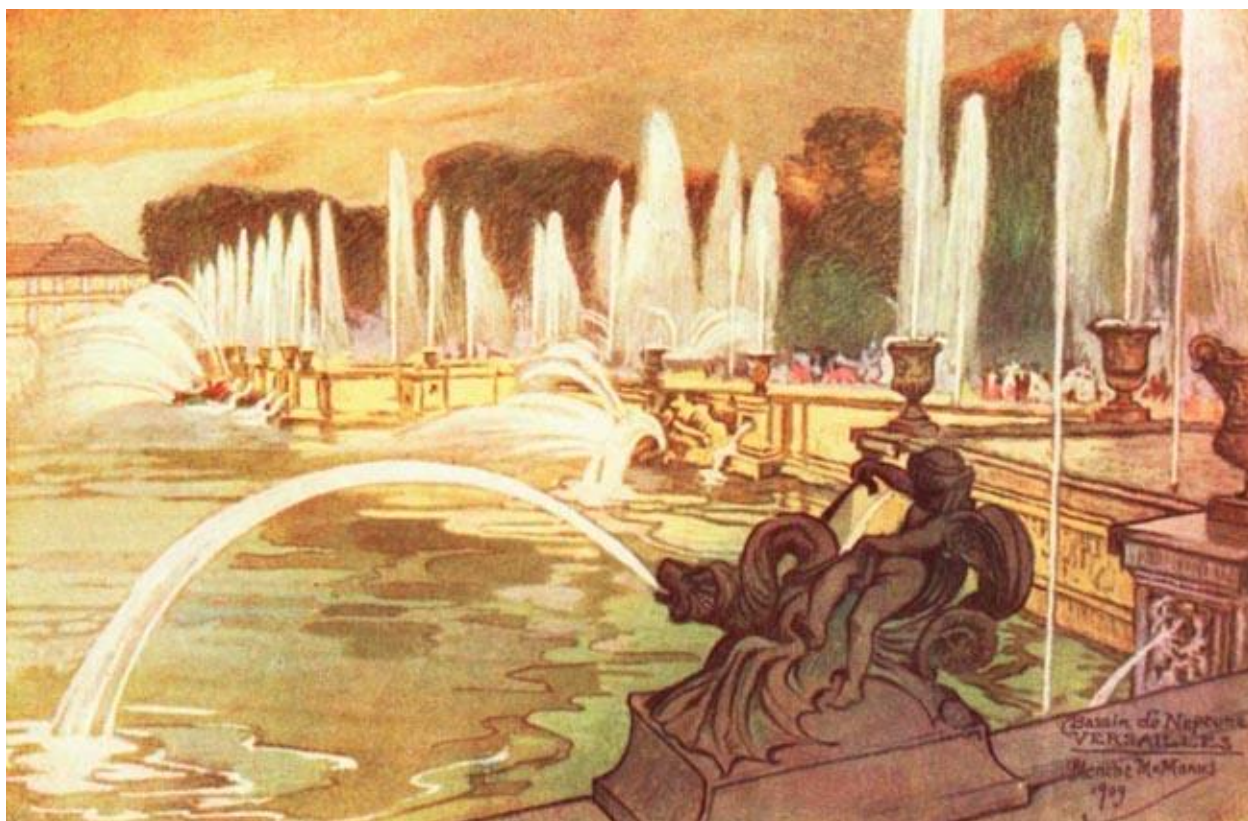
В целом это было довольно живописное зрелище. Густой туман висел над теперь белым «Tapis Vert», а обнаженные фигуры Bassin d'Apollon были одеты в мантию снега, в то время как статуи в белых одеждах Allée Royale, , как можно было легко поверить, дрожали, когда мимо проходили люди.

Фонтаны Версаля, «Grands Eaux» и «Petits Eaux», которые «время от времени» выбрасывают струи воды в воздух для удовольствия «хороших пап» Парижа и их детей, являются явно популярными объектами и имеют художественную ценность, не меньшую и не большую, чем большинство садовых аксессуаров искусственного порядка. Тот факт, что «игра» этих фонтанов обходится примерно в десять тысяч франков, кажется, является главным воспоминанием, которое остается о них в работе, если не считать толпы, которые делают приход и уход настолько неудобными.

Оранжерея находится чуть ниже террасы Партер-дю-Миди, и в ней растут более тысячи неплодоносящих апельсиновых деревьев. Утверждается, что они являются потомками деревьев XV века, но это вызывает сомнения.

Большой водоем, известный как Eaux des Suisses, был выкопан швейцарской гвардией Людовика XIV для орошения Potager du Roy и в качестве декоративного элемента, имеющего большое значение для той части сада, которая выходит на 1400-футовый фасад дворца.

Еще дальше, в направлении Буа-де-Сатори, после пересечения Tapis Vert, находятся знаменитые Bassins de Latone и Apollon, Bassin du Miroir и, наконец, Гранд-канал, одна поперечная ветвь которого ведет к Менужери (ныне государственная конезавод), а другая — к Трианонам.

Фонтан Нептуна, Версаль

Спутниковые дворцы, известные как Большой и Малый Трианоны, как и сам Версальский дворец, представляют такой огромный исторический интерес, что было бы бесполезно пытаться более чем просто намекнуть на их относительный ранг и облик.

Довольно раскинутая одноэтажная вилла в форме подковы, построенная Людовиком XIV для мадам де Ментенон и известная как Большой Трианон, была архитектурной концепцией Мансара.

Стоит отметить, что сегодня Большой Трианон находится в более совершенном состоянии, чем когда-либо в прошлом, поскольку недавние реставрационные работы устранили некоторые явно неуместные вставки.

Благодаря М. де Нолаку, консерватору Версальского музея, было достигнуто это удачное улучшение, и замечательное произведение Мансара вновь стало таким, каким оно было во времена мадам де Ментенон и позднее Наполеона I.

Несмотря на все это, сегодняшний Трианон не является тем, чем он был в XVIII веке. «Мадам де Ментенон, — сказал де Мюссе, — сделала Версаль молельней (), а Ла Помпадур

превратила его в будуар (). Он также назвал Трианон «крошечным замком из фарфора». Это был также будуар мадам де Монтеспан.

Людовик XV тоже строил или обставлял скромные будуары такого рода повсюду. Он разделил и подразделил на крошечные апартаменты более чем одну великую галерею, в которой его предки совершали великие дела, и оклеил стены обоями или расписал их всеми цветами радуги, или обтянул шелком или бархатом.

«Не находите ли вы, что моя маленькая квартира отличается хорошим вкусом?» — спросил он однажды графиню де Серан в Версале.

«Вовсе нет, — ответила она, — я бы предпочла, чтобы стены были оклеены синей бумагой».

Эта конкретная квартира была розовой, но, поскольку синий был любимым цветом монарха, ответ был лишь лестным. В следующий раз, когда его подруга, графиня, появилась на сцене, квартира была полностью переделана в синий цвет.

Вскоре монарх начал обращать свое внимание на сады. Беседки, лабиринты, вазы и статуи были необъяснимым образом смешаны, как в лабиринте. Он начал испытывать «пасторальную почечную болезнь», как сказал его биограф, мода, которую мадам дю Барри и Мария-Антуанетта со временем довели до предела.

Король был слишком готов восхищаться всем, что ему предлагали, и конечный результат был... ну, противоположным тому, на что он надеялся, хотя, несомненно, он этого не осознавал.

Малый Трианон

В саду Большого Трианона находится большой бассейн с каскадом, стекающим по своеобразному высокому алтарю из красного и белого мрамора, называемому Buffet de l'Architecture и созданному Мансаром. Этот архитектор, безусловно, добился гораздо

большого успеха со своими чисто архитектурными концепциями, чем с вставленными декоративными элементами, призванными разбавить формальный ландшафт.

Малый Трианон, гордость Людовика XV, был спроектирован архитектором Габриэлем, а его правящей богиней была Мария-Антуанетта. Сувениров, связанных с несчастной королевой, много, но зрители, очевидно, скучают по своим обязанностям и торопят вас по апартаментам с минимальными церемониями, чтобы снова спокойно дремать в своих углах.

Сад Малого Трианона — это настоящий *Jardin Anglais*, то есть декоративная часть, где вместо величественных линий формального сада, разбитого по-французски, встречаются изгибы и кривые, столь же бессмысленные, как те, что можно увидеть на банкнотах, и не более декоративные.

Гамо, где находится молочная ферма, на которой королева играла в домохозяйку и пастушку, находится прямо за этим маленьким дворцом и выглядит настолько театрально и нереально, что может служить кулисами и фоном для пасторальной пьесы.

Недалеко от Версаля находился замок Кланьи с садом, разбитым Ле Нотром, который вполне мог соперничать со многими более известными. Мадам де Севинье писала о нем: «Это дворец Армиды; вы знаете манеру Ле Нотра; здесь он проявил себя с лучшей стороны».

Монастырь Реколетт, расположенный прямо напротив Буа-де-Сатори, был построен Людовиком XIV из соображений *религиозного* уважения () к монахам, которых он выселил из здания, стоявшего на участке, который был необходим для дворцовых садов. Замки Нуази и Молино также были связаны с Версалем.

Остальные окрестности и принадлежности Версаля являются лишь дополнительными деталями упомянутых здесь основных особенностей. Даже перечислять их бесполезно, поскольку все они описаны в путеводителях.

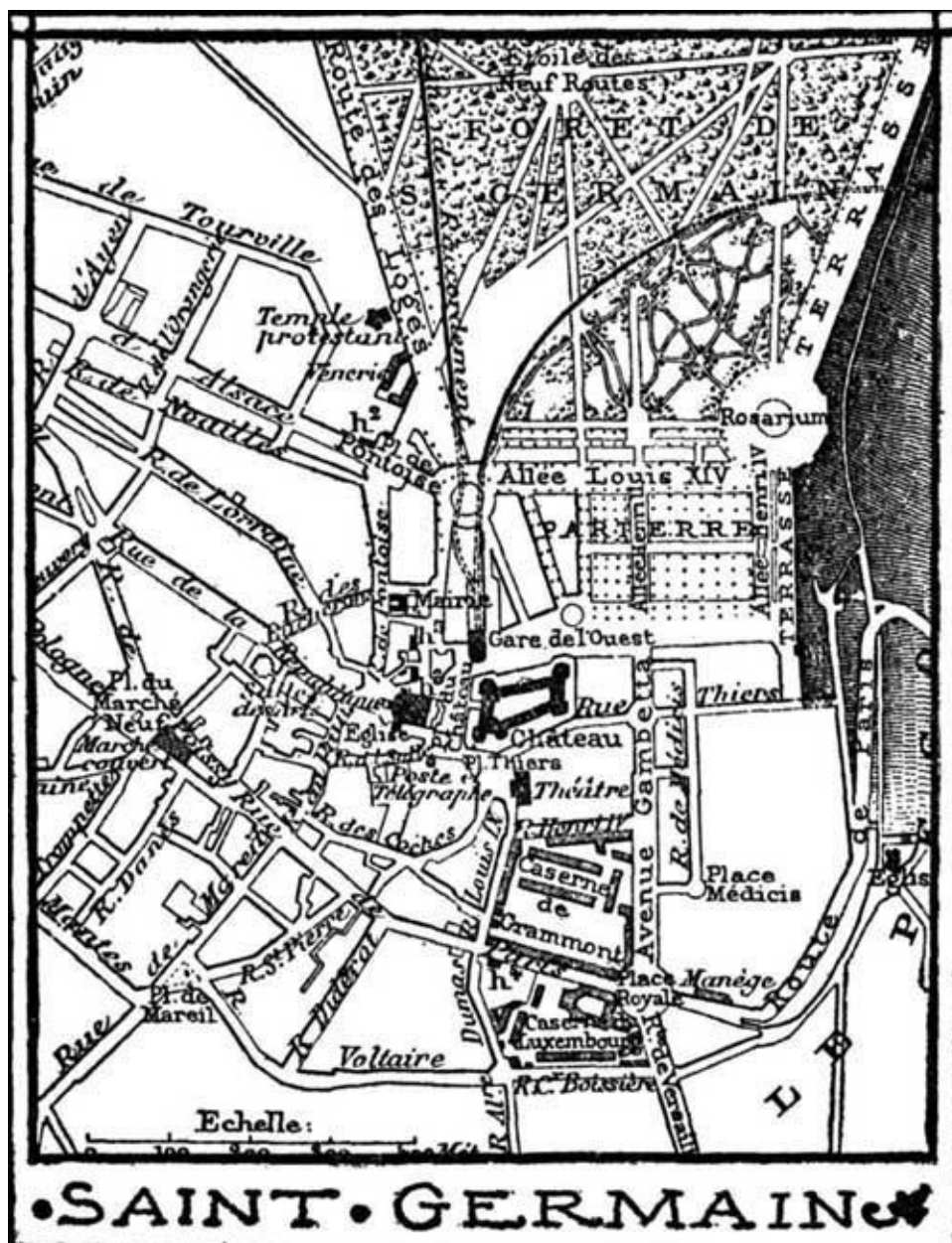
ГЛАВА XVII

СЕН-ЖЕРМЕН-АН-ЛЕЙ

Сен-Жермен не имеет такой популярности, как Версаль, и такого очарования, как Фонтенбло, но он более доступен, чем оба эти места, и, хотя он менее известен и менее посещаем широкой массой туристов, тем более он привлекателен.

Сен-Жермен, замок, город и лес расположены в великолепном месте. За ними простирается лесистый фон, а перед ними извивается Сона, которая в летнем солнечном свете представляет собой панораму, не имеющую себе равных на земле. По дну реки пролегают широкие, усаженные деревьями дороги, прямые, как пословица о полете стрелы, а на горизонте, глядя со знаменитой террасы, сегодня можно увидеть силуэт Парижа с Эйфелевой башней и куполом Сакре-Кер в качестве кульминационных точек.

Сам город уродлив и плохо вымощен, а драгуны в тяжелых сапогах издают ужасный шум, когда они днем и ночью стучат копытами по дороге, направляясь в кавалерийские казармы и возвращаясь из них. Ни , ни мчащиеся автомобили, направляющиеся в Трувиль и Дьепп по «Route des Quarante Sous», не являются приятной особенностью. Однако все это можно игнорировать, потому что то, что остается, обладает непревзойденным очарованием.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

Сен-Жермен-ан-Ле в первые этапы истории Франции был лишь обширным лесом, который при Карле Великом перешел во владение монахов аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Первый королевский дворец здесь был построен королем Робертом в X веке, практически на месте нынешнего здания. В XI веке появилось еще одно королевское жилище, а в XII веке Людовик Гро построил замок-крепость для защиты королевской резиденции и монастыря. Это не помешало Черному Принцу почти сжечь их во время одного из своих смелых набегов, но к 1367 году Карл V восстановил «замок» Сен-Жермен-ан-Лэ.

Англичане принудили монаха из соседнего монастыря в Нантере выдать набор поддельных ключей, с помощью которых были тайно открыты большие ворота замка, и на некоторое время потомки Завоевателя завладели им.

Постройка Карла V никоим образом не удовлетворяла художественным амбициям Франциска I, и в 1539 году монарх поручил архитектору Пьеру Шамбижу реконструкцию замка, сохранив только Сент-Шапель Сен-Луи и донжон.

Строительство, должно быть, шло с чрезвычайной быстротой, поскольку к моменту смерти архитектора в 1544 году оно достигло почти уровня крыши.

Преемником Шамбижа стал его зять Гийом Гийен, который, не изменяя первоначального плана, завершил работу в 1548 году.

Сен-Жермен, над первым этажом, по сути является кирпичным сооружением, но даже сейчас, как и задумывал Шамбиж, оно выглядит как здание, основными конструктивными элементами которого являются нижние несущие стены и каменные контрфорсы, связывающие между собой более легкую конструкцию, или заполнение, выше. Несмотря на то, что Сен-Жермен является воплощением эпохи Возрождения, он не имеет ни малейшего сходства с итальянскими сооружениями и должен рассматриваться исключительно как достижение французского гения.

Это здание Франциска I было скорее крепостью, чем дворцом, несмотря на его декоративные особенности, и Генрих II, желая чего-то более роскошного для королевской резиденции, начал то, что историки и ученые знают как Шато-Нев — дворец, который сегодня возвышается на холме с видом на извилистую Сену, к которой изначально спускались террасы садов.

В основном это сооружение обязано своей известностью Генриху IV, поскольку ранее работы велись прерывисто и очень медленно. Генрих IV довел работу до конца и сделал замок своим любимым и самым продолжительным местом проживания, как, впрочем, и его преемник.

Именно Шато-Неф времен Генриха IV сегодня известен как Дворец Сен-Жермен-ан-Лэ. От Старого замка остались только отдельные фрагменты стен и груды обломков, павильон Генриха IV и, частично, старая королевская капелла.

Фактически, современная постройка включает в себя часть Отеля Павильон Генриха IV, которая используется как ресторан.

Генрих IV и Людовик XIII придали Сен-Жермену первую большую *известность* как пригородному месту пребывания, и из приездов и отъездов двора того времени постепенно вырос нынешний город с двадцатью тысячами жителей; не все из них были придворными, как можно узнать из воспоминаний о некоторых фактах современной истории.

В те дни, когда Мазарини фактически держал в руках бразды правления, двор часто находился в Сен-Жермене. Людовик XIV родился здесь и до появления Версаля и Марли сделал этот город своей главной резиденцией.

Именно в одном из великолепных апартаментов, расположенных посередине между угловыми башнями фасада, Людовик XIII закончил свою несчастную жизнь в 1642 году. Его собственный частный оркестр сыграл «De Profundis» его собственного сочинения, чтобы сопроводить его душу в долгом путешествии.

Хроникеры описывают одну из последних бесед монарха следующим образом: «Когда после моей смерти перевезут мое тело в Париж, Лапорт, помни то место, где дорога поворачивает под холмом; это ухабистая дорога, Лапорт, и она наверняка будет сильно трясти мои кости, если кучер не будет ехать медленно».

Те, кто в последнее столетие путешествовал по дороге из Парижа в Сен-Жермен, поймут необходимость этого предупреждения.

Людовик XIV, в отличие от Людовика XIII, ненавидел Сен-Жермен донельзя, потому что с террасы были видны башни аббатства Сен-Дени, где он был обречен однажды быть похороненным. Людовик XV не был столь придирчив, поскольку был настолько мрачен, что, по его собственным словам, любил даже запах свежевыкопанных могил.

Прибытие Анны Австрийской и королевской семьи в Сен-Жермен во время войны Фронды было одним из самых драматических событий того периода. Они ехали полночи из Пале-Рояль, но обнаружили, что дворец, который их ждал, не отапливался и не был меблирован, хотя было середина января. Всегда мрачный и унылый, в этот раз он казался особенно безрадостным. Мазарини не подготовился к прибытию королевы: в дворце не было ни кроватей, ни столов, ни постельного белья, ни слуг, ни прислуги, только охранники. Королева была вынуждена отдыхать от усталости на складной походной кровати без какого-либо покрывала. Принцы оказались в не лучшем положении, они спали прямо на полу.

На стенах и потолках было много зеркал и позолоченных украшений, но не было мебели. Личных вещей, которые привезли с собой придворные, было мало. Ни у кого не было сменной одежды, ту, что носили в один день, стирали на следующий. Однако королева добродушно улыбалась, несмотря на все это. Она назвала это «приключением, которое вряд ли продлится неделю».

К этому времени весь Париж кричал «*Vive la Fronde*» («Да здравствует Фронда») и «*Mort à Mazarin*» («Смерть Мазарини»), но, как мы теперь знаем, это оказалось чем-то большим, чем небольшое событие, длившееся неделю.

В этот период, когда Анна Австрийская была практически пленницей в Сен-Жермене, вид старого замка на фоне леса был, несомненно, более впечатляющим, чем тот, который мы видим сегодня. Великолепный лес тогда не был скрыт рядами банальных крыш и унылыми серыми бараками и тюрьмами.

В теплые весенние утра сверкающий фасад замка в стиле « » сиял, как бриллиант, на фоне окружающей природы, а лучистые аллеи парка, ведущие от знаменитой террасы, тянулись в бесконечные перспективы, которые были чрезвычайно привлекательными. К счастью, этот эффект не утрачен полностью и сегодня.

Ночью все было так же идиллически, как и днем. Королева и ее дамы, избавленные от унылого присутствия короля, который все еще оставался в Париже, наслаждались непривычной свободой. Концерты, ужины и балы были в порядке вещей, а лунные кавалькады в глубину леса или прогулки пешком по террасе, а некоторые романтически настроенные пары уходили гораздо дальше, придавали придворной жизни подлинный вид «прочь, скучные заботы», что было совершенно невозможно в столице.

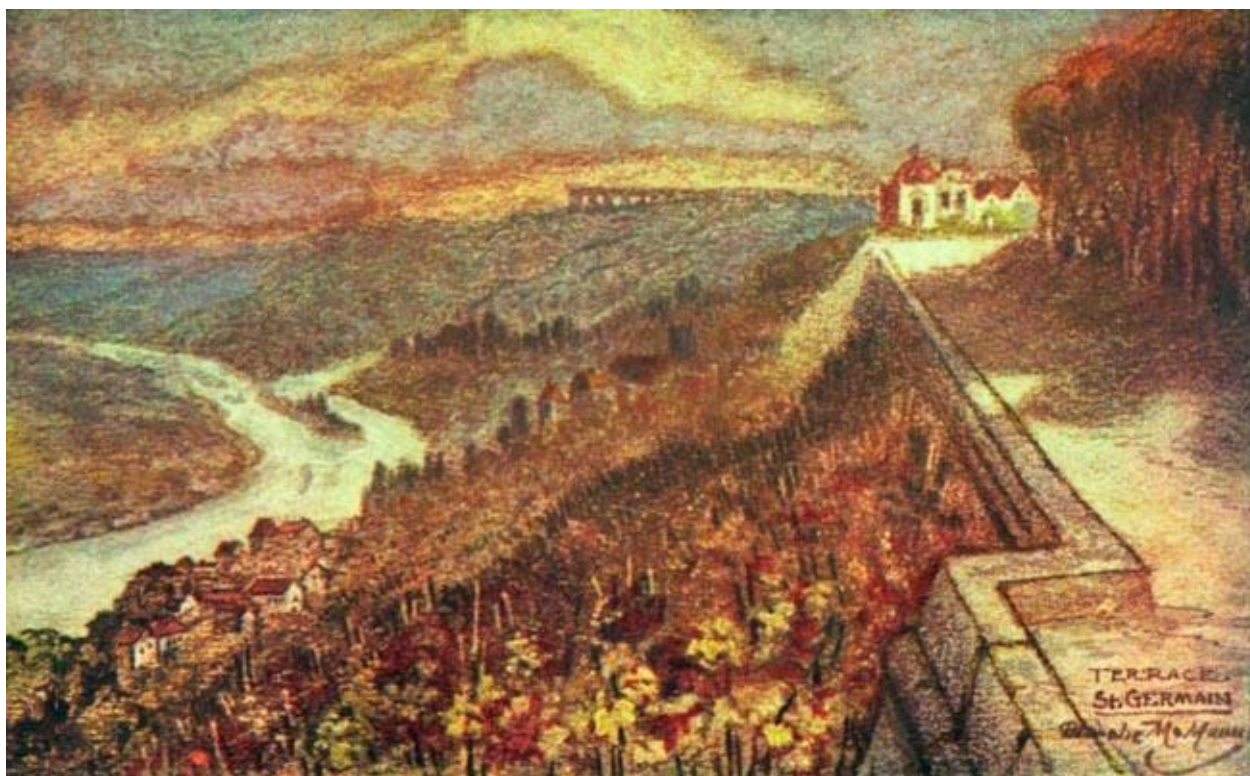
Следующая картина, взятая из придворной хроники, могла бы относиться и к сегодняшнему дню, если принять во внимание сияние myriad ламп, сверкающих в сторону Парижа с наступлением ночи.

«Это редкая лунная ночь. Королева и ее дамы поздно вышли на величественную террасу Генриха IV, которая граничит с лесом и простирается почти на лигу вдоль края возвышенности, на которой стоит замок.

Королева и ее шурин Гастон, герцог Орлеанский, сели в некотором отдалении от остальных, рядом с каменной балюстрадой, с которой открывается вид на крутой спуск к равнине внизу. Виноградники тянутся по склону холма, а далеко внизу течет Сена, плодородное дно реки богато рощами и садами, виллами и огородами. Еще дальше простирается великая равнина, окутанная темными тенями, местами прерываемыми большими пятнами лунного света. От великого города за ней (сегодняшнего Парижа, чьи мириады огней действительно придают ему дополнительный шарм) не видно ни следа. Едва ли один фонарь свидетельствует о наличии живой души на обширной равнине внизу, но луна, высоко в небе, освещает весь пейзаж с удивительной впечатляющей силой, а звезды, возвышающиеся над деревьями леса позади и над холмами, поднимающимися на далеком горизонте, придают ему романтизм и, словно своим мерцанием, обозначают едва различимые башни старого аббатства Сен-Дени слева.

«О, какая прекрасная ночь», — сказала королева своему спутнику. И снова говорит старый летописец. «Может ли мир где-либо еще казаться таким спокойным и мирным?»

Эта так называемая Terrasse de Henri IV — одна из самых великолепных и известных террас в Европе, которая славится как своими размерами, так и прекрасным видом весь панорамный вид на Париж раскинулся перед вами, как на карте, от замка Мейзонс слева до акведука Марли и высот Лувесьенн справа, включая Буа-де-Везине, Мон-Валериан, Монмартр и всю панораму Парижа до Кото-де-Монморанси.

Долина Сены, вид с террасы в Сен-Жермен

Эта терраса также была спроектирована и построена Ле Нотром в 1672 году. Ее длина составляет два с половиной километра, а ширина — тридцать метров. Она поддерживается каменной подпорной стеной, увенчанной балюстрадой. Терраса простирается от павильона Генриха IV до артиллерийской батареи, расположенной в пределах леса. Вход с территории

дворца осуществляется через большие декоративные железные ворота, известные как Grille Royale, от которых аллея из лип ведет к самому сердцу леса.

Еще одно веселое событие в Сен-Жермене — это летний вечер, когда король и придворные развлекались в парке, как только королевские особы и могут развлекаться, когда за них платит кто-то другой. Терраса, гравийные дорожки и аллеи леса вели к очаровательным и уединенным местам для свиданий.

Все были настолько поглощены этим особым случаем (), что весельчаки почти не думали о своем короле, который, оставшись один, нашел четырех фрейлин, болтающих в беседке, и, взяв в доверие любителя проказ Лаузана, подслушивал их в ночной засаде. Они обсуждали танцоров на балу накануне вечером, когда одна из них заявила, что больше всего ей нравится ловкость и грация короля. Это было первое проявление «Ла Вальер», с тех пор как она робко появилась при дворе. Остальное — это идиллия, которая подробно описана во всех учебниках истории, и в этот конкретный момент это была настоящая идиллия, потому что король еще не стал развратным распутником, каким он был в более поздней жизни.

После Анны Австрийской в Сен-Жермене уютное и роскошное убежище нашла Генриетта, вдова Карла I Английского.

С 1661 года Людовик XIV часто бывал в Сен-Жермене и был настолько очарован окрестностями и самим местом, что выделил шесть с половиной миллионов франков из своего гражданского списка, в дополнение к своей регулярной стипендии, на содержание одного только этого дворца. Это было грабежом: современная коррупция бледнеет перед этим; канделябры на вес и письменные столы на квадратный метр были известны еще до появления машинных политиков.

В 1688 году Джеймс II Английский нашел гостеприимное убежище в Сен-Жермене благодаря Людовику XIV и умер в стенах дворца в 1701 году, как и его жена Мария д'Эсте в 1718 году.

Людовик XV и Людовик XVI почти не обращали внимания на Сен-Жермен, и при Империи он стал кавалерийской школой, а позже, при Реставрации, опустившись еще ниже, заслужил лишь название казармы. Кульминацией его падения стало превращение в тюрьму.

Наполеон III, обладая более тонким чутьем, разместил здесь музей, и после периодических реставраций и перестроек, проводившихся с тех пор, дворец теперь приобрел некоторую притязательность на славу. Практически дворец в его нынешнем виде является реставрацией, а не полностью новым зданием, а перестройкой старого, впервые начатой под компетентным руководством архитектора Эжена Милле, который стремился восстановить здание в том виде, в каком оно было при Франциске I. Большая башня была сохранена, но угловые павильоны периода Людовика XIV были снесены в соответствии с этим планом.

В течение сорока лет Сен-Жермен находился в состоянии реставрации, и, как и реставрация Пьерфонда, она поглотила фантастические суммы. Западный фасад был перестроен от часовни до входного портала, а последние павильоны Жана-Батиста Мансара (), которые он построил, чтобы угодить либо своей прихоти, либо прихоти Людовика XIV, были снесены. Сам Мансар убрал старые башенки и балюстраду, которая закругляла углы стен главных зданий, и заменил их серией тяжелых, уродливых мезонетов, больше похожих на бастионы крепости, чем на пристройки к княжескому жилищу.

Двор замка имеет любопытную планировку; «чтобы он мог получать солнечный свет в любое время», — так утверждал его проектировщик. Он тоже был возвращен к тому состоянию, в котором был задуман изначально, и лишен мешающих построек и всякой

всячины, которые вполне служили своему назначению, когда он был казармой или тюрьмой, но которые были осквернением для всего, что носит такое почтенное название, как замок или дворец. Сегодня этот двор выглядит так же, как и в те времена, когда лорды и дамы из свиты Карла IX прогуливались и даже резвились в нем.

Часовня Сен-Луи (1240) примечательна во всех отношениях, особенно своим большим розетковым окном, которое, как обнаружил Милле, было замуровано Людовиком XIV.

Сегодняшний военный музей, который находится в стенах дворца, обладает замечательной коллекцией своего рода, но не имеет тесной связи с историей дворца.

Партер перед дворцом отделен от леса Сен-Жермен тремя богато украшенными железными воротами. Он был переложен, преобразован по проектам, первоначально задуманным в 1676 году Ле Нотром, изменен в 1750 году и значительно уменьшен в размерах и красоте в XIX веке, хотя позже был расширен за счет отвода трех гектаров земли из леса и превращения их в принятую форму английского сада.

Полуостров площадью более десяти тысяч акров, уютно уютно расположенный в одном из больших изгибов Сены в форме подковы, содержит лес Сен-Жермен. Линия, проведенная через шейку полуострова от Сен-Жермена до Пуасси, следуя по Route de Poissy, полностью отрезает этот язык суши, который сегодня так же дик и лесист, как и во времена Франциска, Генрихов и Людовиков.

Дороги и аллеи леса проложены с регулярностью и точностью, и историки записали их длину почти в четыреста лиг, что легко подтверждается при взгляде на любую карту леса.

Высоко на плато располагается этот исторический лес, в основном с сухой и песчаной почвой, с несколькими большими *мамелонами* (друидскими или языческими, в зависимости от случая), возвышающимися над средним уровнем. Франциск I, охотник человек и любитель искусства и природы, многое сделал для сохранения этого великого леса, а Людовик XIV в свое время развил систему дорог и троп, «главным образом для облегчения охоты», как гласит история, хотя это трудно понять. В любом случае, лес остается сегодня самым обширным нетронутым местом отдыха своего рода в окрестностях Парижа.

В этом лабиринте троп и аллей находится много известных исторических мест: Chêne Saint Fiacre, Croix de Noailles, Croix Saint Simon, Croix du Main (возведенный в 1709 году в честь сына Людовика XIV), Étoile des Amazones, Patte d'Oie, Chêne du Capitaine и многие другие, которые постоянно упоминаются в истории дворца, леса Сен-Жермен-ан-Лэ и аббатства Пуасси.

Лес не полностью отделен от мирской жизни, поскольку иногда слышно слабое эхо железной дороги Руана, гудок речного буксира, доставляющего уголь в Париж, резкие звуки автомобильных клаксонов или гудок парового трамвая, мчащегося по главной дороге, по которой раньше ездили королевские кареты и кареты придворных. Этот контраст не вызывает особого раздражения, но железная дорога угрожает проникнуть еще глубже, поэтому трудно предсказать будущее, которое ждет древние дубы, вязы и ореховые деревья () (), составляющие этот вековой лес. Их возраст не всегда приближается к возрасту великих деревьев Фонтенбло, и на самом деле лес ни в коем случае не является таким же уединенным, как когда-то. Одна из самых знаменитых и, безусловно, одна из самых зрелищных дуэлей в истории произошла в парке Сен-Жермен-ан-Лэ.

Ги Шабо де Жарнак вел расточительную и разгульную жизнь за счет — как говорили — благосклонности герцогини д'Этамп. Дофин Анри, выдвинув обвинение, которое считалось

совершенно необоснованным, устроил «судебную дуэль», в которой Ла Шатеньера выступил в качестве заместителя дофина противника де Жарнака, который не искал извинений, а только сражения.

Поскольку Анри тем временем стал королем и выдал своему совету первый патентный лист, касающийся «судебной дуэли», в котором он освобождал себя от права участвовать в ней, он назначил своего дорогого друга Франсуа де Вивонна, «сеньора де Ла Шатенера», сыграть эту роль за него.

К сожалению, молодой человек не смог оправдать честь своего короля победой и перед монархом и собравшимся двором был повержен своим противником.

Это была одна из последних «дуэлей судебных» () во Франции. То, что Сен-Луи и Филипп Красивый тщетно пытались запретить, поскольку эта процедура стоила не менее ста тысяч ливров, Анри II практически осуществил одним росчерком пера.

ГЛАВА XVIII

МЕНТЕНОН

За пределами Парижа, на старой Route d'Espagne, ведущей из столицы к границе, по которой когда-то проезжали королевские кортежи, лежат Ментенон и его знаменитый замок, примерно в шестидесяти километрах от Парижа и в двадцати от Рамбуйе.

Чуть дальше Версаля, по дороге в Ментенон, лежит аккуратный маленький городок Сен-Сир, известный сегодня как Вест-Пойнт Франции, главной особенностью которого является военная школа, основанная Наполеоном I.

Если вернуться в далекое прошлое, то можно узнать, что деревня выросла из основания Людовика XIV, который купил за девяносто одну тысячу *ливров* «замок и женский монастырь», чтобы мадам де Ментенон могла основать там школу для девочек. Она зарезервировала для себя апартаменты, и можно подозревать, что это был просто еще один проект вдовы Скаррон, чтобы иметь место для встреч недалеко от столицы. Конечно, в этих обстоятельствах, учитывая то добро, которое она делала для сирот-девочек, ей, по крайней мере, могло быть предоставлено право на крышу над головой, когда она того пожелала. Она абсолютно доминировала внутри, хотя и не проживала там в течение длительного времени. Именно здесь были впервые поставлены «Эстер» и «Атали», которые Расин сочинил специально для пансионеров мадам де Ментенон.

Когда мадам де Ментенон не жила в Сен-Сире, она обычно приезжала сюда из Парижа каждый день, прибывая между семью и восемью часами утра, проводила здесь день и

возвращалась в город к вечеру, подобно тому, как сегодня поступает известный американский миллионер-журналист, чей загородный дом выходит окнами на знаменитый монастырский сад.

Мадам де Ментенон фактически ушла на покой в Сен-Сир после смерти Людовика XIV и в течение четырех лет, до самой своей смерти, никогда не покидала его. Она умерла от старости, а не от какой-либо серьезной болезни, в этом «Доме образования», который она открыла, и была похоронена в часовне под роскошной гробницей, которую велел воздвигнуть герцог де Ноай, женившийся на ее племяннице. Гробница была разрушена во время Революции, а «Maison Royale de Saint Cyr», в которой с момента основания ничего не изменилось, была закрыта, само здание было разграблено, а останки мадам де Ментенон были осквернены, но в конце концов были найдены и вновь помещены в часовне, где их отмечает простая черная мраморная плита с высеченными словами:

Су-Git Мадам де Ментенон
1635-1719-1836

Наполеон I основал Военную академию в Сен-Сире, которую ежегодно заканчивают более четырехсот младших офицеров.

Древние сады времен мадам де Ментенон теперь образуют «Марсово поле», или плац военной школы.

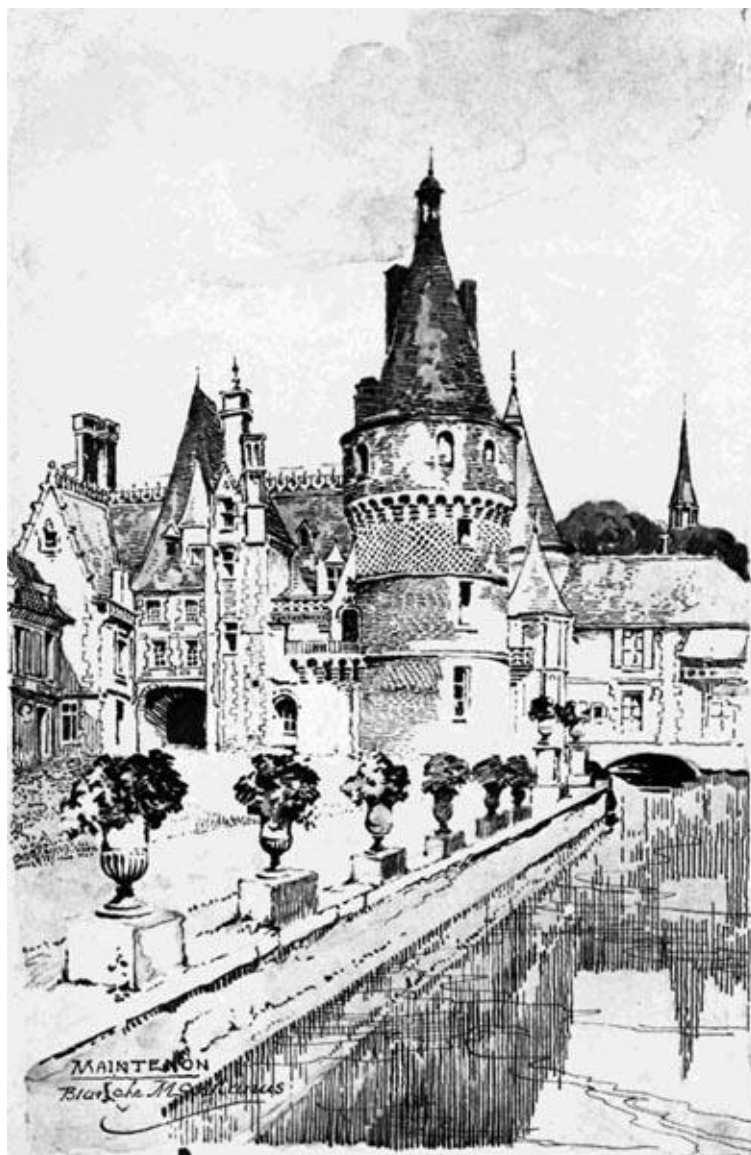
К югу от Сен-Сира проходит великая международная магистраль, старая Королевская дорога монархии. Она поднимается и опускается, но в основном идет прямо, как полет ворона, пока не пересекает великий Национальный лес Рамбуйе. Следуя долине реки Эр () почти до ее истоков, она наконец достигает Ментенона, городка с населением в пару тысяч душ, самым знаменитым жителем которого была внучка Теодора-Агриппы д'Обинье по имени Франсуаза, которая со временем стала маркизой де Ментенон.

Замок Ментенон был королевским во всем, кроме названия. Казначей при Людовике XI, Жан Коттеро (государственный чиновник, который, по-видимому, хорошо себя зарекомендовал, поскольку он также занимал ту же должность при Карле VIII, Людовике XII и Франциске I), имел единственную дочь, Изабо, которая в 1526 году вышла замуж за Жака д'Анженна, который в то время уже был сеньором де Рамбуйе.

В качестве приданого эта дочь получила земли Ментенона. Позже поместье было продано маркизу де Виллере, у которого в 1674 году его купил Людовик XIV и подарил Франсуазе д'Обинье, очаровательнице королей, которая впоследствии (в 1688 году) стала мадам маркизой де Ментенон.

Эта амбициозная женщина впоследствии вышла замуж за свою племянницу за герцога д'Айена, сына маршала де Ноай, и в качестве приданого — или, возможно, чтобы избежать неприятных последствий — передала собственность Ментенон молодой невесте и ее мужу, семье Ноай, которой она принадлежит с тех пор.

Сегодня герцог и герцогиня де Ноайль проводят длительные периоды в этом восхитительном сеньоральном особняке, и, поскольку апартаменты переполнены историческими памятными вещами их семьи, можно с уверенностью сказать, что их жизнь в двадцатом веке в значительной степени соответствует традициям прошлых дней.

Замок Ментенон

Существование этой княжеской резиденции является приятным напоминанием о роскошной жизни старых времен, несмотря на отсутствие некоторых современных удобств, которые сегодня мы считаем необходимыми.

Ментенон, безусловно, является одним из самых красивых так называемых королевских замков Франции, если не по своей фактической значимости, то, по крайней мере, по многим атрибутам своей архитектуры, размеру владений и связанной с ними истории. Он соединяет частные замки и те, которые можно по праву назвать королевскими.

В средние века Ментенон был настоящим замком-крепостью, представлявшим собой четырехугольное здание, с трех сторон окруженное круглыми башнями, а с четвертой — большим квадратным донжоном, все это было соединено обширной массивной стеной, обладавшей всеми классическими атрибутами лучшей военной архитектуры того времени. Вход был только через глубокий ров, перекрытый подъемным мостом.

Жан Коттеро приобрел поместье Ментенон () около 1490 года и сразу же разработал новый план для старой крепости, которая, согласно более эстетичной концепции, должна была

превратиться в роскошный жилой замок. Он разрушил *куртины* (), соединявшие большой донжон с остальной частью здания, и открыл внутренний двор, чтобы он выходил прямо на парк. Он богато украсил оконные рамы, мансардные окна и башенки, а также обрамил входной портал серией скульптурных мотивов, которые он также добавил к входу в большую внутреннюю лестницу. Короче говоря, было предпринято расширение и украшение, но оно было сделано настолько тщательно, что здание в процессе полностью утратило свой первоначальный характер. Как и все замки, построенные в эту эпоху, Ментенон больше не был просто крепостью, а стал дворцовым убежищем, роскошным во всех своих убранствах и лишенным всех явных военных атрибутов, которые он имел ранее.

Оболочка осталась, в точности повторяя первоначальные очертания, но добавленные украшения эффективно скрыли ее первоначальное предназначение. Жилые комнаты нуждались в свете и воздухе, в то время как крепость или казармы для войск вполне могли быть спроектированы по другим принципам. Ренессанс значительно оживил строгие линии готических замков Франции, и хотя для опытного глаза всегда заметны следы перехода, в случае с Ментеноном также верно, что часто наблюдается однородность, которая достаточно приятна, чтобы эффективно скрыть любые несоответствия, которые в противном случае могли бы быть заметны. Военный аспект неизменно теряется в переходном периоде, и таким образом ренессансный жилой замок сразу же переходит в другой класс, отличный от феодальной крепости, независимо от того, каким мог быть его первоначальный статус.

Герб Жана Коттеро — три неприглядные ящерицы на серебряном поле — до сих пор можно увидеть высеченным на двух башнях, фланкирующих входной портал, который сегодня лишен упомянутого выше старого подъемного моста. Здание окружает глубокий, нездоровый ров, в котором размножаются комары, — именно таким и должен быть средневековый ров, но на самом деле он не является большим достоинством этого места, учитывая его недостатки. Удивительно, что ему позволено существовать в таком застоявшемся состоянии, ведь проточные воды близлежащей реки Эр можно было бы легко использовать, чтобы изменить все это. Местоположение замка на слиянии рек Эр и Воаз совершенно очаровательно.

Мадам де Ментенон многое сделала для того, чтобы сделать поместье более удобным и комфортным, построив большое правое крыло, которое соединяет донжон с главным корпусом. Ее собственные апартаменты находились в новой части дворца. Она также построила галерею, ведущую от башни Машикулис к остроконечной часовне, которая была построена во времена Коттеро, и которая была обязательным элементом каждого уважающего себя загородного дома того времени. Именно по этой галерее можно было попасть на открытую трибуну в маленькой часовне, что позволяло Людовику XIV легко проходить на мессу, когда он так часто бывал здесь в тот период, когда в Ментеноне он наблюдал за строительством своего знаменитого акведука.

Ментенон также имел честь считать среди своих прославленных гостей Расина, который прибыл по просьбе мадам де Ментенон и написал здесь «Эстер» и «Аталию», которые позже были поставлены в Сен-Сире знаменитым труппой «Демозель» мадам де Ментенон.

Людовик XIV был не последним из королевской династии, кто принял гостеприимство замка Ментенон, поскольку несчастный Карл X был вынужден попросить приют у его хозяйки для себя и своей бежавшей семьи. Они прибыли немного после полуночи жаркой августовской ночью, спали как могли в бывших апартаментах мадам де Ментенон и на следующее утро посетили мессу в часовне на фоль. Затем монарх уволил королевскую гвардию и «сотню

швейцарцев» и сдался, потерпев поражение в игре, в которой он играл роль монарха вопреки воле народа.

В *Cour d'Honneur* входят через величественный портал эпохи Людовика XIV. Прямо перед вами открывается главный фасад с кирпичными башнями и изящными башенками, которые так прекрасно обрамляют входную дверь. Этот фасад датируется XV веком, и на тимпане мансардных окон до сих пор можно увидеть монограмму его строителя, Коттеро. Подъемный мост был убран, а башенки над порталом соединены небольшим каменным балконом, который, хотя и является явной излишней деталью, ни в коем случае не вызывает возражений.

Под входным сводом с обеих сторон находятся двери, ведущие в жилые помещения *первого этажа*. Во внутреннем дворе находится самая изысканная архитектурная деталь всего здания — башня, в которой находится монументальная лестница, вход в которую осуществляется через портал, являющийся настоящей готической жемчужиной. В тимпане этого портала, как и в мансардных окнах, находится герб Жана Коттеро, только в данном случае он гораздо более сложный — Святой Мишель и дракон, окруженные «*semis de coquilles*» с гербами замка — *d'argent à lezards de sable*.

Слева от этой лестничной башни находится главный фасад внутреннего двора, поддерживаемый четырьмя аркадами, прорезанный большими окнами и увенчанный двумя изящными мансардными окнами, все в стиле Людовика XII, аналогичные элементы которого можно увидеть в Блуа и в отеле д'Аллюй.

Слева от внутреннего двора находится крыло, построенное Коттеро, которое заканчивается большой круглой башней, а справа — крыло, построенное мадам де Ментенон, заканчивающееся донжоном. Прямо напротив открывается великолепный вид на декоративный канал, обрамленный с обеих сторон старыми деревьями, на фоне которого вырисовывается силуэт арок знаменитого акведука, который должен был приводить воды Эры в Версаль.

Интерьер замка не менее замечателен, чем экстерьер. Войдя через портал башни, вы сразу попадаете на великолепную *парадную лестницу*, которая считается одним из чудес французского Возрождения.

Сегодняшняя столовая (Salle à Manger) в старину была залом стражи (Salle des Gardes). Она украшена изящными панелями и панелями из кордовской кожи. Спальня Людовика XIV, расположенная слева, сегодня является салоном, и здесь можно увидеть портреты Людовика XIV, Людовика XII, Франциска I, Генриха IV и Людовика XIII, написанные Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Анри-Жаком-Ан

В небольшой ротонде находится статуя Генриха IV в детском возрасте и портреты мадам де Ментенон и Людовика XIV в молодости. В портретной галерее сдержанных пропорций представлены портреты мадам де Ментенон и ее племянницы мадемуазель д'Обинье, герцога Пентиевра, графини Тулузской, герцога Ноая, герцогини Виллар и герцогини Шомон.

Акведук Людовика XIV в Ментеноне

Главное украшение замка, хотя и построенное недавно, известно под разными названиями: «Гранд-галерея» и «Лонг-галерея». Его украшения были созданы герцогом де Ноай, отцом нынешнего владельца. По сути, это портретная галерея семьи Ноай, начиная со времен крестоносцев и заканчивая XX веком.

Апартаменты мадам де Ментенон составляют ту часть замка, которая представляет наибольший сентиментальный интерес. В прихожей находится *носилки*, когда-то принадлежавшие маркизе, и ее портрет работы Миньяра. На стенах висит кожа из Кордовы, а в отреставрированной спальне установлен балдахин, отделяющий ее от остальной части апартаментов балюстрадой из *позолоченного дерева*. Над камином « » висит портрет Людовика XIV, написанный Риго, а молельня украшена серией изящных деревянных скульптур и великолепным сундуком Буля.

В левом крыле находится красивая часовня XV века, выполненная в очень чистом стиле. Она украшена серией деревянных панелей эпохи Возрождения, выполненных с высочайшим мастерством. Цветное стекло окон относится к XVI веку.

Перестроенная монументальная лестница соединяется непосредственно с проходом, ведущим к входному портику, который выходит на террасу сада перед *партером*.

Парк Ментенон во всех отношениях достоин восхищения: его *лужайка*, большая аллея деревьев, водные пути и более тридцати мостов. Жан Коттеро сам спроектировал первый огород и фруктовый сад, или *потажер*, который и сегодня радует жителей Ментенона.

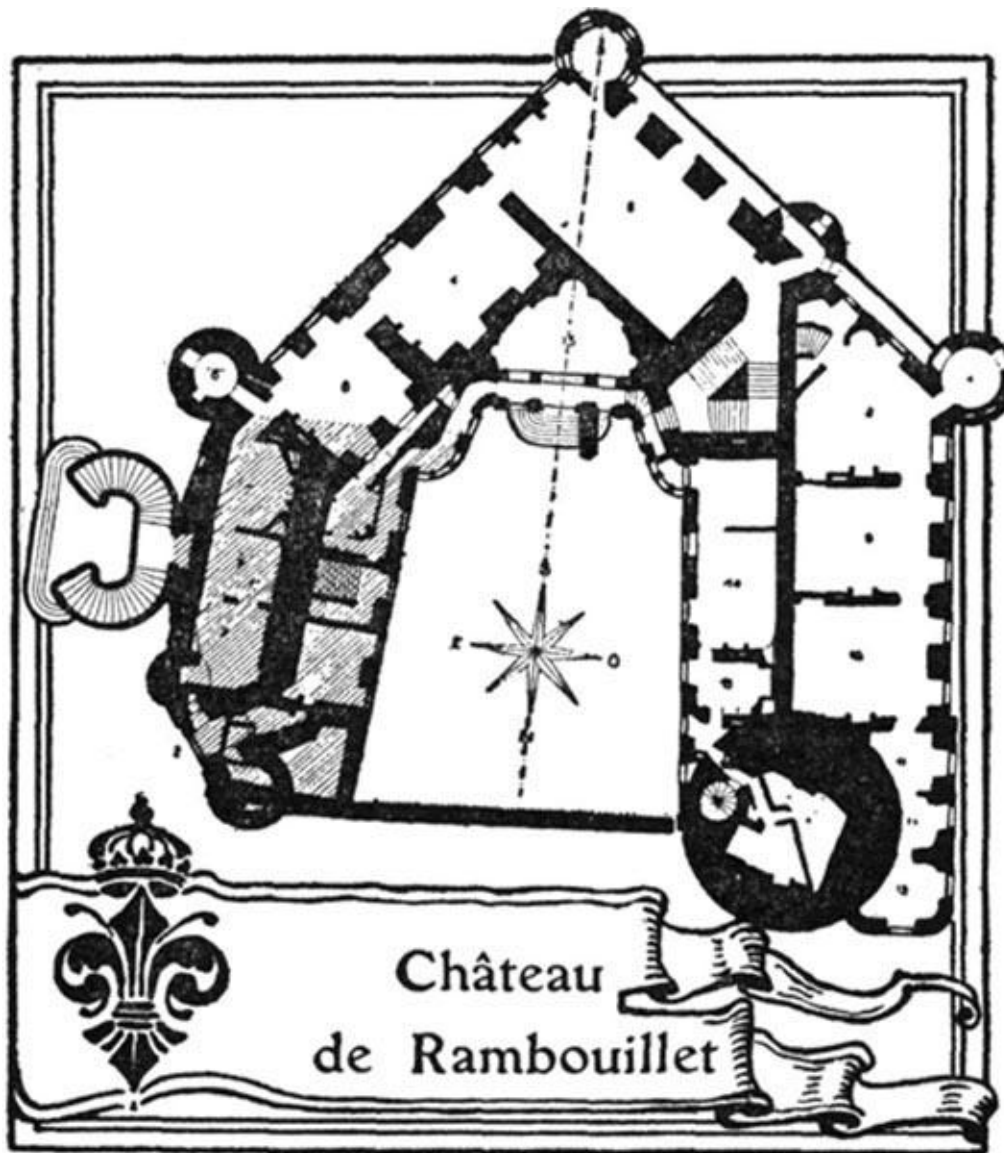
Партер, Большой канал и две аллеи с величественными деревьями были созданы по замыслу Ле Нотра, и их эффект, подчеркнутый фоном леса и колоннами акведука Людовика XIV, является чем-то уникальным.

Сады в Ментеноне, возможно, не были самым известным творением Ле Нотр, но они следовали лучшим традициям своего времени и, благодаря обширным декоративным водоемам, были в некотором смысле совершенно неповторимы.

К лесу ведет большая аллея, окруженная высокими нависающими тенистыми деревьями, известная как Allée Racine. Она получила свое название от того, что драматург любил прогуливаться в этом направлении и ухаживать за музой, когда был гостем мадам де Ментенон.

ГЛАВА XIX

РАМБУЙЕ И ЕГО ЛЕС

Рамбуйе — один из самых известных небольших королевских замков Франции. Построенный при первой монархии, посреди обширного леса Ивелин, он всегда был частью национальной собственности (). Даже сейчас, при республиканской Франции, он по-прежнему является местом охоты, организуемой для посещающих страну монархов, и только за последние шесть лет монархи Испании, Бельгии, Италии и Англии охотились на зайцев, оленей и фазанов в компании республиканского президента.

На этих мероприятиях не было живописных костюмов последователей Святого Губерта, как в прежние времена, но охотник по-прежнему играет на роге ту же традиционную мелодию, а банкеты, устраиваемые в замке по таким случаям, в немалой степени являются отголоском прошлого.

Именно в старинном замке Рамбуйе умер Франциск I. В марте 1547 года Франциск, прибыв из Шамбора на юге, пересек «проклятый мост» и прибыл к подножию покрытого плющом донжона, который можно увидеть и сегодня, последнего сохранившегося остатка средневековой крепости. В течение года монарх вел кочевой образ жизни, посещая все любимые места своего королевства, и, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, он преждевременно состарился и поседел.

Его нежно подняли из королевской кареты и по винтовой лестнице медленно отнесли в его апартаменты на втором этаже, откуда открывался вид на три канала, «проклятый мост» и запутанный лес за ним.

Жак д'Анжен, предки которого когда-то владели Рамбуйе, принимал своего королевского господина и заботился о нем как о брате, но Франциск был удручен и с каждой минутой слабел. Он горько сетовал на смерть своего любимого сына от чумы и на смерть веселого монарха по ту сторону Ла-Манша, своего старого друга Генриха VIII Английского.

Он был беспокойным и хотел переехать в Сен-Жермен, но его состояние делало это невозможным. После слабой попытки поднять себя на охоту в лесу, он снова лег в постель, обратившись с предупреждением к своему другу д'Анжену, который никогда не покидал его: «Я умираю, пошли за моим сыном, Анри».

Принц присоединился к скорбящим у королевской постели и услышал исповедь своего отца: «Сын мой, я совершил великий грех; я был увлечен своими страстями; следуй тому, что я сделал хорошего, и игнорируй злое; прежде всего, береги Францию; будь добр к моему народу».

Это было все, кроме последнего совета: «Остерегайся Гизов, они предатели». После этого он больше не говорил. Франциск I, галантный, любящий искусство монарх, отец Возрождения во Франции, умер.

В 1562 году Екатерина Медичи в сопровождении своего сына Карла IX ждала здесь результатов судьбоносной битвы при Дре. В 1588 году Генрих III, бежавший из Парижа после «дня баррикад», приехал сюда, чтобы отдохнуть, и был настолько утомлен по прибытии, что лег спать «*tout botté*» (в сапогах).

Laiterie de la Reine, Рамбуйе

Сын Людовика XIV и мадам де Монтеспан получил во владение «дворец и земли», и в его честь, несмотря на ограниченную площадь, владение было преобразовано в герцогство-пари.

Людовик XIV и мадам де Ментенон, что было вполне естественно, из-за близости к Ментенону и Парижу, часто удостаивали Рамбуйе своим присутствием; а чуть позже Людовик XV и прекрасная графиня де Тулуз последовали их примеру.

Герцог Пентьевр, которому к этому времени перешла собственность, по просьбе Людовика XVI уступил монарху владения Рамбуйе.

Людовик XVI построил обширные общинные земли и хозяйственные постройки, все с некоторым архитектурным претензиями, чтобы разместить апанаж королевской охоты, а также построил Laiterie de la Reine и образцовую ферму, где в 1786 году он основал первый национальный овчарник.

Сегодня это знаменитая École de Bergers, где содержится самое большое в Франции стадо овец породы *moutons à laine* (мериносов), привезенных в основном из Испании.

Laiterie de la Reine представляла собой крошечный храм из песчаника с интерьером, отделанным в основном белым мрамором, с большим круглым центральным столом и меньшими столами в каждом углу, также из мрамора, как и положено гигиенично оборудованной молочной. Она была отреставрирована Луи Наполеоном во время Второй империи и до сих пор сохранила свою первозданную красоту.

Кроме того, Людовик XVI имел в Рамбуйе частную усадьбу значительных размеров, которая только Конституцией 1791 года была включена в гражданский список. Эта собственность, за исключением дворца, парка и леса, была позже продана государством. Императорский гражданский список, составленный в 1805 году Наполеоном, включал в себя именно эти владения, и император часто охотился в соседнем лесу, хотя, по сравнению со своими предшественниками, у него было мало времени, чтобы посвятить себя этому виду спорта. Здесь же в 1810 году был подписан указ, который объединил Голландию с Империей.

После революции Рамбуйе пришел в упадок. Указ *Представителей народа* от 14 октября 1793 года предусматривал, что «обстановка этого дворца, до сих пор принадлежавшего королевской семье, должна быть продана». Во время Консулата и Империи некий гражданин по имени Трепсат получил ранение, защищая Наполеона во время нападения, и в качестве вознаграждения был назначен официальным архитектором и консерватором дворца Рамбуйе.

Едва вступив в должность, Трепсат предложил снести замок. Наполеон колебался, но в конце концов частично согласился, настаивая, однако, на том, чтобы оставить достаточное количество зданий для создания удобного охотничьего домика. Трепса хотел снести все и построить заново. Наполеон договорился со своим архитектором о встрече, чтобы осмотреть поместье и подробно обсудить этот вопрос в следующем году (1805), но в тот момент он вел кампанию в Австрии, поэтому встреча не состоялась. Это был шанс для Трепса, и он нашел повод, чтобы снести все восточное крыло, но его остановили, прежде чем он смог продолжить свой невежественный акт вандализма. Трепса был строго отчитан самим императором и получил приказ вернуть все в прежнее состояние. «Даже самый измученный и болезненный архитектор, который когда-либо жил, вряд ли мог бы иметь худшее вдохновение», — сказал Наполеон. Напомним, что Трепса потерял ногу.

Реставрация была начата, но Трепсат, совершая одну ошибку за другой и в конце концов манипулируя счетами, был вынужден принять в помощники некоего Фамина, молодого *стипендиата* Академии изящных искусств (), недавно вернувшегося из Рима. Именно он спас Рамбуйе от полного разрушения.

Апартаменты Наполеона, которые во времена графа Тулузского использовались для публичных мероприятий, были и оставались обставлены с величайшей роскошью. Наиболее ярко отпечаток имперского режима прослеживается в любопытной Salle de Bains, которая сообщалась напрямую с кабинетом, или Cabinet de Travail.

По своим линиям и украшениям она могла бы быть комнатой в помпейском доме. На стене была серия медальонов с портретами членов императорской семьи. В основном это были портреты женщин, и Наполеон, впервые войдя в свою ванную, в приступе чрезмерной скромности и ярости воскликнул: «Кто этот осёл, который сделал это?» Медальоны были немедленно закрашены, и за сумму в девятьсот пятьдесят франков был найден другой художник, который заполнил рамы медальонов видами и сценами, менее тесно связанными с историей Наполеона.

Во время империи архитектор Фамин получил заказ на создание серии архитектурных украшений для садов Рамбуйе. Были добавлены различные каменные статуи, восстановлен

восьмиугольный павильон на Иль-де-Рош и переоформлен павильон « ». Через *партер* были проложены две большие аллеи, и, как будто опасаясь нескромности со стороны своего окружения, император велел посадить длинные ряды лип и тюльпановых деревьев, которые снова были скрыты двумя рядами тополей. *Пелу* в Jardin Français были восстановлены, а изгибы и повороты дорожек Jardin Anglais были заново проложены.

Замок Рамбуйе

Это древнее государственное имущество, возрожденное из руин, теперь носило название Pavillon du Roi de Rome, в честь сына Наполеона. Écuries, или конюшни, построенные Людовиком XVI, были преобразованы в собачьи будки, а по всему парку были расставлены различные «посты», или миниатюрные охотничьи домики.

Во время Реставрации была возобновлена трансформация замка, которая планировалась еще со времен Людовика XVI, была начата, а затем заброшена Наполеоном, но в менее амбициозных масштабах, чем раньше. В основном эта трансформация заключалась в открытии окон, что фактически создавало новый фасад. Это была не совсем удачная идея, и дух экономии Людовика XVIII, не менее, чем другие мотивы, остановил эту калечащую переделку, и архитектор был освобожден от своих обязанностей.

Судьба вновь жестоко обрушилась на Рамбуйе, и его окончательный закат как королевской резиденции наступил с отречением Карла X. Отречение было фактически подписано в Рамбуйе, и здесь, в том же Salle du Conseil, дофин отказался от престола в пользу молодого герцога Бордоского.

Именно в Рамбуйе Карл X провел те торжественные последние дни перед отречением. Он был безжалостно преследуем в Париже и искал тихое уединение, «не слишком далеко от Тюильри», где он мог бы отдохнуть и посоветоваться. С учетом последующих событий это было значимо; возможно, это было значимо и в то время, поскольку король быстро раскаялся в своей отречении. Но было уже слишком поздно, поскольку он классифицировал как мятежников всех роялистов, которые приняли бы «младенца-короля» в качестве своего монарха, хотя последующая революция помешала этому.

Третьего августа комиссары, депутаты Временного правительства, были приведены к королю в Рамбуйе. Они объявили, что двадцать пять тысяч вооруженных парижан маршируют на замок, чтобы заставить его покинуть свое королевство. Это не было предметом обсуждения, и в девять часов вечера того же дня монарх дал согласие на то, чтобы его отвезли в Шербур, где он отправился в свое роковое изгнание.

После 1830 года власти с деловым чутьем сдали поместье в аренду на двенадцать лет барону Шиклеру, а по окончании революции 1848 года его судьба стала еще более плебейской: оно было сдано в аренду человеку, который превратил дворец в роскошно обставленный придорожный отель, а лужайки и рощи — в рестораны под открытым небом и танцевальные площадки.

При правительстве июля замок, парк и лес были исключены из гражданского списка и внесены в инвентарь Администрации доменов.

При Второй империи Рамбуйе снова появился в монархическом гражданском списке. Наполеон III иногда приезжал сюда на охоту, но не жить, и о его редких появлениях в замке сохранилось мало сведений. С 1870 года Рамбуйе принадлежит республиканскому правительству, и, поскольку во Франции больше нет королевской семьи, республиканские главы государства теперь возглавляют национальные охоты в Рамбуйе.

Сегодня владение легко делится на четыре отдельные части: дворец, *партер*, *Английский сад* и парк. Липовая роща примечательна во всех отношениях, декоративные водоемы изящны и обширны, а *Laiterie* и *Ferme* являются явными образцами своего рода; но *Chau mière des Coquillages*, деревенский летний домик из камней, ракушек и сомнительных обломков всевозможных видов, уродлив и недостойн.

Не менее очаровательной особенностью парка является большая аллея из луизианских кипарисов, одна из настоящих достопримечательностей, которая действительно дополняет очарование большого водоема слева от замка.

От сооружения, существовавшего в XIV веке, замок Рамбуйе сохранил сегодня только большую башню с зубцами и несколько примыкающих к ней невысоких зданий. Последовательные расширения, реставрации и разрушения изменили большую часть первоначального облика здания, а современные постройки окружают и наполовину охватывают то, что для всех очевидно является древним. Обломки старой крепости, которая была основой всего, добавляют свою лепту к конгломерату, главными и наиболее впечатляющими элементами которого являются два высоких *корпуса* в центре.

Внутри главной достопримечательностью является довольно банальный Salle de Bal, но он настолько некрасив, что его можно пройти мимо без эмоций, за исключением того, что в его восточной части находится *кабинет*, или частные апартаменты, где Карл X подписал свою отречение. К нему примыкает спальня, занимаемая этим монархом, и столовая « », которая также служила Его Величеству и до сих пор используется главой правительства в торжественных случаях. Ее декоративное оформление относится к периоду Людовика XV.

Salle de Conseil относится к периоду Карла X и имеет довольно внушительные резные панели, на которых местами видны монограммы Марии Софии и графини Тулузской.

Большая карта или план леса Рамбуйе покрывает торцевую стену и, если не является эстетически красивой, то, по крайней мере, полезна и очень интересна.

Она была выполнена при Людовике XVI и, несомненно, хорошо служила своей цели, когда охотники собирались после дня, проведенного в поле, и рассказывали анекдоты о своих приключениях.

На первом этаже есть еще одна комната, известная как *Salle à Manger des Rendezvous de Chasse*, название которой хорошо объясняет ее функции.

Кабинет Марии-Антуанетты и ванная Наполеона представляют собой нечто большее, чем просто объекты сентиментального интереса; они были вполне практичными пристройками к королевскому дворцу.

Ванная Наполеона имела форму довольно короткого и глубокого бассейна. Ее фрески, которые можно увидеть сегодня — они заменили семейную портретную галерею, которую Наполеон велел закрасить — выполнены в псевдоантичном стиле и изображают виды различных французских городов и поселков с высоты птичьего полета, а потолок украшает серия нарисованных гербовых трофеев.

На втором этаже находятся апартаменты герцогини Беррийской и герцогини Ангулемской.

В большой круглой башне находится круглая комната, где Франциск I испустил последний вздох. Именно эта большая комната с ферменным сводом представляет наибольший интерес для посетителей Рамбуйе.

На первом этаже находится еще одна ванная комната, оформленная так же театрально, как и ванная Наполеона. Ее строительство было инициировано графом Тулузским, который предпочитал делфтскую плитку и полихромные панно, обрамляющие две внушительные морские картины, также выполненные из плитки.

Партер, простирающийся перед главным зданием, имеет такие размеры, которые трудно представить, пока не увидишь его собственными глазами. Он выполнен в чисто французском стиле и относится к эпохе владения графом Тулузским. Перед прекрасно сгруппированными липами находился лодочный домик, а во всех направлениях тянулись аллеи акаций, а тут и там клумбы с тюльпанами, розарии и живые изгороди из рододендронов обрамляли очень значительные декоративные водоемы. Это водоем в форме трапеции разделен четырьмя покрытыми травой островками и отделяет « » (Английский сад) от «Jardin Français» (Французского сада). Один из островков известен как Ile des Roches и содержит Grotte de Rabelais, названный в честь кюре из Мёдона, когда он был представлен в Рамбуйе кардиналом дю Белле. Именно на этом островке устраивались знаменитые праздники в честь «*beaux esprits*», которые составляли усердную свиту Катрин де Вивонн, мифологическую, языческую и *экстравагантную*.

Jardin Anglais в Рамбуйе является окончательным воплощением этого вида садов во Франции. Созданный по проекту герцога Пентьева, он был восстановлен и значительно расширен Наполеоном и, следуя изгибам искусственного ручья, соответствует описанию, которое подразумевает его название.

Более удаленные и наполовину скрытые от территории замка находятся Chaumière и Ermitage, которые напоминают фоны картин Фрагонара или Ватто. Все это очень «театрально», но, поскольку это существует, вряд ли можно назвать нереальным.

Сам парк, занимающий более 1200 гектаров, является одним из крупнейших и наиболее густо засаженных деревьями во Франции. Между *партером*, французским и английским садами и парком находятся ферма и Laiterie de la Reine — прихоть Людовика XVI, когда он хотел порадовать Марию-Антуанетту и дать ей повод для размышлений, помимо ее проблем. Наполеон лишил « » его обстановки, чтобы установить ее, по большей части, в Мальмезоне для другой несчастной женщины — Жозефины. Позже, чтобы порадовать Мари-Луизу, он приказал вернуть ее обратно в Рамбуйе, но именно Наполеон III восстановил эту очаровательную причуду.

В окрестностях Рамбуйе находился знаменитый Шато-де-Шасс, или королевский охотничий домик, который Людовик XV любил использовать в качестве места встреч.

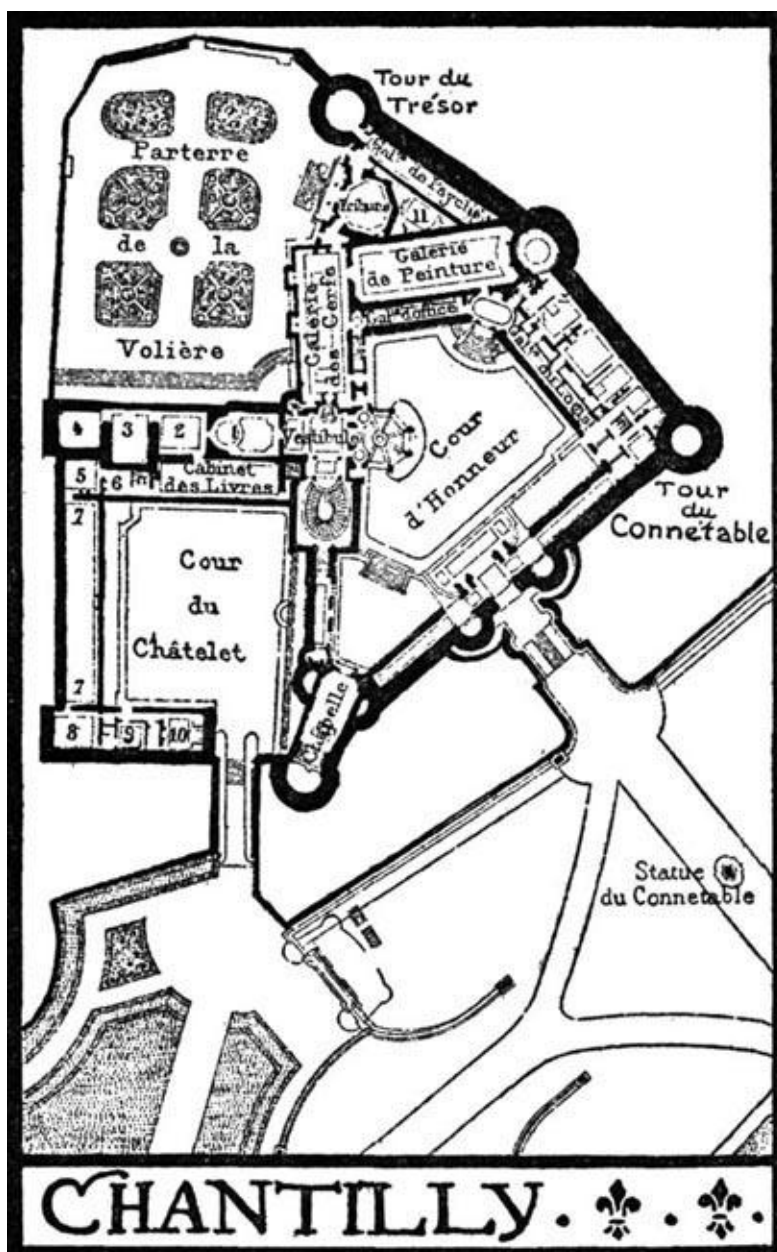
На берегу Этан-де-Пурра стоял замок Сен-Юбер, названный в честь покровителя охотников, и в его стенах король и придворные проводили много счастливых вечеров после напряженного дня, проведенного с оленями и собаками.

Охота во Франции в то время, пожалуй, переживала самый живописный период своего существования. Современная охота — лишь бледное, хотя и кровавое, подобие настоящего спорта тех дней, когда монархи и их сеньоры в разрезанных дублетах, чулках и бархатных плащах преследовали оленя в лесу до самой его смерти и не знали сегодняшнего *мастера охоты*.

ГЛАВА XX

ШАНТИЛЬИ

Шантильи, благодаря своим королевским ассоциациям, по праву занимает место в маршруте каждого путешественника по Франции. Шантильи не только достиг великой славы благодаря королевской милости, но и в более поздние годы французское правительство взяло его под свою опеку, замок, конюшни, обширный парк и лес, так что сегодня этот ансамбль является такой же национальной достопримечательностью, как Версаль или Сен-Жермен. Именно здесь, в мраморных залах, где когда-то жили Конде и Монморанси, ежегодно проводятся экзамены Французской академии изящных искусств. Кроме того, это место паломничества тысяч туристов, которые еще пару поколений назад никогда не уезжали из столицы дальше Сен-Клу.

Многие хартии X века упоминают поместья Шантильи, которые в то время принадлежали сеньорам Сенлиса. Замок был эволюцией от блокада, или крепости, построенной Католом в галло- римские времена, и четыре века спустя он оставался практически того же ранга. В XIV веке замок был в основном огромной крепостью, окруженной водной защитой в виде расширенного рва, благодаря чему он смог противостоять бургундцам и фактически не пал до тех пор, пока английский король Генрих V не захватил Мо.

Статуя Ле Нотра, Шантильи

Жан II де Монморанси, благодаря браку с Маргерит д'Оржемонт, стал владельцем поместья, а их сын, в свою очередь, стал наследником. Именно этот сын, Гийом, стал одним из самых блестящих слуг монархов Людовика XI, Людовика XII и Франциска I, и именно благодаря этим друзьям при дворе Шантильи впервые приобрел свой королевский облик.

В свою очередь, знаменитый Анна де Монморанси, коннетабль Франции, унаследовала поместье и, обнаружив, что старая крепость, хотя и несколько расширенная и отремонтированная ее предшественником, не столь величественна, как ей хотелось бы, отделила старинный замок-крепость от пристройки декоративным рвом, или каналом, и разбила *лужайку, партеры* и аллеи, ведущие к лесу, которые сегодня составляют одно из главных очарований Шантильи.

Здесь, конечно, в качестве гостей, но в течение более или менее длительных периодов и в разное время, проживали Карл V, Карл IX и Генрих IV, каждый из которых был гостем гостеприимных и амбициозных Монморанси.

В 1632 году Шантильи перешел к Шарлотте, сестре последнего маршала де Монморанси, жене Генриха II, принца де Конде, матери Гранд Конде, принца де Конти и герцогини де Лонгевиль.

С Великим Конде пришла величайшая слава, апофеоз Шантильи. Этот аристократ был настолько увлечен этой замечательной резиденцией, что никогда не выходил из своих мыслей и украсил ее в самом роскошном стиле своего времени, разрушив в эту эпоху

средневековый замок « » и крепость. Это были дни галантных воинов, имевших вкус к прекрасным вещам в искусстве, а не просто кровожадных убийц.

[illegible]

Еще во времена Гранд Конде упоминается о длительном визите Людовика XIV к своему главному придворному. Прием обошелся в двести тысяч эку. Мадам де Севинье описала это событие более живо, чем любой другой летописец, и было бы самонадеянно пересказывать его здесь подробно. Один только эпизод с Вателем стал классическим.

К кружку поэтов в Рамбуйе следует добавить поэтов из Шантильи; их пребывание здесь значительно повлияло на карьеру и репутацию Буало, Расина, Бурдалуа и Боссюэ. Именно последний в своей поминальной речи, произнесенной по случаю смерти принца Конде, сказал:

«Здесь, под своей собственной крышей, можно было увидеть Великого Конде, как будто он стоял во главе своих войск, благородного человека, всегда великого, как в действии, так и в покое. Здесь вы видели его в окружении друзей в этом великолепном жилище, в тенистых аллеях леса или у журчащих вод ручьев (), которые не умолкают ни днем, ни ночью».

Однако Гранд Конде умер в Фонтенбло. Его наследник, Анри-Жюль де Бурбон, внес свой вклад в поддержание и украшение поместья, и именно ему принадлежит заслуга создания очаровательного уединенного лесного уголка, известного как Парк Сильви.

Луи-Анри де Бурбон, министр Людовика XV в начале его правления, заработал баснословную сумму денег в скандальном деле «Банка Лоу» и, будучи расточительным и расточительным в своих тратах, вел жизнь величайшего из великих сеньоров в Шантильи, где в качестве своего вклада в архитектурное значение этого места он построил знаменитые Экюри, или конюшни. Чтобы показать, что он был *persona grata* при дворе, он устроил здесь грандиозный праздник для Людовика XV и герцогини дю Барри.

Последний принц де Конде перед революцией построил в окрестностях замок Энгиен и стремился заселить парк Сильви деревенской колонией из соломенных *домиков* и поселить в них своих фаворитов, слабо подражая тому, что было сделано в Малом Трианоне. Эта попытка была явно неудачной и не продлилась долго, и даже ее отголоски сегодня не слышны, так как все это лишь слухи, а точных записей об этом событии не существует.

В более поздние времена Шантильи был излюбленным местом пребывания современных монархов. Здесь принимали короля Дании, императора Иосифа II и короля Швеции, тратили много денег на их развлечения, а для их удовольствия и удовольствия их свиты зажигали много красных и зеленых огней.

Удар революции уничтожил основные части замечательных построек Конде, и к счастью, Малый замок избежал когтей «Черной банды». Сразу после этого замок Энгиен и конюшни были переданы в распоряжение министра войны, а власти Jardin des Plantes получили

разрешение пересадить и перевезти все, что им понравится, из экзотических растений, высаженных Ле Нотром в знаменитых *паттеррах* Шантильи.

При императорском режиме лес Шантильи был передан в безусловное владение королеве Ортенсе, хотя в конечном итоге после Реставрации все было возвращено наследникам Конде. Именно в этот период Шантильи посетил Александр, император России, и в описании этого визита историк подчеркивает тот факт, что во время дождя над головой императора необходимо было держать зонтик, поскольку он проходил по коридорам дворца из одного помещения в другое ().

Хозяин императора умер здесь в 1818 году, а его сын, проводя здесь, пожалуй, половину своего времени, мало заботился о реставрации и все свое бодрствование посвящал охоте в лесу, возвращаясь в Малый замок только для того, чтобы поесть и поспать.

Герцог Бурбонский добавил к боковым крыльям Малого замка и убрал мусор, который быстро покрывался мхом, зарастал сорняками и выглядел совершенно безобразно. Ровы были очищены от зарастания, а некоторые из покрытых травой *партеров* были засеяны заново и приобрели сходство с прежними.

Через несколько дней после революции 1830 года принц де Конде умер самым драматическим образом, а его сын, герцог д'Энгиен, был застрелен в Венсенне во время империи, и он завещал герцогу д'Омалю и его потомкам свои законные права навечно.

К 1840 году герцог д'Омаль попытался восстановить великолепие Шантильи, но декрет от 22 января 1852 года изгнал всю семью Орлеанских и прервал работы, когда собственность была продана английским банкирам Coutts and Company за кругленькую сумму в одиннадцать миллионов франков, что ни в коем случае не было чрезмерно высокой ценой () для этого поместья королевского вида и размеров. Национальное собрание 1872 года сделало единственное, что могло сделать в соответствии с традицией — купило поместье и постановило вернуть его законному владельцу.

Только в 1876 году герцог д'Омаль приступил к реставрации Шатле и восстановлению нового замка, который мы видим сегодня. Последний был построен по проекту Анри Домета, члена Института Франции.

В целом, современное здание занимает место средневекового замка, но имеет совершенно другой вид.

Герцог д'Омаль подарил замок и все, что в нем находилось, Институту Франции. С чисто материальной точки зрения это был подарок стоимостью около тридцати пяти миллионов франков, не такой большой, как многие современные публичные наследства в Новом Свете, но в некоторых отношениях гораздо более ценный с художественной точки зрения.

Здание выглядит впечатляюще, состоя из четырех отдельных частей: церкви, построенной в 1692 году, конюшен, Шатле (или Малого замка) и собственно замка — современного здания.

Перед знаменитыми конюшнями (Écuries) находится зеленый, бархатистый *газон*, который создает восхитительный подход. Архитектура конюшен выполнена в тяжелом стиле позднего барокко (), а скульптурные украшения () на самом деле имеют небольшую эстетическую ценность, поскольку изображают охотничьи трофеи и тому подобное. Перед большим фонтаном можно прочесть высеченную на мемориальной доске надпись:

Луи Анри де Бурбон
Принц де Конде

построил эту конюшню
1701-1784.

В двух крыльях могут разместиться почти двести лошадей. Большие конюшни в Шантильи, безусловно, являются одним из лучших сохранившихся примеров роскошного искусства французских строителей XVIII века. Они роскошны, чрезмерно украшены и подавляют своим величием, и именно по этой причине вызывают вопросы. В творчестве того периода не было места умеренности. Именно о Шантильи говорили, что скот жил в лучших условиях, чем его хозяева. Архитектором этой части замка был Жан Обер, один из соратников Жюль Ардуэна Мансара.

Характеристики Шантильи в целом, включая замок, парк и лес, в основном театральны, но с неизменным уважением к приличиям, поскольку, несмотря на некоторую тяжеловесность архитектурного стиля в некоторых частях замка, все остальное соответствует тонко сбалансированному регулярному порядку, в котором французские архитекторы и ландшафтные дизайнеры были мастерами на протяжении веков.

Здесь можно увидеть настоящий французский сад почти в его лучшем проявлении, с его квадратами и овалами из зеленой травы, отделенными от массы гравийными дорожками и украшенными водоемами. Эффект «*tapis d'orient*», так часто упоминаемый французами в своих произведениях, вряд ли превосходит где-либо еще.

Все это потрясло английского путешественника середины XVIII века, но это было потому, что он не понимал, а может быть, и не мог понять. Ригби, «олдермен из Нориджа», как французы довольно презрительно называли этого прекрасного старого английского джентльмена, откровенно сказал о Шантильи: «Все это стоило дорого и дало результат, далеко не радующий глаз». Несомненно, ему больше понравились бы живая изгородь из бирючины или самшита и искусственный каменный сад, которые никогда не соответствовали французскому вкусу, но были нормой в претенциозных английских садах того же периода. Ригби, должно быть, действительно был «*grincheau*», как называли его французы, потому что этот же провинциальный джентльмен сказал о Версале: «Прекрасная окружающая местность, но дворец и парк плохо спроектированы». Версаль не такой, какими бы ни были его недостатки.

Шантильи — это больше, чем дворец, это музей природы, убежище искусства и истории. Фантазия его *башенок, мансардных окон и фронтонов* — это то, что вряд ли можно увидеть где-либо еще в такой изобилии, и тот факт, что они современны, забывается под впечатлением от общего силуэта.

Авантюрист, который первым построил донжон на Роше-де-Шантильи, и не подозревал, каким сеньюральным великолепием в конечном итоге будет украшено это место. Из голого форпоста оно превратилось, как по волшебству, в дворец эпохи Возрождения непревзойденной красоты. Герцог д'Омаль сказал в своем «Акте дарения Шантильи»: «Он стоит полный и разнообразный, памятник французского искусства во всех его отраслях, история лучших эпох нашей славы».

Среди всех дворцовых богатств, соседствующих с Парижем, не забывая Версаль, Компьень, Фонтенбло, Пьерфон и Рамбуйе, Шантильи, благодаря замечательному великолепию своих окрестностей, своему расположению и художественным сокровищам, которыми он

обладает, занимает особое место. Это место более четко определяется окружающими его историческими воспоминаниями, чем любое другое современное сооружение в этой части Франции.

Его коридоры, гравийные дорожки и длинные аллеи парка и леса, возможно, не приобретают того праздничного вида, который они имели в XVIII веке, но они не такие уединенные, как в Фонтенбло и Рамбуйе, и не такие шумные, как в Версале или Сен-Жермене.

Декоративные водоемы, окружающие замок Шантильи, отличаются величественной и почти уникальной красотой. Вопрос в том, не превосходят ли они водоемы Версаля, ведь они появились раньше и, возможно, даже послужили для них источником вдохновения.

Замок Шантильи

Шатоле, собственно замок и часовня образуют группу, совершенно отличную от Экюри. Cour d'Honneur действительно великолепен, и трудно осознать соседство современности. Павильон, приписываемый Жану Булланту, западный фасад, старинный Petit Chateau, Grand Vestibule, Grand Escalier и Galerie des Cerfs, а также десяток других апартаментов отличаются редкой и впечатляющей красотой, хотя и теряют часть своего самобытного облика из-за *предметов музея*, распределенных по их стенам и полам.

Одной из жемчужин ландшафта Шантильи является *Pelouse*, обширная эспланада с зеленым газоном, которая сейчас частично образует знаменитую ипподромную трассу Шантильи. Спорт всегда был частью программы мероприятий на открытом воздухе в Шантильи, но сегодня он немного больше связан с лошадьми, чем раньше, и гораздо менее живописен и, безусловно, более вульгарен и банален по сравнению с охотами, турнирами и скачками романтической эпохи.

Тысячи людей приезжают в Шантильи, чтобы поставить свои деньги на лошадей-аутсайдеров и темных лошадок, на которых ездят третьесортные жокеи из других стран, но, вероятно, не более десяти из десяти тысяч зрителей Гран-при Жокей-клуба в мае

используют весеннюю встречу как повод для посещения прекрасного старинного исторического памятника Конде.

О «скачках» в Шантильи можно сказать еще одно слово: они являются результатом деятельности фонда, основанного герцогом Орлеанским в 1832 году. Трасса имеет форму круга длиной две тысячи метров и занимает лучшую половину Пелузы, с одной стороны окруженную густым лесом Фор-де-Шантильи, а с другой — частично историческими Экюри, с трибуной, или главным трибуном, расположенным чуть южнее.

Многие туристы приезжают в Шантильи на автомобиле, резко останавливаются перед Grande Grille, пробегают по галереям замка, делают «*cent pas*» в парке, бегло осматривают конюшни и уезжают; но многие, гораздо многие, с более медленными шагами и более здравым умом, впитывают очарование, которое предлагается со всех сторон, и считают, что время, проведенное в Шантии (), было потрачено не зря, даже если они заплатили «бульварные цены» в ресторане Гранд Конде (Restaurant du Grand Condé) за свой *обед*.

Говорят, что музей — это собрание *предметов искусства*, сгруппированных по хронологии или по категориям. Музей Шантильи герцога д'Омаля — это скорее выражение личного вкуса. Он собирал то, что ему нравилось, и располагал свои коллекции так, как ему хотелось.

Знаменитый музей Шантильи, который является магнитом, притягивающим сюда большинство людей, с его великолепным зданием, был подарком герцога д'Омаля, который, во славу своих предков и для восхищения всего мира, не говоря уже о своем личном удовлетворении, собрал здесь эклектичную коллекцию любопытных и художественных сокровищ, которые, безусловно, не уступают по интересу и ценности великим публичным коллекциям Франции. Эффект, производимый этой коллекцией, порой поразителен: Мессонье соседствует с бароном Гро, Декампс — с Веронезе, а Ланкре — с Пуссоном и Натье. Однако среди всего этого беспорядка есть несомненное, необъяснимое очарование.

Есть три отдельных зала, которые заслуживают большего внимания, чем все остальные, со стороны спешащего посетителя Музея Конде в Шантильи (). В первом, Сантуарио (Santuario), находится Часослов Этьена Шевалье (Livre d'Heures) работы Жана Фуке (Jean Fouquet), считающийся самой важной сохранившейся реликвией первобытного французского искусства.

На втором месте находится Кабинет драгоценных камней, где хранится знаменитый «Розовый алмаз», называемый Гранд Конде.

Наконец, есть Galerie de Psyche с сорока четырьмя цветными стеклянными окнами, выполненными для Коннетабля де Монморанси в 1541-1542 годах.

Великолепная коллекция исторических и художественных сокровищ, хранящаяся в стенах Шантильи, была собрана герцогом д'Омалем, чтобы связать свое имя со славной памятью Конде, которые были так тесно связаны с замком.

Герцог стремился вернуть бывшую обстановку замка, которая была распродана во время Революции, когда только о ней становилось известно и когда ее можно было приобрести на публичных или частных аукционах.

В этой связи не будет лишним сказать несколько слов о шантильском кружеве. Следует помнить, что сегодняшнее шантильское кружево — это промышленный товар, производимый в огромных количествах в Ноттингеме, Англия, хотя в те времена, когда шантильский фарфор соперничал с фарфором из Севра, оно было исключительно местным продуктом. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что большая часть

шантильского кружева, продаваемого сегодня в магазинах Шантильи, не идет ни в какое сравнение с замечательными образцами, которые можно увидеть в витринах музея.

Между главным зданием и замком Энгиен проходит лесистая аллея, ведущая к большому парку, с пологим спуском к затопленным садам по монументальной лестнице с пологим уклоном. Все это является квинтэссенцией лучшего, что было в искусстве ландшафтных дизайнеров того времени.

Слева простирается обширный Jardin Anglais — настоящий французский Jardin Anglais. Не стоит упускать из виду разницу: по традиционным канонам он красивый, изящный и приятный, но ему не хватает величественной формальности итальянского сада или изобретательной планировки французского. Его изгибы, овалы и круги раздражают после *прямых линий*, прямых углов и *узоров* французского варианта.

Лес Шантильи занимает площадь в две тысячи четыреста сорок девять гектаров и простирается от Буа-де-Эриво на одной стороне до леса Сенлис на другой. В старину, а сегодня в редких случаях, *место встречи охотников* находилось на Ронд-Пойнт, к которому ведут с разных сторон дюжина великолепных лесных дорог (), а дорога из города вымощена бельгийскими блоками, которые вызывают страх у автомобилистов, но по которым приятно ездить в грязную погоду. Route de Connetable, так называемая, является почти идеальной в своем роде. Она начинается напротив замка, а у ее входа стоят два каменных льва. Она имеет мягкий грунт, подходящий для верховой езды, но совершенно неподходящий для любого вида колесного транспорта.

Еще одна из великолепных лесных дорог ведет к Chateau de la Reine Blanche, небольшому зданию в готическом стиле с парой стройных башен, увенчанных в виде свечниц. Согласно очень древней и несколько сомнительной традиции, это здание принадлежало Бланш де Наварр, жене Филиппа де Валуа. Снова считается, что оно было своего рода королевским пристройкой к аббатству Роямон, построенному неподалеку Святым Людовиком. Этот причудливо очаровательный особняк крошечных размеров был реальным, пригодным для проживания жилищем в 1333 году, но в последующие поколения, по-видимому, пришел в упадок. На этом месте выросла мельница, и стены замка снова затмили более прозаичную, повседневную мельницу. Герцог Бурбонский восстановил все здание в 1826 году, чтобы оно служило ему и его знатным друзьям охотничьим домиком.

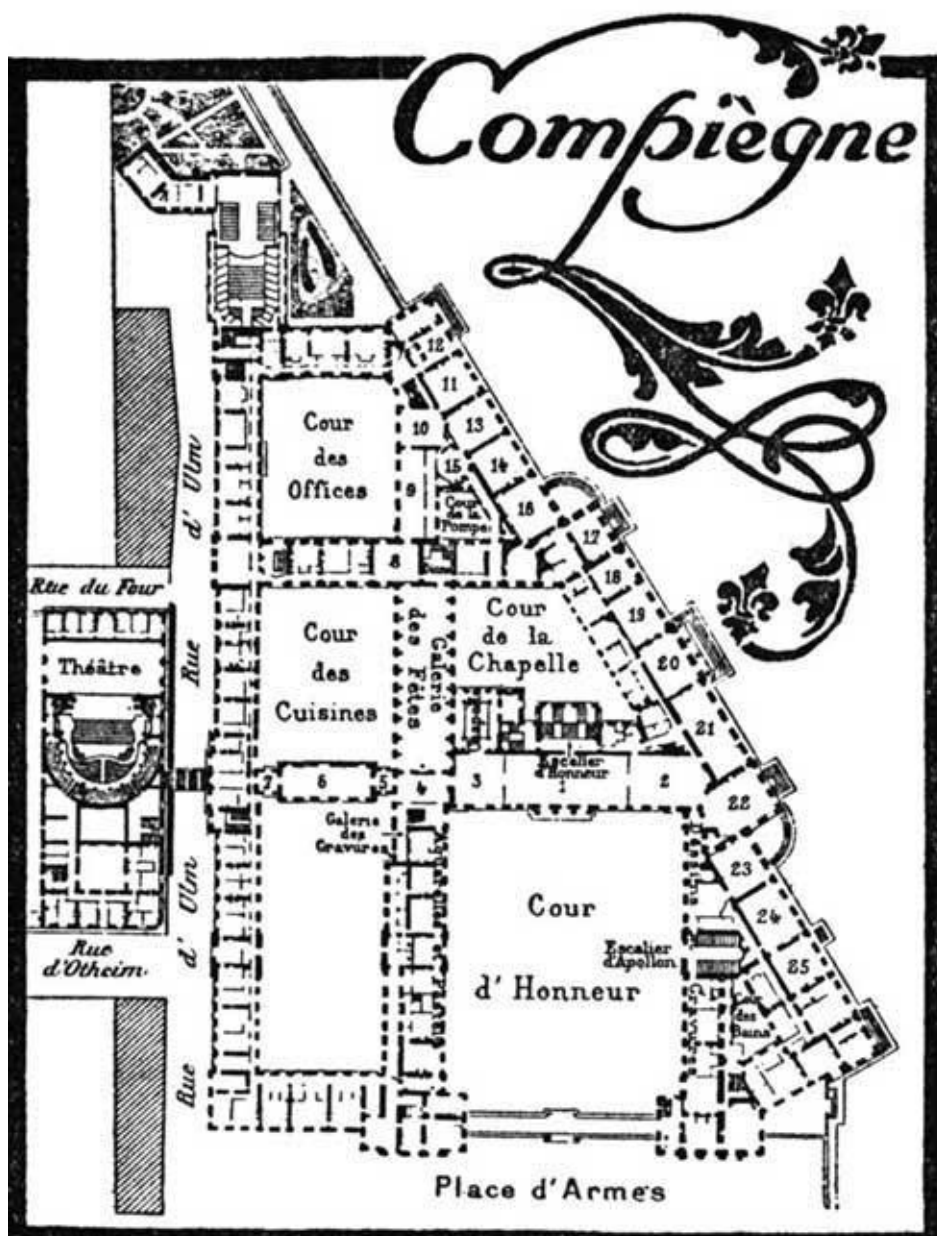
ГЛАВА XXI

КОМПЬЕНЬ И ЕГО ЛЕС

Одним из самых обсуждаемых и наименее посещаемых небольших французских дворцов является дворец в Компьене. Археологи, приезжающие в Компьен, в первую очередь замечают, что все его церкви «malorientées» (неправильно ориентированы). Для большинства людей это несущественный момент, но когда замечаешь, что высокие алтари пяти церквей обращены во все стороны света, а не на восток, это, безусловно, факт, заслуживающий внимания, даже если ты более склонен к романтике, чем к набожности.

Компьен, его дворец, его отель-де-виль, его лес — все это восхитительно. Старое и новое тесно соседствуют друг с другом, а декорации *в стиле модерн* филиала крупного парижского универмага окружают мясную лавку, которая выглядит так, как будто она осталась с тех времен, когда вся торговля велась под открытым небом.

История Компьени уходит корнями в древность. Первоначально это был Компендиум, римский пост, расположенный на шоссе между Суассоном и Бове. Квадратная башня, Башня Цезаря (), придавала военный вид укрепленному стенами посту, и сегодня не недостает свидетельств, позволяющих судить о том, насколько мощными были его укрепления.

[Посмотреть увеличенное](#)

[изображение](#)

Именно здесь первые франкские короли построили свои жилища, и именно здесь Пепин Краткий получил в дар орган от императора Константина, и именно здесь в 833 году собрание епископов и дворян свергло Людовика Благoduшного.

Карл Лысый с большой помпой принял папу Иоанна VIII во дворце в Компьене, и именно этот папа дал отпущение Луи-ле-Беге, который умер здесь всего через год, в 879 году. Последний из Каролингов, Луи V (ле-Фейнан), также умер в Компьене в 987 году.

Таким образом, город был излюбленным местом пребывания королей франков, а также королей первой и второй династий. Как и следовало ожидать, здесь проводилось много церковных соборов, за пять веков было зарегистрировано четырнадцать, но ни один из них не имел большого церковного или гражданского значения.

Город впервые получил свою хартию в 1153 году, но после того, как город Меровингов пришел в упадок, Святой Людовик передал его доминиканцам в 1260 году, которые по приказу короля основали здесь Hotel Dieu, который частично является тем же зданием, которое выполняет свои первоначальные функции и сегодня.

Первую большую любовь к Компьену проявил Карл V, который перестроил дворец Карла Лысого таким образом, что он был далек от монументального или художественно оформленного здания. Первоначально он назывался Лувром (), от латинского слова *opus* (*l'œuvre*), которое применялось ко всем замкам-крепостям в этих краях. Тот же монарх лучше справился с загородными домами, которые он построил позже в Сен-Жермене и Венсенне; возможно, к этому времени он уже приобрел опыт в общении с архитекторами.

Как и все маленькие городки Валуа, Компьень изобилует памятными местами, связанными с Столетней войной, Жанной д'Арк, Людовиком XIV, Людовиком XV, Наполеоном I и Наполеоном III, и, как его памятники свидетельствуют об этой славе, так и его лес, один из лучших во Франции, пробуждает почти столько же исторических воспоминаний.

Войны и слухи о войнах на протяжении веков держали Компьень в состоянии смятения, но самым драматичным эпизодом стала знаменитая «сорт» Жанны д'Арк, когда она пыталась защитить город от объединенных английских и бургундских войск. Это был эпизод, в котором слабость духа, а может быть, и измена сыграли нежелательную роль, поскольку, пока отважная дева рисковала всем за воротами, военный губернатор Гийом де Флави приказал закрыть за ней и ее людьми ворота величественного портала.

Ближе к концу Пон-де-Сен-Луи Жанна д'Арк попала в руки осаждающих. Лучник из Пикардии, известный как « », в одиночку схватил ее и за кругленькую сумму серебром или натурой передал ее мучителю Жану де Люксембургу. Статуя девушки находится на общественной «Площади», а рядом находится Башня Жанны д'Арк, большая круглая башня XIII века. Еще один памятник находится в старинном отеле «Отель де Бёф» по адресу Rue de Paris, 9, где дева проживала с 18 по 23 августа 1429 года, ожидая прибытия Карла VII.

В эпоху Франциска I этот галантный и притязательный монарх поселился в Компьене. Здесь он принимал своего «друга и врага» Карла V, но, как ни странно, сегодня в Компьене нет ни одного памятника, который был бы тесно связан с пребыванием здесь Франциска, любителя искусства. В конце концов, он предпочитал свою королевскую усадьбу в Виллер-Коттере, расположенную неподалеку. Там было больше уединения, и это место служило прекрасным убежищем для тех моментов, когда король не желал появляться на публике, а таких моментов было много, хотя на первый взгляд, читая о его государственных делах, можно было бы подумать иначе. Были также дела сердечные, которые для него во многих случаях были не менее важны. Об этом не следует забывать.

В 1624 году в Компьене был подписан договор, который закрепил союз Людовика XIII с Объединенными провинциями, и во время этого правления двор часто находился здесь. В 1631 году Мария Медичи, тогда находившаяся в заключении во дворце, совершила заметное побег и бежала, обреченная на вечную скитальческую жизнь, что было ужасным падением для ее некогда гордой славы, и умерла в мансарде в Кельне десять лет спустя.

В 1635 году великий канцлер Швеции подписал здесь договор, который позволил Франции вмешаться в дела Тридцатилетней войны.

Во время Фронды, той «женской войны», которая была совершенно ненужной, Анна Австрийская держала свой двор в дворце Компьень и принимала Кристину Шведскую в определенных случаях, когда костюм этой королевской дамы был настолько гротескным, а ее речь настолько *рыцарской*, что она вызвала скандал даже в развратном дворе. Анна Австрийская также покинула Компьень практически в качестве пленницы; еще один *любовный треугольник* был разрушен.

Самым впечатляющим событием в истории Компьень, о котором рассказывают хроники, было собрание шестидесяти тысяч человек под стенами города Людовиком XIV, чтобы дать мадам де Ментенон реалистичное представление о «игре в солдатиков». В любом случае, демонстрация была бескровной, и бессмертная страница в «Мемуарах» Сен-Симона самым тонким образом освящает эту галантность короля.

Еще одна прекрасная дама, также королевская фаворитка, появилась на сцене в Компьене в 1769 году, когда мадам дю Барри была главной *артисткой* на большом празднике, устроенном в ее честь Людовиком XV. Она была размещена в крошечном замке (построенном первоначально для мадам де Помпадур) недалеко от города, на дороге в Суассон.

Дюбарри, должно быть, была доброй феей для Компьень, потому что Людовик XV уделял замку огромное внимание и, вместо того чтобы дать архитектору Жаку Анжу Габриэлю полную свободу действий, как советовали его советники, постарался сохранить древние очертания прежнего здания на этом месте и таким образом представить потомкам через новую работу два монументальных фасада, которые можно увидеть и сегодня. Эти усилия не увенчались полным успехом, поскольку архитектор все же реализовал свои фантазии в отношении декора, аналогично тому, как он спроектировал Военную школу в Париже и два здания с колоннадами, выходящие на площадь Согласия.

Эта работа была полностью завершена, когда Луи XVI вступил во владение замком. В 1780 году этот монарх распорядился обустроить для королевы (его брак с Марией-Антуанеттой был освящен здесь) самые роскошные апартаменты (), но это было все, что он сделал для строительства в Компьене, которое практически осталось таким, каким его оставил его предшественник. Во время Революции и Консулата замок использовался по прихоти власть имущих, причем довольно жестоко, но в 1806 году началась его реставрация, и через пару лет в нем поселился Карл IV Испанский, свергнутый Наполеоном.

Дворец, парк и лес теперь стали своего рода королевским апанажем этого испанского монарха, который Наполеон, в духе щедрости, мог себе позволить ему завещать. Он прожил здесь несколько месяцев, а затем поспешно уехал в Марсель.

Наполеон проявлял определенное уважение к этой дворцовой собственности, хотя и занимал ее только в редкие моменты. Он украсил ее окрестности, прежде всего сады, самым роскошным образом. По сути, если учесть все обстоятельства, Компьень является *дворцом Наполеона*, и если кто-то хочет изучить стиль империи в его лучшем проявлении, то это можно сделать в Компьене.

30 июля 1814 года Людовик XVIII и Александр I встретились в Компьене в окружении парижской знати, собравшейся там по этому случаю.

Карл X любил охотиться в лесах Компьенского дворца. В 1832 году одна из дочерей Людовика-Филиппа, принцесса Луиза, вышла замуж за короля Бельгии в этом дворце.

С 1852 по 1870 год дворец и его территория были местом проведения многих императорских праздников.

Наполеон III испытывал к Компьену особое предпочтение. В 1852 году принц-президент поселился здесь на осенний сезон, и среди его гостей была прекрасная блондинка Эжени Монтихо, которая через год стала императрицей Франции. Верный памяти своего дяди из-за романтических чувств, Наполеон III часто приезжал в Компьень; или, возможно, это было из-

за близлежащей охоты, ведь он был страстным поклонником Сен-Юбера. Это был его Версаль!

Дворец Компьень, каким мы видим его сегодня, воплощает всю классическую холодность архитектуры эпохи Людовика XV. Его линии строги, и трудно поверить, что здание было вдохновлено гением, хотя в целом оно, несомненно, впечатляет. Откровенно говоря, это насмешливая, декадентская архитектура XVIII века, но таких огромных размеров, что ее можно считать чем-то грандиозным, если не превосходным образцом хорошего вкуса.

В целом архитектура дворца на первый взгляд представляет собой единое целое, хотя на самом деле она относится к нескольким эпохам (). Его интерьеры выполнены в разных стилях и относятся к разным периодам, и не все из них являются лучшими. Изящные золотые стулья, поддельные копии стульев эпохи Людовика XV, и некоторые прискорбные гобелены теснятся рядом с элегантными «бержерами» Людовика XVI, а диваны, столы и бронзовые изделия мастеров и ремесленников смешаны с дешевыми отливками, недостойными даже сцены в мюзик-холле. Когда-нибудь понадобится ловкий процесс выселения, чтобы привести эту мебель в соответствие с единым уровнем совершенства.

Один из фасадов имеет длину почти шестьсот футов, с сорока девятью окнами, вытянутыми в один ряд. Если бы он был менее богато украшен, он мог бы быть фасадом автомобильного завода, а если бы был более красивым, то фасадом выставочного здания. В некоторых отношениях он напоминает Пале-Рояль в Париже, особенно в том, что касается колоннады входа и галереи, выходящей на Лувр.

Главной красотой внутри, несомненно, является великолепная лестница с балюстрадой из кованого железа эпохи Людовика XVI. Salle de Spectacle отличается определенной характерностью Третьего империи Людовика Наполеона, что означает, что она не очень красива и не особенно проста, а просто обычна или, говоря французским выражением, вульгарна.

Одним из самых замечательных помещений является Salle des Cartes, старый салон адъютантов, стены которого украшены тремя большими картами, показывающими дороги и тропы леса, а также другими декоративными панно, изображающими охоту времен Людовика XV.

Спальня Наполеона, Компьень

Chambre à Coucher великого Наполеона, пожалуй, самая интересная из всех небольших комнат, с ее странной кроватью, которая по форме больше напоминает восточный диван, чем что-либо европейское. Несомненно, она не неудобна как кровать, но выглядит скорее как палатка или лагерь под открытым небом, чем как что-то, предназначенное для домашнего использования в помещении. После великого Наполеона ее самым известным обитателем был его племянник Наполеон III, хотя последним в ней спал царь Николай II, когда он посетил Францию в 1901 году.

Спальня императрицы Евгении обставлена в стиле раннего ампира с некоторыми вставками середины XIX века. Наиболее отличительной чертой здесь является батарея бельевых сундуков, которые Мария Луиза заказала специально для этой комнаты. Салон почетных дам с двумя рядами из девяти «ножничных стульев», знаменитых *tabourets de cour*, строго выстроенных перед *канпе*, на котором отдыхала императрица, — это, безусловно, замечательная комната (, ge). Это был традиционный *декор*, который мадам Санс-Жен сделала классическим.

Как и все французские национальные дворцы, Компьень имеет слишком обширную коллекцию ваз из Севра, расставленных в неудобных углах, которые иначе было бы нечем заполнить, и, начиная с вестибюля, это становится болезненно очевидным.

Апартаменты, в которых лучше всего проявлен наполеоновский стиль в украшениях и обстановке, — это Salon des Huissiers, Salle des Gardes, Escalier d'Apollon, Salle de Don Quichotte, в котором находится серия эскизов, предназначенных для серии гобеленов, изображающих сцены из жизни рыцаря ветряных мельниц, Galerie des Fêtes, Galerie des Cerfs, Salle Coypel, Salle des Stucs и Salon des Fleurs, через который можно пройти в королевские апартаменты.

В XVI веке, а точнее, между 1502 и 1510 годами, был построен красивый Отель де Виль в Компьене, один из самых восхитительных архитектурных смещений готики и ренессанса, сохранившихся до наших дней. Это архитектурный памятник того же класса, что и Дворец правосудия в Руане или Отель Ключи в Париже. Его фасад великолепен, *первый этаж*, возможно, менее изящен, чем остальные, но второй этаж () расцветает как драгоценный камень великолепных пропорций и обстановки. Между четырьмя окнами этого второго этажа расположены статуи Карла VII, Жанны д'Арк, Святого Реми и Людовика IX. В центре, в нише, находится конная статуя Людовика XII, который правил во время строительства этого памятника. *Балюстрада à jour* завершает этот этаж, над которым возвышается высокий остроконечный фронтон, а над ним — колокольня и шпиль, на котором находится большой часы, датируемые 1303 годом, хотя установленные только в 1536 году. Единственной фальшивой нотой являются два незначительных, холодных и неприглядных крыла, которые фланкируют главное здание с обеих сторон.

Это сооружение XVI века, не имеющее себе равных во всей Франции, больше похоже на колокольню бельгийской ратуши, чем на что-либо другое, что можно увидеть за пределами Фландрии, но оно не относится к низкому испанскому ренессансу, как многие из внушительных зданий западной и восточной Фландрии. Это смесь готики и ренессанса, и, что еще более редко, лучшее из готики и лучшее из ренессанса. Над фасадом возвышается городская колокольня, по бокам которой расположены две стройные башни. Внутри порталного вестибюля поднимается монументальная лестница, которая, несомненно, послужила источником вдохновения для многих строителей современных оперных театров.

Напротив Отеля Дье находится бедная, разрушенная реликвия Башни Жанны д'Арк, первоначально цилиндрического донжона XII века, в котором в 1430 году была заключена «Дева».

Между дворцом и рекой можно увидеть многочисленные остатки средневековых городских укреплений, а также отчетливо очерченные основания ворот или башен. Средневековые пронизывает всю Компьену.

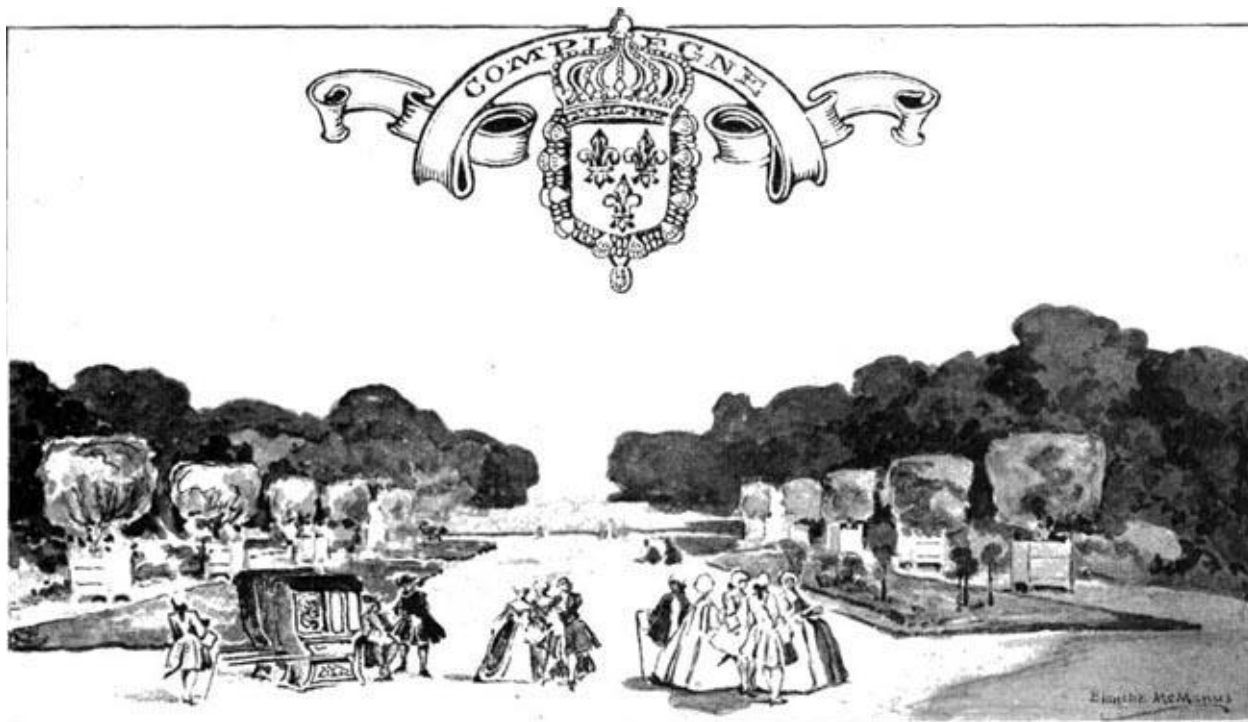
Парк, окружающий дворец, значительно отличается от более обширного леса Фор-де-Компьень. Он имеет светский, традиционный вид, и его перспективы, открывающиеся с террасы на лес и наоборот, во всех отношениях радуют глаз.

Одна из самых поразительных из этих аллеиных перспектив была разбита по приказу первого Наполеона в 1810 году. Она теряется в бесконечности, ее горизонт сливается с горизонтом далеких Бо-Мон в сердце леса.

В непосредственной близости от дворца находится множество статуй, ни одна из которых не отличается особой красотой, ценностью или значимостью. С южной стороны проходит Cours, или Prado, как его называли бы в Каталонии. Слово Cours имеет провансальское происхождение, и как оно оказалось здесь, остается загадкой. Тем не менее, он здесь есть — большая тенистая аллея, ведущая к реке. Климат Компьень никогда не бывает настолько жарким, чтобы этот Cours ценился так же высоко, как его тезки на юге Франции, но как

экзотическое дополнение к парку он представляет собой совершенно уникальное удовольствие.

В парке еще можно увидеть очертания рва, окружавшего дворец Карла V, а также некоторые скудные остатки того же периода.

Курс де Компьень

Еще одной отличительной чертой является знаменитый *Berceau en Fer*, железная решетка длиной в несколько тысяч футов, построенная Наполеоном I в память о Марии Луизе и напоминающая ей о похожем, но меньшем по размеру садовом аксессуаре, который она знала в Шенбрунне. Это было капризом, если хотите, и довольно бесполезным, поскольку это было до того времени, когда вещи, не имеющие художественной ценности, были в моде только из-за своих гигантских размеров. Наполеон III частично срубил ее и подрезал до более эстетичных пропорций, и то, что осталось, покрытое виноградной лозой и цветами, действительно очаровательно.

Исторический лес Компьень восходит к друидам, которые практиковали свои таинственные обряды под его древней тенью за столетия до прихода королей, которые позже назвали его своим особым охотничьим угодьем. Каменные топоры, похожие на томагавки краснокожих, были найдены и датированы — ну, определенно, каменным веком, и, предположительно, временем, когда они служили друидам для их жертвоприношений.

Позже пришли солдаты Цезаря, и их топоры были из железа или меди, и хотя они тоже были на тропе войны, их путь должен был привести цивилизацию в дикую местность. Те, кто умеет читать знаки, могут найти в лесу бесчисленные следы римской оккупации; археологи отметили двадцать пять различных мест, которые были станциями на пути, проложенном римскими легионами.

После римлян появились первые короли как владельцы леса, а в средние века монахи, бароны и сама корона поровну делили права на лес.

С самыми странными легендами связаны различные места, разбросанные по всему лесу, такие как Фосс Дюпюи и Таблица Ронд, где бароны проводили своего рода «испытание огнем», когда один из сеньоров замыслил заговор против другого. Ариосто, черпая многие из своих легенд из произведений старых французских летописцев, не постеснялся использовать лес Компьень как место действия.

Во время правления Клотаря лес был известен как Forêt de Cuise из-за королевского дворца, спрятанного среди дубов друидов, которые носили имя Cotia или Cusia. До 1346 года дворец существовал в той или иной форме, хотя и лишенный королевского величия. Именно в этот период Филипп VI разделил леса Валуа на три отдельные части, чтобы лучше регулировать их эксплуатацию.

Франкские короли, по-видимому, чрезмерно увлекались *охотой*, и лес Компьень (Forêt de Compiègne) весной и осенью становился их излюбленным местом встреч. Историк Алкуин отметил этот факт в VIII веке и довольно подробно описал эту самую раннюю королевскую охоту. В 715 году лес стал свидетелем великой битвы между австразийцами и нестрианами.

До того как Франциск I по своей привычной инициативе проложил восемь больших лесных дорог, которые сходятся в восьмиугольнике под названием Пуит-дю-Руа, лес не пересекала ни одна магистраль; ближайшей к ней была Шоссе-де-Брюно, римская дорога, которая ограничивала его с юга и востока.

Луи XIV и Луи XV, в свою очередь, проложили многочисленные дороги и тропы, а последнему принадлежит заслуга создания перекрестков, известных как Grand Octagone и Petit Octagone.

Именно по одной из этих больших лесных дорог, ведущей в Суассон, Мария Луиза, в сопровождении кортежа из трехсот человек, восьмидесяти экипажей и четырехсот пятидесяти лошадей, путешествовала под проливным дождем в марте 1807 года, когда она приехала во Францию, чтобы основать династию.

Брак был заключен по доверенности в Вене, и она отправилась в Суассон, чтобы впервые встретиться со своим будущим супругом. В маленькой деревне Курсель, на окраине леса между Суассоном и Компьень, два человека, закутанные в большие защитные плащи, прибыли в спешке из Компьень. У приходской церкви они остановились на мгновение и укрылись под навесом, нетерпеливо оглядывая горизонт. Наконец, в поле зрения появилась тяжелая *берлинская карета*, запряженная восьмью белыми лошадьми. В ее глубине сидели две богато одетые женщины, одна — красивая женщина зрелого возраста, другая — молодая девушка, едва достигшая восемнадцати лет.

Самый возбужденный из мужчин, одетый в серый редингот, поспешно бросился к дверце кареты. Пожилая женщина представила его как «*Его Величество Императора Французов, моего брата*». Говорила одна из сестер Наполеона, Каролина, королева Неаполя; другая была эрцгерцогиня Мария Луиза, дочь Франца II, императора Австрии.

В Суассоне была запланирована торжественная церемония, и двору было приказано выехать из Компьень вместе с императором, чтобы прибыть в Суассон в назначенное время. Когда был дан сигнал к отправлению, императора нигде не было. Как обычно, он опередил события.

За несколько недель до прибытия будущей императрицы Наполеон проводил большую часть своего времени в Париже, в апартаментах, которые он велел подготовить для Марии Луизы. Он выбирал цвет обстановки и лично контролировал расстановку мебели. Среди

прочего он запланировал создание будуара, который сам по себе обошелся почти в полмиллиона франков.

Лежён, который сопровождал маршала Бертье в Вену для организации брака, вернулся и дал своему императорскому господину восторженное описание прелестей молодой эрцгерцогини, которая должна была стать его невестой. Император сравнил свой идеал с ее изображением на медалях и миниатюрах, а затем еще более усердно, чем раньше, работал над тем, чтобы ее апартаменты были достойны ее появления.

Именно после этой лихорадки возбуждения Наполеон и двор отправились в Компьень. Император был настолько беспокоен, что едва мог дожидаться прибытия эрцгерцогини (), и поэтому он отправился с Муратом навстречу приближающейся процессии.

Павильон, который был построен для встречи, оставили жителям окрестных деревень, а великолепный банкет, приготовленный Боссе, также был отменен. Наполеон не имел времени думать об обеде.

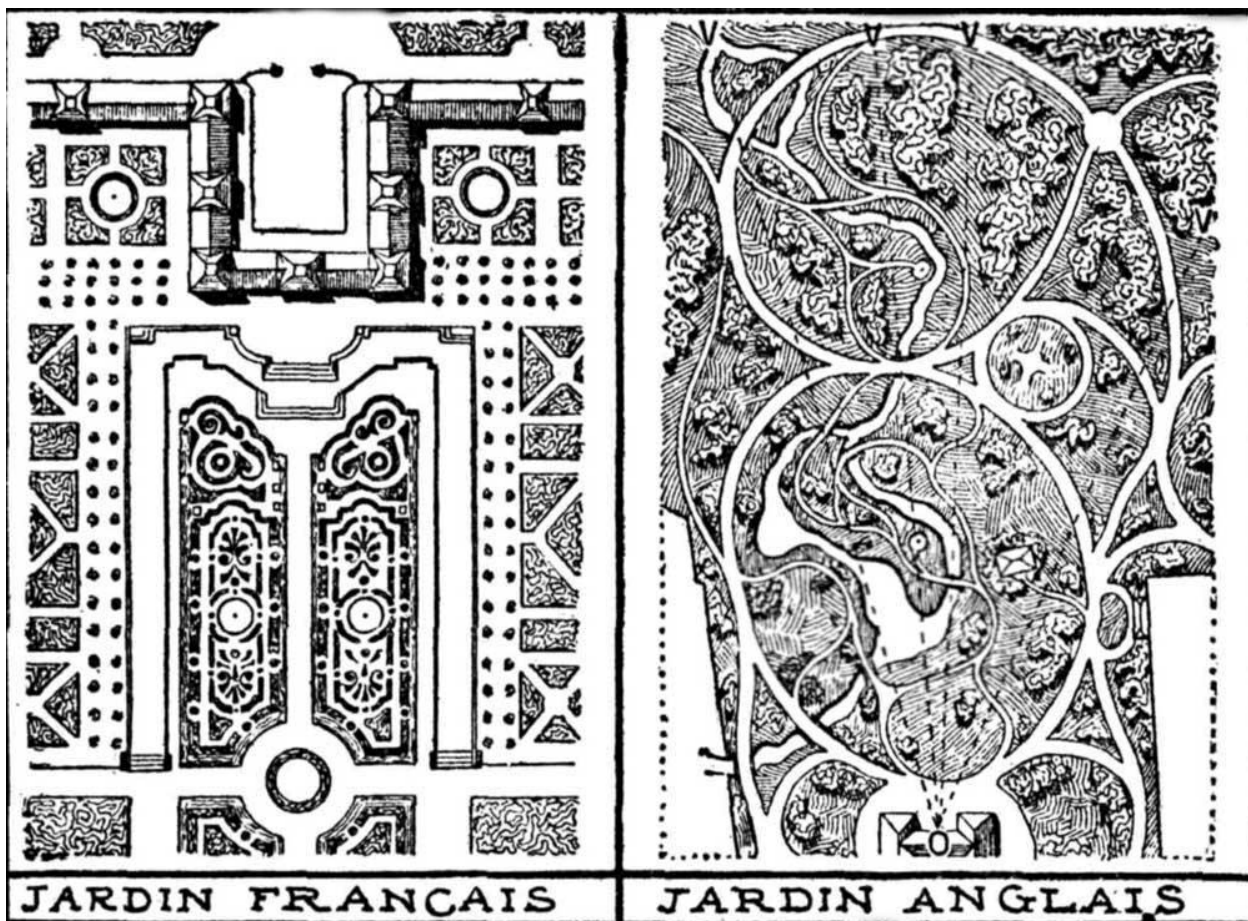
Все придорожные деревни между Суассоном и Компьень были украшены знаменами, и население казалось столь же возбужденным, как и стороны, заключавшие брак. Дождь все еще лил как из ведра, но это не имело никакого значения. Два курьера на полном скаку первыми прибыли в Компьень, крича: «Место! Место!» За ними следовали восемь белых лошадей и *берлин де важо*. Едва успев осознать, что происходит, Наполеон и его невеста пронесли мимо в мгновение ока.

В девять часов аванпост в парке Компьень объявил о прибытии императора и его свиты. В десять часов над парком раздался пушечный выстрел, и император с императрицей прошли в замок, чтобы приступить к некоторым необходимым представлениям, а затем к ужину, *petite souper intime*, как нас уверяют.

На следующий день весь собравшийся при дворе мир встретил императрицу и признал, что она обладает той обманчивой *beauté du diable*, которая всегда нравилась французским ценителям красивых женщин. Однако они пошли дальше и заявили, что, несмотря на эту восхитительную красоту, ей не хватает элегантности, которой должна обладать императрица Франции. Верный Бертье заставил их замолчать очевидным заявлением, что, поскольку она нравится императору, больше нечего сказать или думать.

Мчась на север по большой дороге, ведущей из Парижа в Шантильи и Компьень, путешественники-бродяги даже не задумываются о том, что сразу за мостом Сен-Максенс, почти на виду от входа в гостиницу «Львиный серебряный» этого сонного маленького городка, находится стена с фронтоном, которая представляет собой все, что осталось от «Дома Филиппа де Бомануара», называемого Кур Басс.

КОНЕЦ

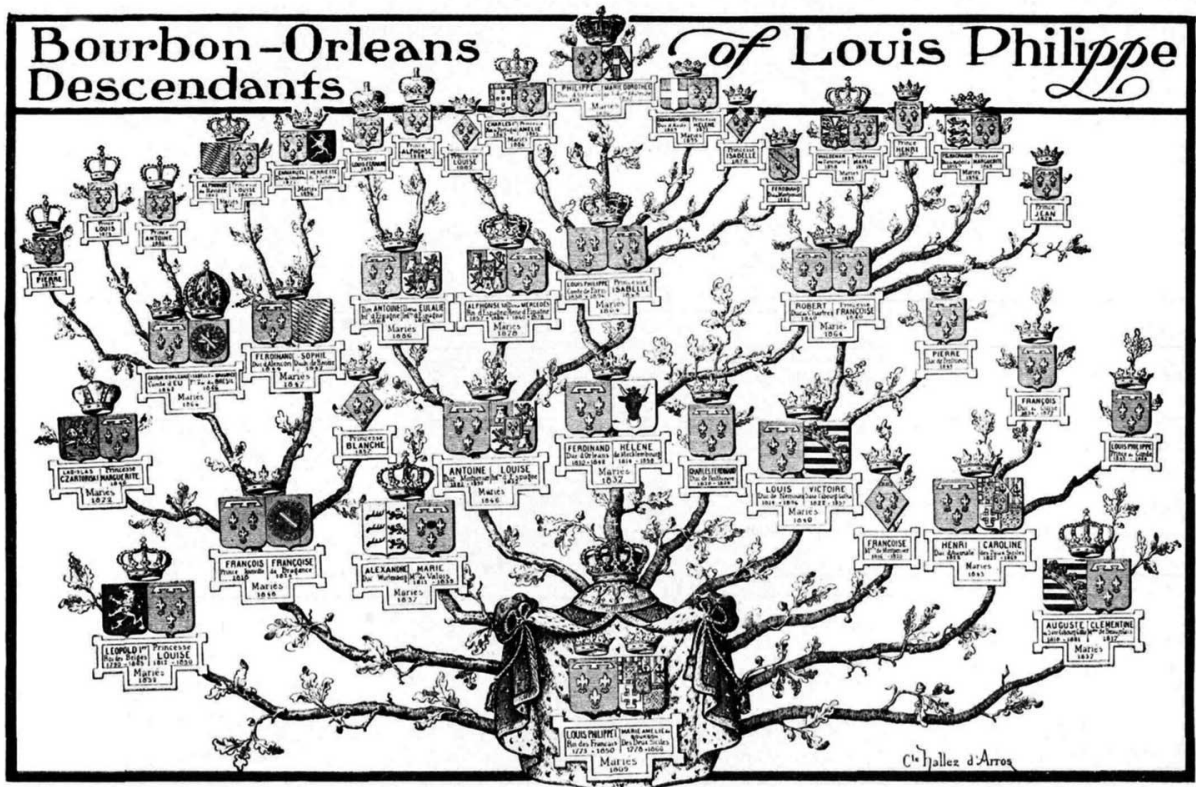
назад

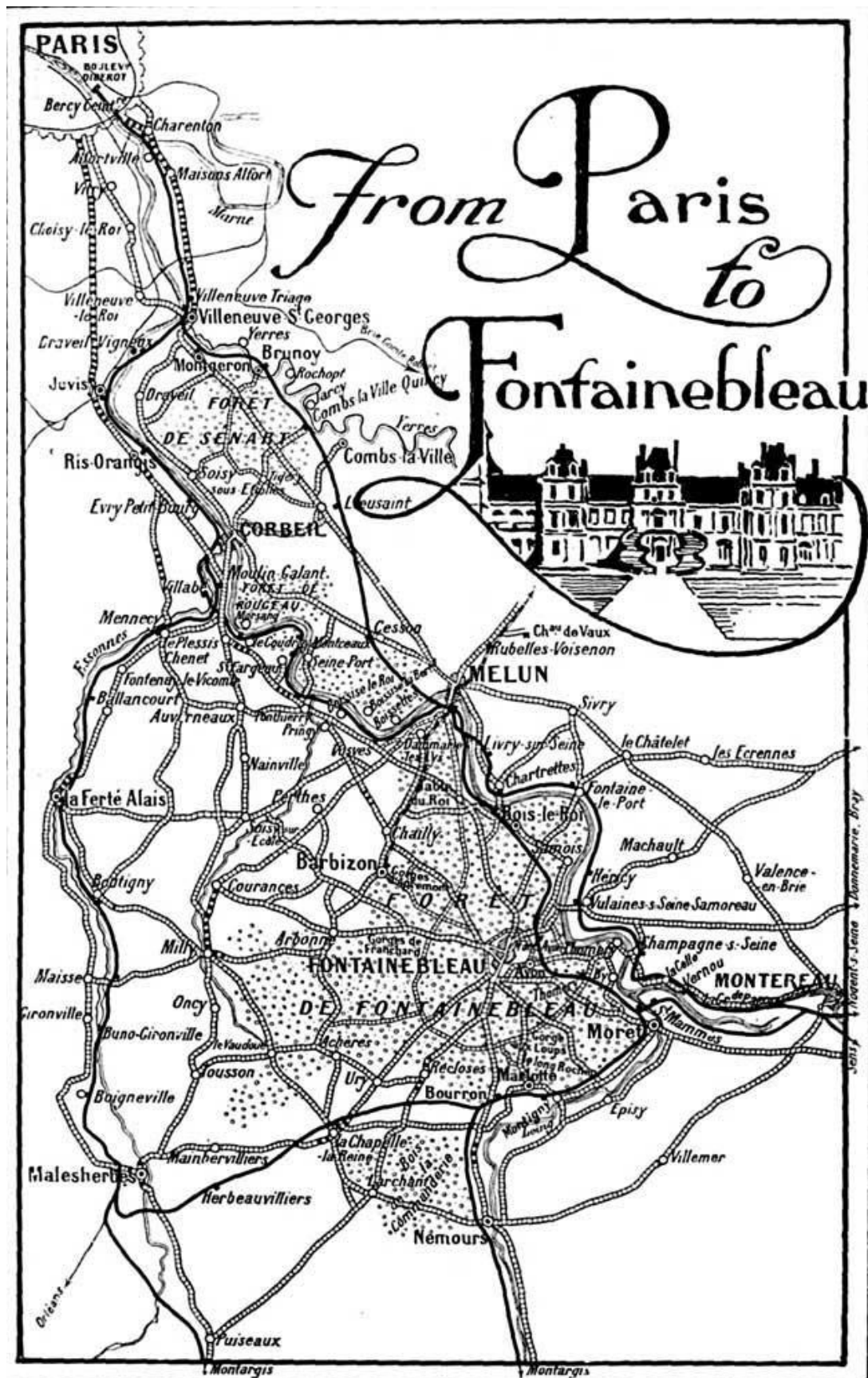
назад

назад

назад

назад

CIPHER of HENRI II and DIANE de POITIERS
on Chimney of the SALLE de BAL

from the
Chapel
of the
Saints Trinite

from a Chimney

BOISERIES
of the
GALLERY
of
FRANCOIS. I.

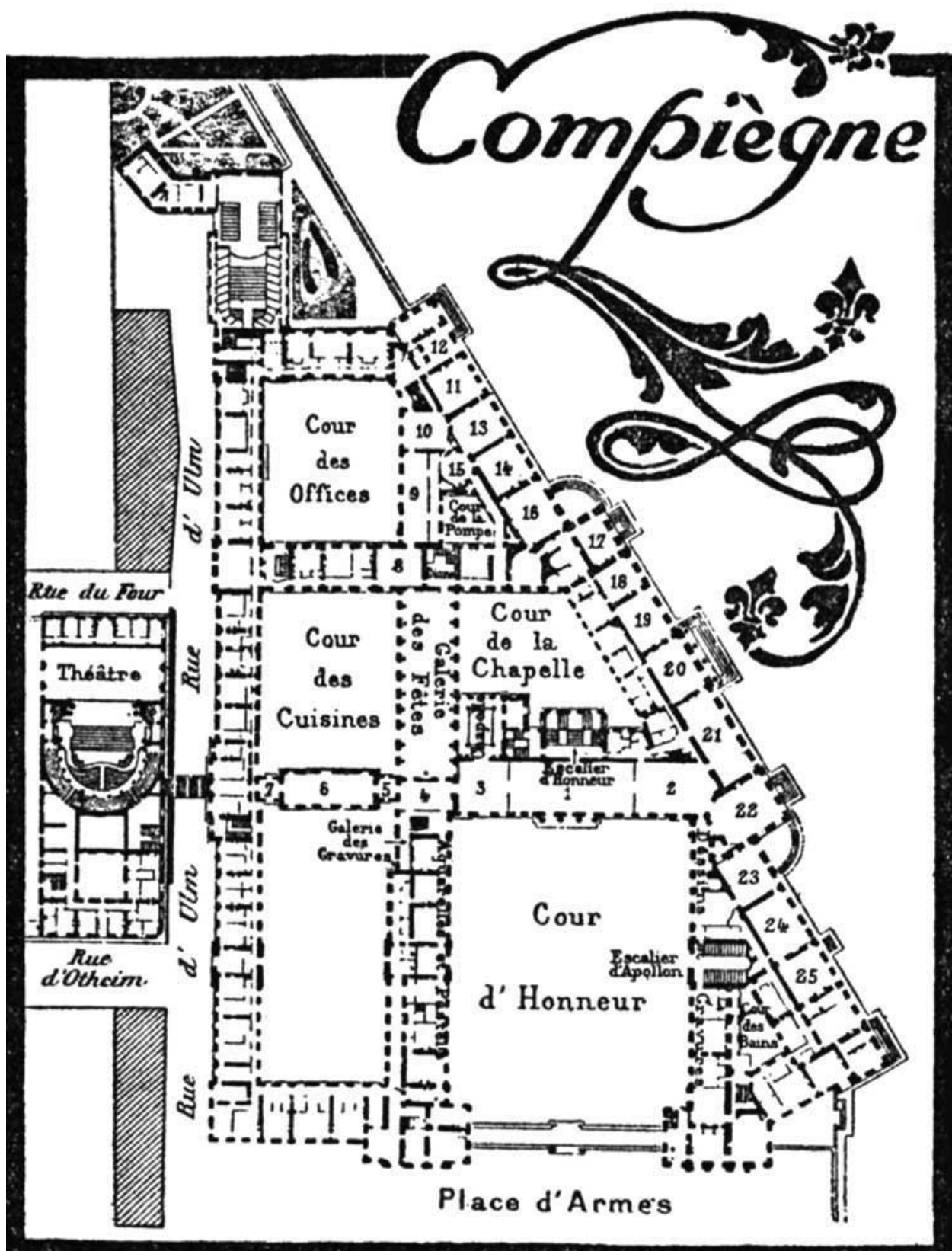

CRADLE
of the
KING of ROME

STUCCO
from the
COUR des
PRINCES

FRAGMENTS from
FONTAINEBLEAU

назад